ЭТОТ

КРИВОЙ ХИН

ge

ДЖОН ДИКСОН КАРР

COLLIER BOOKS

Подразделение издательства Macmillan Publishing, Co., Inc.

Нью-Йорк

Первое издание Collier' Books, 1964, Пятое издание в 1974 году

Среда, 29 июля

1

СМЕРТЬ ЧЕЛОВЕКА

Первое правило, которое должен иметь в виду соискатель, таково: - Никогда не сообщайте своей аудитории заранее, что вы собираетесь делать. Если вы сделаете это, вы сразу же направите их внимание в ту сторону, которой им лучше всего избегать, и в десять раз увеличите шансы на обнаружение! Мы приведем иллюстрацию.

- ПРОФЕССОР ХОФФМАН, "Современная магия" –

Глава 1

Брайан Пейдж сидел у окна, выходившего в сад в графстве Кент, за письменным столом, заваленным раскрытыми книгами, и испытывал сильное отвращение к работе. Через оба окна лучи позднего июльского солнца окрашивали пол в комнате в золотистый цвет. В убаюкивающем тепле пахло старым деревом и старыми книгами. Из яблоневого сада за садом прилетела оса, и Пейдж без особого энтузиазма отмахнулся от нее.

За оградой его сада, мимо гостиницы "Бык и мясник", дорога примерно четверть мили петляла между фруктовыми садами. Он миновал ворота Фарнли-Клоуз, чьи тонкие гроздья дымоходов Пейдж мог видеть над просветами между деревьями, а затем поднялся вверх по лесу, поэтически известному как Висячая карта.

Бледно-зеленые и коричневые равнины Кента, которые редко приобретали резкий оттенок, теперь пылали. Пейдж представила, что кирпичные трубы Клоуза тоже окрашены в яркие цвета. А по дороге от Ближайшего дома с шумом, слышным на некотором расстоянии, двигалась машина мистера Натаниэля Берроуза, хотя

и не очень быстро. Брайан Пейдж лениво подумал, что в деревне Маллингфорд было, пожалуй, слишком оживленно. Если бы это утверждение звучало слишком дико, чтобы в него можно было поверить, его можно было бы доказать. Только прошлым летом произошло убийство полногрудой мисс Дейли, задушенной бродягой, который был драматически убит при попытке к бегству через железнодорожные пути. Затем, в последнюю неделю июля, в “Быке и мяснике” несколько дней подряд останавливались двое незнакомцев: один из них был художником, а другой, который, возможно, - никто не знал, откуда пошли эти слухи, - детективом.

Наконец, сегодня произошло таинственное хождение туда-сюда друга Пейджа, Натаниэля Берроуза, адвоката из Мейдстоуна. Казалось, в Фарнли Клоуз царило какое-то общее волнение или неловкость, хотя никто не знал, что это значит. Брайан Пейдж обычно заканчивал работу в полдень и отправлялся в “Быка и мясника” выпить пинту пива перед обедом, но это был зловещий знак того, что утром в гостинице не было никаких сплетен.

Зевнув, Пейдж отодвинул в сторону несколько книг. Он лениво размышлял о том, что могло взбудоражить Фарнли-Клоуз, который редко оживлялся с тех пор, как Иниго Джонс построил его для первого баронета в царствование Якова Первого. Он знал длинный род Фарнли: до сих пор этот род жилистый и выносливый. Сэр Джон Фарнли, нынешний владелец титула баронета Мейлингфорда и Соуна, унаследовал значительное состояние, а также солидные владения.

Пейдж нравились и смуглый, довольно нервный Джон Фарнли, и его прямолинейная жена Молли. Здешняя жизнь вполне устраивала Фарнли; он был прирожденным сквайром, несмотря на то, что так долго находился вдали от дома. Ибо история Фарнли была еще одной из тех романтических историй, которые так интересовали Пейджа и которые теперь, казалось, было так трудно совместить с солидным, почти заурядным баронетом из Фарнли Клоуз. Начиная с его первого путешествия и заканчивая женитьбой на Молли Бишоп, состоявшейся немногим более года назад, это было (подумал Пейдж) еще одной рекламой развлечений Маллингфорд-Виллидж.

Усмехнувшись и снова зевнув, Пейдж взялся за ручку. Пора приниматься за работу.

О Боже.

Он рассматривал брошюру, лежавшую у него под рукой. Его “Жизнеописания верховных судей Англии”, которые он пытался сделать как научными, так и популярными, продвигались так хорошо, как и следовало ожидать. Теперь он имел дело с сэром Мэтью Хейлом: - Всевозможные внешние проблемы всегда возникали сами собой, потому что они должны были возникнуть, и потому что Брайан Пейдж не хотел их скрывать.

По правде говоря, он никогда по-настоящему не надеялся закончить “Жизнеописания главных судей”, как и не собирался заканчивать свое первоначальное юридическое образование. Он был слишком ленив для настоящей учености, но в то же время слишком неугомонен и интеллектуально развит, чтобы оставить это в покое. Не имело значения, закончит ли он когда-нибудь “Верховных судей”. Но он мог твердо сказать себе, что ему следует работать, а затем с чувством облегчения отправиться бродить по всевозможным увлекательным обходным путям этой темы.

Брошюра, лежавшая рядом с ним, гласила: “Судебный процесс над ведьмами, состоявшийся в Бери-Сент-Эдмондсе, графство Саффолк, десятого марта 1664 года, перед сэром Мэтью Хейлом, королевским адвокатом, в то время лордом-главным бароном Казначейского суда его Величества”. Напечатано для Д. Брауна, Дж. Уолтоу, и М. Уоттон, 1718 год.

Там была тропинка, по которой он уже ходил раньше. Связь сэра Мэтью Хейла с ведьмами, конечно, была весьма незначительной. Но это не помешало Брайану Пейджу написать лишнюю половину главы на любую тему, которая его заинтересовала. С довольным вздохом он снял с одной из полок потрепанный “Гленвилл”. Он как раз начал размышлять об этом, когда услышал шаги в саду, и кто-то окликнул его из-за окна.

Это был Натаниэль Берроуз, размахивающий портфелем с непрошеными приглашающими жестами…

- Занят? - спросил я. - потребовал Берроуз.

- Ви-эл, - призналась Пейдж и зевнула. Он отстранил Гленвилла. - Заходи и выкури сигарету.

Берроуз открыл стеклянную дверь, выходящую в сад, и вошел в полутемную, уютную комнату. Хотя он хорошо держал себя в руках, он был настолько взволнован, что в жаркий полдень

выглядел зябким и довольно бледным. Его отец, дед и прадед занимались юридическими делами Фарнли. Иногда можно было усомниться в том, что Натаниэль Берроуз, с его энтузиазмом и временами взрывной речью, подходит на роль семейного юриста. Кроме того, он был молод. Но, как правило, он держал все это под контролем и умудрялся, подумал Пейдж, выглядеть более невозмутимым, чем палтус на тарелке.

Темные волосы Берроуза были коротко подстрижены и аккуратно уложены вокруг головы. На длинном носу у него были очки в раструбной оправе; он смотрел поверх очков, и в этот момент казалось, что мускулов на его лице больше, чем обычно. Он был одет в черное с особой тщательностью и неудобством; его руки в перчатках лежали на портфеле.

“Брайан, - спросил он, - ты сегодня ужинаешь дома?” “Да. я…”

“Не надо”, - резко сказал Берроуз. Пейдж моргнул.

- Вы обедаете у Фарнли, - продолжал Берроуз. - По крайней мере, мне все равно, будете ли вы там обедать, но я бы предпочел, чтобы вы были там, когда что-то произойдет. К нему вернулось что-то от его официальных манер, и он выпятил свою худую грудь. - К счастью, я уполномочен сказать вам то, что собираюсь. Скажите, у вас когда-нибудь были основания полагать, что сэр Джон Фарнли был не тем, кем казался?

- Не тот, кем казался?

- Что сэр Джон Фарнли, - осторожно объяснил Берроуз, - был самозванцем и маскарадщиком, а вовсе не сэром Джоном Фарнли?

- У вас солнечный удар? - спросил другой, садясь. Он почувствовал испуг, раздражение и неоправданное возбуждение. Это было не то, что набрасываться на человека в самый ленивый момент жаркого дня. “Конечно, у меня никогда не было причин думать о чем-то подобном. С чего бы мне это? К чему, черт возьми, вы клоните?

Натаниэль Берроуз поднялся со стула, ставя туда портфель.

Я говорю это, - ответил он, - потому что появился человек, который утверждает, что он настоящий Джон Фарнли. В этом нет ничего нового: это продолжается уже несколько месяцев, и теперь это достигло апогея. Э-э… - Он заколебался и огляделся. - Здесь

есть еще кто-нибудь? Госпожа Как-ее-там-зовут - ну, вы знаете, ту женщину, которая работает на вас, или на кого-нибудь еще?”

“Нет”.

Берроуз говорил, как будто только губами и зубами. “Я не должен был вам этого говорить. Но я знаю, что могу доверять вам; и (между нами) Я нахожусь в щекотливом положении. Это грозит неприятностями. Дело Тичборна не станет исключением из правил. Конечно, официально, пока что, у меня нет оснований полагать, что человек, чьими делами я веду, не является сэром Джоном Фарнли. Предполагается, что я служу сэру Джону Фарнли, как подобает. Но в этом-то и суть. Вот двое мужчин. Один из них - настоящий баронет, а другой - притворяющийся мошенник. Эти двое мужчин не похожи друг на друга; они даже внешне не похожи. И все же, будь я проклят, если могу решить, кто из них кто.” - Он помолчал, а затем добавил: - К счастью, дело может быть улажено сегодня вечером.

Пейджу пришлось привести в порядок свои мысли. Пододвинув коробку с сигаретами к своему гостю, он закурил сам и внимательно посмотрел на Берроуза.

“Это один удар грома за другим”, - сказал он. “Так с чего же все началось? Когда были основания предполагать, что в дело вмешался самозванец? Возникал ли этот вопрос раньше?”

“Никогда. И вы поймете почему”. Берроуз достал носовой платок, тщательно вытер лицо и спокойно устроился поудобнее. - Я только надеюсь, что это “гнездышко для кобылы”. Мне нравятся Джон и Молли - извините, сэр Джон и леди Фарнли - они мне очень нравятся. Если этот истец - самозванец, я буду танцевать на деревенской лужайке - ну, может быть, и не так, но я позабочусь о том, чтобы он получил тюремный срок за лжесвидетельство больший, чем был у Артура Ортона. А пока, раз уж вы собираетесь услышать об этом сегодня вечером, вам лучше знать предысторию всего этого дела и причину, по которой возникла эта адская неразбериха. Вы знаете историю сэра Джона?

“В общих чертах”.

“Вы ничего не должны знать в общих чертах”, - возразил Берроуз, неодобрительно покачав головой. “Вы так пишете свою историю? Надеюсь, что нет. Послушайте меня и твердо запомните эти простые факты.

- Мы возвращаемся на двадцать пять лет назад, когда нынешнему сэру Джону Фарнли было пятнадцать. Он родился в 1898 году и был вторым сыном старого сэра Дадли и леди Фарнли. Тогда не было и речи о том, чтобы он унаследовал титул старшего сына. Дадли был гордостью и отрадой своих родителей… И они хотели, чтобы в сыновьях было что-то благородное.'

Старый сэр Дадли (я знал его всю свою жизнь) был поздневикторианцем в высшей степени строгого нрава. Он был не так плох, как о нем пишут в романах в наши дни; но я помню, как в детстве меня всегда удивляло, когда он давал мне шестипенсовик.'

"Юный Дадли был хорошим мальчиком. Джон - нет. Он был смуглым, тихим, необузданным мальчиком, но таким угрюмым, что никто не мог простить ему ни малейших оскорбительных поступков. В нем не было ничего плохого, просто он не подходил для этой роли и хотел, чтобы к нему относились как к взрослому, пока он сам не вырос. В тысяча девятьсот двенадцатом году, когда ему было пятнадцать, у него был вполне взрослый роман с барменшей в Мейдстоуне"

Пейдж присвистнул. Он выглянул в окно, как будто ожидал увидеть самого Фарнли.

- В пятнадцать лет? - Сказал Пейдж. - Вот, он, должно быть, был мальчишкой!

"Он был…"

Страница. колебавшийся. "И все же, знаете, я всегда думал, судя по тому, что я о нем слышал, что Фарнли был…"

"Немного пуританином?" добавил Берроуз. "да. Как бы то ни было, мы говорим о мальчике пятнадцати лет. То, что он изучал оккультизм, включая колдовство и… Сатанизм, было достаточно плохо. Его исключили из Итона, было еще хуже. Но публичный скандал с барменшей, которая думала, что у нее будет ребенок, положил этому конец. Сэр Дадли Фарнли просто решил, что мальчик был плохим до мозга костей, что-то вроде сатаниста Фарнли, что ничто и никогда не изменит его, и что он не хотел бы видеть его снова. Все пошло как обычно. У леди Фарнли был двоюродный брат в Америке, у которого там все шло хорошо, и Джона отправили в Штаты.

"Единственным человеком, который, казалось, вообще мог с ним

справиться, был наставник по имени Кеннет Мюррей. Репетитор, молодой парень лет двадцати двух - или трех, приехал в Фарнли Клоуз после того, как Джон закончил школу. Важно отметить, что хобби Кеннета-Мюррея была научная криминология: именно это с самого начала привлекло мальчика к Мюррею. В те дни это не было благородным хобби, но старый сэр Дадли любил Мюррея и одобрял его, так что больше ничего не было сказано."

"Как раз в это время Мюррею как раз предложили хорошую должность помощника директора школы в Гамильтоне, Бермудские острова, при условии, что он захочет уехать так далеко от дома. Он согласился; в конце концов, его услуги больше не требовались. Было решено, что Мюррей отправится с мальчиком в Нью-Йорк, чтобы проследить, чтобы тот не попал в беду; он должен передать мальчика кузену леди Фарнли, а затем сесть на другой корабль и отправиться на Бермуды".

Натаниэль Берроуз помолчал, вспоминая прошлое.

"Лично я мало что помню о тех днях", - добавил он. "Нас, детей младшего возраста, держали подальше от злого Джона. Но маленькая Молли Бишоп, которой тогда было всего шесть или семь лет, была безумно привязана к нему. Она не хотела слышать ни слова против него; и, возможно, важно, что с тех пор она вышла за него замуж. Мне кажется, я смутно помню тот день, когда Джона отвезли на железнодорожную станцию в фаэтоне, в соломенной шляпе с плоской головкой, рядом с ним был Кеннет Мюррей. Они отплывали на следующий день, который был праздничным по многим причинам. Мне не нужно говорить вам, что корабль, который они захватили, был самым

"Титаник".

И Берроуз, и Пейдж теперь смотрели в прошлое. Последние вспоминали это как смутное время криков, газетных афиш на углах и беспочвенных легенд.

- Непотопляемый "Титаник" протаранил айсберг и затонул в ночь на 15 апреля тысяча девятьсот двенадцатого года, - продолжал Берроуз. - В возникшей суматохе Мюррея и мальчика разлучили. Мюррей восемнадцать часов дрейфовал в ледяной воде, держась за деревянную решетку вместе с двумя или тремя другими людьми. Вскоре их подобрало грузовое судно "Колофон", направлявшееся на Бермуды. Мюррея доставили туда, куда он намеревался отправиться. Но он больше не беспокоился, когда

услышал по радио, что Джон Фарнли в безопасности, и позже получил письмо, подтверждающее это.'

"Джон Фарнли, или мальчик, выдававший себя за Джона, был подобран "Этруской", направлявшейся в Нью-Йорк. Там его встретил двоюродный брат леди Фарнли, выходец с Запада. Ситуация была точно такой же, как и раньше. Сэр Дадли не только позаботился о том, чтобы мальчик был жив, но и оставил его в покое. И старый сэр Дадли был не более озлоблен, чем сам мальчик.

"Он вырос в Америке и прожил там почти двадцать пять лет. Он не написал бы ни строчки своим родным; он скорее увидел бы их мертвыми, чем отправил фотографию или поздравление с днем рождения. К счастью, он сразу же проникся симпатией к своему американскому кузену, мужчине по имени Ренвик, и это удовлетворило потребность в родителях. Он… э-э-э… казалось, изменился. Он жил спокойно, как фермер на обширных землях, точно так же, как мог бы жить здесь. В последние годы войны он служил в американской армии, но ни разу не был в Англии и не встречался ни с кем из тех, кого знал раньше. Он даже никогда больше не видел Мюррея. Мюррей жил, хотя и не процветал, на Бермудах. Ни один из них не мог позволить себе поездку в гости к другому, тем более что Джон Фарнли жил в Колорадо.

"Здесь, дома, ничто не нарушалось. О мальчике практически забыли, а после того, как в тысяча девятьсот двадцать шестом году умерла его мать, о нем и вовсе забыли. Отец последовал за ней четыре года спустя. Юный Дадли - он был уже не так молод - унаследовал титул и все состояние. Он никогда не был женат; он говорил, что для этого было достаточно времени. Но этого не произошло. Новый сэр Дадли умер от отравления трупным ядом в августе тысяча девятьсот тридцать пятого года".

Брайан Пейдж задумался.

"Это было как раз перед тем, как я приехал сюда", - заметил Пейдж. "Но послушайте! Дадли не пытался как-нибудь связаться со своим братом?"

"Да, письма возвращались нераспечатанными. В прежние времена Дадли был довольно педантичным. К этому времени они настолько отдалились друг от друга, что, по-видимому, Джон не чувствовал никаких семейных отношений. Однако, когда встал вопрос о наследовании Джоном титула и поместья после смерти

Дадли’

“Джон согласился”.

“Он согласился. Да. В том-то и дело, - взорвался Берроуз. - Вы знаете его и понимаете. Ничто не казалось таким правильным, как его возвращение сюда. Это даже не показалось ему странным, хотя он отсутствовал почти двадцать пять лет. Он не казался странным: он по-прежнему мыслил, действовал и в какой-то степени разговаривал как наследник Фарнли. Он приехал сюда в начале тридцать шестого года: в качестве дополнительного романтического штриха он встретил повзрослевшую Молли Бишоп и женился на ней в мае того же года. Он прожил здесь чуть больше года, и вот это случилось. Это случилось.”

- Я полагаю, есть предположение, - неуверенно произнес Пейдж, - что во время катастрофы “Титаника” произошла подмена личностей? Что в море был подобран не тот мальчик, который по какой-то причине выдавал себя за Джона Фарнли?

Берроуз расхаживал взад-вперед с размеренной неторопливостью, указывая пальцем на любой предмет мебели, мимо которого проходил. Но вид у него был отнюдь не комичный. В нем чувствовалась интеллектуальная сила, которая успокаивала или даже гипнотизировала клиентов. У него была привычка поворачивать голову набок и разглядывать собеседника поверх своих больших очков, как он делал сейчас.

- В этом-то все и дело. Точно. Если нынешний Джон Фарнли притворялся, разве вы не понимаете, что он притворялся с тысяча девятьсот двенадцатого года, в то время как настоящий наследник залег на дно? Он врос в это. - Когда его вытащили из шлюпки после кораблекрушения, на нем были одежда и кольцо Фарнли; у него был с собой дневник Фарнли. Он познакомился с воспоминаниями своего дяди Ренвика в Америке.; Он вернулся и взялся за старое. И прошло двадцать пять лет! Почерк меняется, меняются лица и пометки, даже воспоминания становятся неопределенными. Вы понимаете, в чем трудность? Если иногда он допускает оплошности, если где-то появляются пробелы или облачка, это вполне естественно. Не так ли?”

Пейдж покачал головой.

- Все равно, дружище, у этого истца должны быть очень веские доводы, чтобы заслужить хоть какое-то доверие. Ты же знаешь,

что такое суды.

“Что за дело у него есть?

“Истец”, - ответил Берроуз, скрестив руки на груди, - “представляет неопровержимые доказательства того, что он настоящий сэр. Джон Фарнли”.

“Вы видели это доказательство?”

“Мы должны увидеть это или не увидеть сегодня вечером. Заявитель просит предоставить ему возможность встретиться с нынешним владельцем. Нет, Брайан: я ни в малейшей степени не простодушен, хотя я чуть не сошел с ума из-за этого дела. Дело не только в том, что история заявителя убедительна и что он приводит все второстепенные доказательства. Дело не только в том, что он зашел в мой офис (с каким-то прохвостом, который, к сожалению, является его законным представителем) и рассказал мне то, что мог знать только Джон Фарнли. Только Джон Фарнли, говорю я. Но он предложил, чтобы он и нынешний владелец подверглись определенному испытанию, которое должно быть окончательным”.

“Какому испытанию?”

“Вы увидите. О, да. Вы увидите”. Натаниэль Берроуз взял свой портфель. - Во всей этой проклятой неразберихе был только один проблеск утешения. То есть пока не было никакой огласки. Истец, по крайней мере, джентльмен - они оба джентльмены, и он не хочет скандала. Но когда я докопаюсь до истины, разразится грандиозный скандал. Я рад, что моего отца уже нет в живых и он этого не увидит. А пока будь на Фарнли Клоуз в семь часов. Не утруждай себя переодеванием к ужину. Больше никто не придет. Это всего лишь предлог, и, скорее всего, никакого ужина даже не будет.

“И как сэр Джон все это воспринял?” “Какой сэр Джон?”

“Для ясности и удобства, - парировал Пейдж, - человек, которого мы всегда знали как сэра Джона Фарнли. Но это интересно. Означает ли это, что вы верите в реальность истца?

- “Нет. На самом деле, нет. Конечно, нет!” - сказал Берроуз, но тут же взял себя в руки и заговорил с достоинством. “Фарнли всего лишь бормочет что-то невнятное. И я думаю, это хороший знак”.

“Молли знает?”

“Да, он сказал ей сегодня. Что ж, вот и вы. Я поговорил с вами так, как не подобает ни одному адвокату, и мало кто это делает; но если я не могу доверять вам, значит, не могу доверять никому, и мне было немного не по себе от того, как я вел себя после смерти моего отца. А теперь отправляйтесь купаться. Испытайте на себе мои духовные трудности. Приходите на Фарнли Клоуз в семь часов, мы хотим, чтобы вы были свидетелем. Ознакомьтесь с двумя кандидатами. Проявите свой интеллект. И затем, прежде чем мы перейдем к делу, - сказал Берроуз, стукнув краем своего портфеля по столу, - будьте добры, скажите мне, что есть что.

Глава 2

На нижних склонах леса, называемого Висячая карта, сгущались тени, но равнина слева от него была все еще ясной и теплой. Расположенный в стороне от дороги, за стеной и деревьями, дом был окрашен в темно-красные кирпичные тона, которые словно сошли со старой картины. Он был таким же ухоженным, как и его собственные подстриженные лужайки. Окна были высокими и узкими, со вставками в виде каменных прямоугольников, а к двери вела прямая, посыпанная гравием подъездная дорожка. В последних лучах заходящего солнца тонкие каминные трубы выступали наружу.

Плющу не было позволено расти на фасаде. Но с задней стороны к дому примыкала полоса буковых деревьев. Здесь от центра было отстроено новое крыло, похожее на перевернутую букву Т, и оно разделяло голландский сад на два участка. С одной стороны дома на сад выходили задние окна библиотеки, с другой - окна комнаты, в которой сейчас ждали сэр Джон Фарнли и Молли Фарнли.

В этой комнате тикали часы. В восемнадцатом веке это помещение можно было бы назвать Музыкальной комнатой или дамской гостиной, и оно, казалось, указывало на место дома в этом мире. Здесь стояло пианино из того дерева, которое в старости напоминает отполированный панцирь черепахи. В нем царили старина и изящество, а из северных окон открывался вид на Висячую карту; Молли Фарнли использовала его как гостиную. Здесь было очень тепло и тихо, если не считать тиканья часов.

Молли Фарнли сидела у окна в тени огромного бука-“осьминога”. Она была, что называется, “уличной девушкой”, с крепким и

хорошо сложенным телом и квадратным, но очень привлекательным лицом. Ее темно-каштановые волосы были коротко подстрижены. У нее были светло-карие глаза на загорелом серьезном лице и прямой взгляд, который был так же приятен, как рукопожатие. Ее рот, возможно, был слишком широк, но когда она смеялась, то показывала прекрасные зубы. Если она и не была красавицей, то здоровье и энергичность придавали ей особую привлекательность, что было даже лучше.

Но сейчас она не смеялась. Она не сводила глаз с мужа, который расхаживал по комнате короткими, резкими шагами.

- Ты не волнуешься? она спросила.

Сэр Джон Фарнли резко остановился. Затем он потеребил свои смуглые запястья и снова принялся расхаживать по комнате.

- Беспокоишься? Нет. О, нет. Дело не в этом. Это всего лишь… О, черт возьми!

Он казался ей идеальным партнером. Было бы неправильно сказать, что он чувствовал себя в своей стихии, как деревенский сквайр, потому что это слово стало ассоциироваться с мускулистыми гуляками столетней давности. Однако есть и более верный типаж. Фарнли был среднего роста, жилистый, энергичный, худощавый, чем-то напоминавший плуг: блестящий металл, компактность, четкое лезвие, прорезающее борозду.

На вид ему было около сорока. У него было смуглое лицо, густые, но коротко подстриженные усы. У него были темные волосы с тонкими проседью и проницательные темные глаза с растущими в уголках морщинками. Можно было бы сказать, что в тот момент он был на пике своей умственной и физической формы, человек с огромной сдерживаемой энергией. Расхаживая взад-вперед по маленькой комнате, он казался не столько рассерженным или расстроенным, сколько смущенным.

Молли начала подниматься. Она заплакала:

“О, моя дорогая, почему ты мне не сказала?

“Нет смысла беспокоить тебя этим”, - сказал другой. “Это мое дело. Я справлюсь”.

“Как давно ты узнала об этом?

“Месяц или около того. Около того”.

- И это то, что беспокоило тебя все это время? спросила она с оттенком беспокойства в глазах. - Отчасти, - пробормотал он и быстро взглянул на нее. - Отчасти? Что ты хочешь этим сказать? - То, что я сказал, мой дорогой, отчасти.

- Джон… Это не имеет никакого отношения к Мэдлин Дейн, не так ли?

Он замолчал. - Боже милостивый, нет! Конечно, нет. Я не понимаю, почему ты задаешь такие вопросы. Тебе не нравится Мэдлин, правда?

- Мне не нравятся ее глаза. У нее странные глаза, - сказала Молли и замолчала, испытывая гордость или какое-то другое чувство, которое она отказалась назвать. “мне жаль. Мне не следовало говорить ничего подобного, учитывая все эти обстоятельства. Это не очень приятно, но в этом нет ничего особенного, не так ли? Конечно, у этого человека нет дела?”

“У него нет прав. Я не знаю, есть ли у него дело.

Он говорил резко, и она внимательно посмотрела на него.

- Но почему столько шума и таинственности? Если он самозванец, не могли бы вы выставить его вон и замять это дело?

- Берроуз говорит, что это было бы неразумно. По крайней мере, пока мы не услышим, что он хочет сказать. Тогда мы сможем принять меры. И реальные меры. Кроме того…

Лицо Молли Фарнли ничего не выражало.

“Я бы хотела, чтобы вы позволили мне помочь вам”, - сказала она. “Не то чтобы я могла что-то сделать, я полагаю, но я просто хотела бы знать, что все это значит. Я знаю, этот человек бросает вам вызов, чтобы вы позволили ему доказать, что он - это действительно вы. Конечно, все это чепуха. Я знал тебя много лет назад; и я узнал тебя, когда увидел снова; ты бы удивился, как легко я узнал тебя. Но я знаю, что этот парень у вас дома, с Нэтом Берроузом и еще одним адвокатом, и ведет себя ужасно таинственно. Что вы собираетесь делать?”

“Да, вы. помните моего старого наставника Кеннета Мюррея?”

- Слабо, - ответила Молли, наморщив лоб. - Довольно крупный, приятный мужчина с небольшой подстриженной бородкой, похожий на моряка или художника. Я полагаю, тогда он был действительно молод, но казался очень старым. Рассказывал замечательные истории"

"Он всегда мечтал стать великим детективом", - коротко ответил другой. "Ну, оппозиция привезла его с Бермудских островов. Он говорит, что может безошибочно опознать настоящего Джона Фарнли: сейчас он работает в "Быке и мяснике"".

"Подожди немного!" - сказала Молли. "Там остановился человек, который "похож на художника". В деревне только об этом и говорят. Это Мюррей?"

"Это старина Мюррей. Я хотел спуститься и повидаться с ним, но это было бы нехорошо, это было бы не по-спортивному, - сказал ее муж, испытывая какую-то внутреннюю борьбу. "Это могло бы выглядеть так, будто я пытаюсь повлиять на него".

Или что-то в этом роде. Он приедет сюда, чтобы увидеть нас обоих и опознать меня".

"Как?"

"Он единственный человек в мире, который действительно хорошо меня знал. Моя семья практически вымерла, вы это знаете. Старые слуги умерли вместе с моими родителями, за исключением Нэнни, но она в Новой Зеландии. Даже Ноулз живет здесь всего десять лет. Есть много людей, которых я смутно знал, но вы знаете, что я был нелюдимым человеком и не завел друзей. Бедный старина Мюррей, занимающийся уголовным расследованием, несомненно, таков. Он сохраняет нейтралитет и не имеет ничего общего ни с одной из сторон, но, если он хочет, у него есть шанс раз в жизни сыграть великого детектива"

Молли глубоко вздохнула. Здоровый цвет ее загорелого лица, здоровое тело в целом оживляли прямоту, с которой она говорила.

"Джон, я этого не понимаю. Я этого не понимаю. Ты говоришь так, как будто это пари или какая-то игра. `Это было бы не по-спортивному". "Не имею ничего общего ни с одной из сторон". Вы понимаете, что этот человек, кем бы он ни был, хладнокровно заявил, что ему принадлежит все, что есть у вас? Что он Джон Фарнли? Что он наследник титула баронета и тридцати тысяч

фунтов дохода в год? И что он намерен получить его от тебя?

“Да, я понимаю”.

“Но неужели это ничего для тебя не значит?” - воскликнула Молли. “Ты относишься к нему с такой заботой и вниманием, как будто это не так”.

“Это значит для меня все”.

“Ну что ж, тогда! Если бы кто-нибудь подошел к вам и сказал: “Я Джон Фарнли”, я бы подумал, что вы бы сказали: “О, правда?” - и просто вышвырнули его вон, не задумываясь больше ни о чем, если бы не послали за полицией. Вот что я должен был сделать”.

“Ты не понимаешь таких вещей, моя дорогая. И Берроуз говорит, - он медленно обвел взглядом комнату, - что, казалось, он прислушивается к тихому тиканью часов, наслаждается запахом чисто вымытых полов и свежих занавесок, любуется солнечным светом на всех богатых и тихих землях, которыми он теперь владел. В этот момент, как ни странно, он больше всего походил на пуританина; и еще он выглядел опасным”.

“Было бы довольно скверно, - медленно произнес он, - потерять все это сейчас”.

Когда дверь открылась, он взял себя в руки, сменив спокойную напористость манер. Ноулз, старый и лысый дворецкий, ввел Натаниэля Берроуза и Брайана Пейджа.

Берроуз, как заметил Пейдж во время их прогулки сюда, был сейчас максимально застегнут на все пуговицы и походил на палтуса. Пейдж ни за что бы не узнал в нем человека того дня. Но Пейдж предположил, что это было необходимо из-за неловкой атмосферы: он чувствовал ее в самом худшем виде. Взглянув на хозяина и хозяйку, он начал жалеть, что пришел.

Поверенный приветствовал хозяина и хозяйку дома с почти болезненной официальностью, а Фарнли держался так, словно собирался драться на дуэли.

- Я думаю, - добавил Берроуз, - скоро мы сможем перейти к делу. Мистер Пейдж любезно согласился выступить в качестве нужного нам свидетеля”

- О, послушайте, - с усилием запротестовал Пейдж. - Вы же знаете,

что нас не осаждают в цитадели. Вы один из крупнейших и наиболее уважаемых землевладельцев в Кенте. Услышать то, что я только что услышал от Берроуза, - он посмотрел на Фарнли и не стал обсуждать этот вопрос, - все равно что услышать, что трава красная или что вода течет в гору. С точки зрения большинства людей, это примерно так же разумно. Тебе обязательно нужно так сильно защищаться?"

Фарнли говорил медленно.

"Это правда", - признал он. "Наверное, я веду себя как дурак".

"Так и есть", - согласилась Молли. "Спасибо, Брайан".

- Старина Мюррей… - сказал Фарнли с отсутствующим видом. - Вы видели его, Берроуз?

- Совсем недолго, сэр Джон. Неофициально. И другая сторона тоже. Его позиция, очевидно, такова, что ему нужно пройти тест, а пока он ничего не говорит".

"Сильно ли он изменился?"

Берроуз стал более человечным. "Ненамного". Он стал старше, жестче и угрюмее, и у него седая борода. Старый

дни"

"Старые времена", - сказал Фарнли. "Боже мой, да!" Он что-то обдумал. "Я хочу задать вам только один вопрос. У вас есть какие-нибудь основания подозревать, что Мюррей не натурал?" Ждать! Я знаю, что нехорошо так говорить. Старина Мюррей всегда был слишком честен и откровенен до конца. Но мы не виделись с ним двадцать пять лет. Это долгий срок. Я изменился. Нет никакой возможности для нечестной работы, не так ли?"*

"Вы можете быть уверены, что это не так", - мрачно сказал Берроуз. "Я думаю, мы уже обсуждали это раньше. Конечно, это было первое, что пришло мне в голову; и, учитывая предпринятые нами шаги, вы сами убедились в добросовестности мистера Мюррея. Не так ли?"

"Да, я полагаю, что так".

"Тогда могу я спросить, почему вы подняли этот вопрос сейчас?"

* Читатели газет, возможно, помнят, что в ходе ожесточенных дебатов, последовавших за трагедией в деле Фарнли, этот вопрос часто поднимался любителями. Поскольку я сам когда-то потратил время на множество бесполезных теорий в попытке разгадать тайну, я чувствую, что мне лучше прояснить это здесь. Честность и добросовестность Кеннета Мюррея можно принять как факт. Доказательства, которыми он располагал в отношении установления личности настоящего наследника, были подлинными доказательствами; и, следует напомнить, впоследствии были использованы для установления истины. Д.Д.С.

Вы меня очень обяжете, - парировал Фарнли, внезапно замерев в весьма сносной манере Берроуза, - если не будете выглядеть так, будто считаете меня самозванцем и мошенником. Вы все это делаете. Не отрицайте этого! Это именно то, что вы делаете. Мир, мир, мир: я искал мир по всему миру, но где я его найду? Но я объясню вам, почему я спрашиваю о Мюррее. Если вы не считаете, что в Мюррее есть что-то нечестное, зачем вы наняли частного детектива следить за ним?"

Глаза Берроуза за большими очками расширились от удивления.

"Прошу прощения, сэр Джон. Я не поручал частному детективу следить ни за мистером Мюрреем, ни за кем-либо еще.

Фарнли выпрямился. - Тогда кто этот второй парень из "Быка и мясника"? Ну, вы знаете: моложавый парень с суровым лицом, со всеми этими хитрыми замечаниями и вопросами? - Все в виллидж говорят, что он частный детектив: он говорит, что интересуется "фольклором" и пишет книгу. Фольклор - это моя нога. Он прилип к Мюррею, как моллюск".

Они все переглянулись.

- Да, - задумчиво произнес Берроуз. - Я слышал об этом фольклористе и его интересе к людям. Возможно, его прислал Уэлкин…

- Уэлкин?

- Адвокат истца. Или он может не иметь никакого отношения к этому делу, что наиболее вероятно.

- Сомневаюсь, - сказал Фарнли, и кровь, казалось, прилила к его глазам, отчего его лицо потемнело. - Его интересует не все. Я

имею в виду частного детектива. Насколько я слышал, он задает всевозможные вопросы о бедной Виктории Дейли."

Брайану Пейджу показалось, что ценности слегка изменились, и все привычные вещи стали незнакомыми. В разгар дебатов о его праве на поместье стоимостью тридцать тысяч фунтов стерлингов в год Фарнли, казалось, был больше озабочен обычной - хотя и отвратительной - трагедией прошлого лета. Хорошо? Виктория Дейли, безобидная тридцатипятилетняя старая дева, задушенная в своем доме бродягой, который якобы продавал шнурки для ботинок и запонки для воротничков? Как ни странно, его задушили шнурком от ботинка, а позже нашли в кармане бродяги, когда он был убит на железнодорожных путях?

В наступившей тишине, пока Пейдж и Молли Фарнли смотрели друг на друга, дверь комнаты открылась. Ноулз вошел с таким же неуверенным видом.

- Вас хотят видеть два джентльмена, сэр, - сказал Ноулз. - Один из них - мистер Уэлкин, адвокат. Другой

- Ну? Тот, другой?

- Другой просит меня сказать, что он сэр Джон Фарнли.

- Так ли это? Ой. Что ж…

Молли тихо встала, но мускулы в уголках ее губ напряглись.

"Заберите это сообщение от сэра Джона Фарнли", - приказала она Ноулзу. - Сэр Джон Фарнли свидетельствует свое почтение, и, если посетитель не может представиться иначе, он может пройти и подождать в комнате для прислуги, пока сэр Джон не найдет время принять его.

"Нет, ну же, ну же", - заикаясь, пробормотал Берроуз, испытывая что-то вроде юридической агонии. "Сложные обстоятельства, необходимо быть тактичным – замораживайте его сколько угодно, но не…"

Тень улыбки промелькнула на смуглом лице Фарнли. - Очень хорошо, Ноулз. Примите это сообщение. - Наглость, - сказала Молли, тяжело дыша.

Когда Ноулз вернулся, у него был вид не столько курьера, сколько чувствительного теннисного мячика, который гоняют по

разным углам корта.

“Джентльмен говорит, сэр, что он приносит свои глубочайшие извинения за свое сообщение, которое было преждевременным, и надеется, что это не вызовет у вас неприязни. Он говорит, что уже несколько лет предпочитает, чтобы его называли мистер Патрик Гор”.

“Понятно”, - сказал Фарнли. “Проводите мистера Гора и мистера Уэлкина в библиотеку”.

Глава 3

ИСТЕЦ поднялся со стула. Несмотря на то, что одна из стен библиотеки была сплошь покрыта окнами, множество стекол в виде каменных прямоугольников, дневной свет угасал, и деревья отбрасывали густые тени. На вымощенном каменными плитами полу не хватало коврового покрытия. Тяжелые книжные полки были выстроены ярусами, как в склепе, и шли спиралью по верху. Проникающий сквозь окна зеленый свет вырисовывал на полу силуэт из сотен стекол, доходивший почти до человека, который поднялся на ноги у стола.

Позже Молли призналась, что у нее сердце ушло в пятки, когда открылась дверь, и она подумала, не появится ли из-за нее, как в зеркале, живая копия ее мужа. И все же между ними не было большого сходства.

Мужчина в библиотеке был не тяжелее Фарнли, но не такой жилистый. В его темных прекрасных волосах не было седины, но он слегка поредел на макушке: несмотря на смуглую кожу, он был чисто выбрит, и на его лице не было морщин. Любые морщинки на его лбу или вокруг глаз были скорее морщинками веселья, чем упрямства. Все лицо заявителя выражало непринужденность, иронию и веселье, у него были очень темно-серые глаза и слегка приподнятые в уголках брови. Он был хорошо одет, в городской костюм, в отличие от старого твидового костюма Фарнли.

“Прошу прощения”, - сказал он.

Даже голос у него был баритон, в отличие от резкого и скрипучего тенора Фарнли. Походка у него была не то чтобы прихрамывающая, но немного неуклюжая.

- Прошу прощения, - сказал он с подчеркнутой вежливостью, но с некоторой долей насмешки во взгляде, - за то, что я так

настойчиво настаивал на возвращении в свой старый дом, но, надеюсь, вы поймете мои мотивы. Э-э… позвольте представить моего законного представителя, мистера Уэлкина.”

Толстый мужчина с глазами навыкате поднялся со стула по другую сторону стола. Но они его почти не заметили. Заявитель не только с интересом изучал их, но и оглядывал комнату, как будто узнавал и впитывал в себя каждую деталь.

- Давайте перейдем к делу, - резко сказал Фарнли. - Я думаю, вы уже знакомы с Берроузом. Это мистер Пейдж. Это моя жена.

- Я встречался, - сказал истец, поколебавшись, а затем пристально посмотрел на Молли, - с вашей женой. Простите, если я не совсем понимаю, как к ней обращаться. Я не могу называть ее леди Фарнли. И я не могу называть ее Молли, как раньше, когда она носила ленточки в волосах”.

Никто из Фарнли ничего не сказал. Молли была спокойна, но раскраснелась, и в уголках ее глаз было сухое напряжение.

“Кроме того, - продолжил истец, - я хотел бы поблагодарить вас за то, что вы так хорошо отнеслись к этому очень неловкому и неприятному делу”

“Я не хочу”, - отрезал Фарнли. - Я воспринимаю это с дьявольски дурной стороны, и вам следовало бы это понять. Единственная причина, по которой я не вышвыриваю вас из дома, заключается в том, что мой собственный адвокат, похоже, считает, что нам следует проявить тактичность, хорошо: высказаться. Что вы хотите сказать?

Мистер Уэлкин вышел из-за стола, прочистив горло.

- Мой клиент, сэр Джон Фарнли… - начал он.

- Минутку, - вмешался Берроуз с не меньшей учтивостью. Страница - казалось, послышалось тихое шипение, когда юристы начали скрежетать топорами; как криминалисты, они засучили рукава - поскольку беседа развивалась в том темпе, в котором этого хотели эти джентльмены. - Могу я попросить, чтобы для удобства мы называли вашего клиента каким-нибудь другим именем? Он предпочел назваться “Патрик Гор”.

“Я бы предпочел, - сказал Уэлкин, - называть его просто “мой клиент”. Вас это устроит?”

“Прекрасно”.

«Спасибо. У меня здесь, - продолжал Уэлкин, открывая свой портфель, - предложение, которое мой клиент готов представить. Мой клиент желает быть справедливым. Хотя необходимо подчеркнуть, что нынешний владелец не имеет никаких прав на титул и имущество, тем не менее, мой клиент помнит обстоятельства, при которых началось мошенничество. Он также признает умелое руководство нынешнего владельца и тот факт, что в фамилии не было ничего, кроме репутации.

“Таким образом, если нынешний владелец сразу же откажется от участия, не прибегая к судебному разбирательству, то, конечно, не будет и речи о судебном преследовании. Напротив, мой клиент готов выплатить некоторую финансовую компенсацию нынешнему владельцу: скажем, пожизненную ренту в размере одной тысячи фунтов в год. Мой клиент установил, что жена нынешнего владельца, урожденная мисс Мэри Бишоп, унаследовала состояние по собственному праву, и поэтому вопрос о финансовых затруднениях возникать не должен. Конечно, я признаю, что если жена нынешнего владельца захочет усомниться в действительности брака на том основании, что

о мошеннических…”

Кровь снова прилила к глазам Фарнли.

- Боже! - воскликнул он. “Из всех наглых, с открытым лицом…“

Натаниэль. Берроуз издал звук, который был слишком вежливым, чтобы его можно было назвать “шикни”, но он сдержал Фарнли.

“Могу я предположить, мистер Уэлкин, - ответил Берроуз, - что в данный момент мы находимся здесь для того, чтобы определить, есть ли у вашего клиента претензии? Пока это не выяснено, никаких других соображений не возникает”.

“Как вам будет угодно. Мой клиент, - сказал Уэлкин, презрительно передернув плечами, - просто хотел избежать неприятностей. Мистер Кеннет Мюррей будет у нас через несколько минут. Боюсь, после этого результат уже не будет вызывать сомнений. Если нынешний владелец будет настаивать на своем, то, боюсь, последствия будут…”

“Послушайте, - снова вмешался Фарнли, - давайте прекратим ржать и перейдем к лошадям”.

Претендент улыбнулся, и это, казалось, повернуло его глаза внутрь, к какой-то тайной шутке: “Вот видишь?” заметил он. “Его псевдо-аристократизм настолько прочно вошел в него, что он не может заставить себя произнести “осетины”.

- В любом случае, это не заставляет его отпускать дешевые оскорбления, - сказала Молли, и теперь уже истец слегка покраснел.

- Прошу прощения. Мне не следовало этого говорить. Но вы должны помнить, - сказал истец, и его тон снова немного изменился, - что я жил среди пороков, и вряд ли у истоков Дава. Могу ли я изложить свое дело по-своему?

“Да”, - сказал Фарнли. “Заткнитесь”, - обратился он к обоим адвокатам. “Теперь это личное дело каждого”.

Словно по обоюдному согласию, все они подошли к столу и сели на стулья. Истец сел спиной к большому окну. Некоторое время он пребывал в задумчивости, рассеянно поглаживая слегка поредевшую прядь на макушке своих темных волос. Затем он поднял взгляд, и в морщинках вокруг его глаз проглянула насмешка.

“Я Джон Фарнли”, - начал он с большой простотой и кажущейся серьезностью. “Будьте добры, не перебивайте меня юридическими придирками в данный момент; я представляю свое дело и имею право называть себя чамом Татарии, если мне так хочется. Однако на самом деле я Джон Фарнли, и я расскажу вам, что со мной произошло”.

“В детстве я, возможно, был кем-то вроде молодого свиньи; хотя даже сейчас я не уверен, что у меня было неправильное отношение. Мой покойный отец, Дадли Фарнли, если бы был жив, точно так же выводил бы меня из себя. Нет, я не могу сказать, что был неправ, за исключением того, что мне следовало бы научиться большему - давать и брать. Я ссорился со старшими за то, что они указывали на мою молодость, я ссорился со своими преподавателями, потому что презирал все предметы, которые меня интересовали.

“Перейдем к делу, вы знаете, почему я уехал отсюда. Я плавал с Мюрреем на “Титанике”. И с самого начала я старался проводить как можно больше времени с пассажирами третьего класса. Как вы понимаете, не потому, что я испытывал какую-то особую

симпатию к пассажирам третьего класса, а просто потому, что ненавидел свою компанию в первом классе. Это, знаете ли, не оправдание: это психологический анализ, который, я думаю, покажется вам убедительным.

“В третьем классе я встретил мальчика румыно-английского происхождения, примерно моего возраста, который в одиночку направлялся в Штаты. Он меня заинтересовал. Его отец, которого впоследствии так и не смогли найти, по его словам, был английским джентльменом. Его мать была румынкой, танцовщицей змей в бродячем цирке в Англии в те времена, когда она не пила.’

“Наступило время, когда настоящие змеи перестали смешиваться с воображаемыми, и женщина была низведена до должности повара на полставки в цирковой столовой-шапито. Мальчик стал надоедать. У ее старого поклонника были небольшие успехи в цирке в Америке, и поэтому она отправила мальчика к нему.

Его научат кататься на велосипеде по канату, его научат, и как я ему завидовал. Повелитель святых и змей, КАК я ему завидовал! Разве какой-нибудь здравомыслящий мальчик или мужчина станет винить меня?

Претендент слегка поерзал на стуле. Казалось, он оглядывался на меня цинично, но в то же время с некоторым удовлетворением; никто из остальных не пошевелился. Учтивый мистер Уэлкин, который, казалось, собирался вставить замечание или предложение, быстро оглядел собравшихся и промолчал.

“Самое странное, - продолжал оратор, разглядывая свои ногти, - что этот мальчик завидовал мне. Свое имя (которое было труднопроизносимым) он изменил на “Патрик Гор”, потому что ему нравилось, как оно звучит. Он не любил цирковую жизнь. Ему не нравились движение, перемены, шум и беспорядок. Он терпеть не мог колья, забитые на ночь, чтобы утром их вытащили, и удары локтями в лицо в бесплатной столовой. Я не знаю, откуда у него это взялось: он был сдержанным, хладнокровным, хорошо воспитанным маленьким хулиганом. Когда мы встретились в первый раз, мы набросились друг на друга и дрались до тех пор, пока половине пассажиров третьего класса не пришлось растаскивать нас в разные стороны. Боюсь, что я был так взбешен, что после этого хотел наброситься на него со складным ножом. Он просто поклонился мне и ушел; я все еще вижу его - я имею в виду тебя, мой друг”.

Он взглянул на Фарнли.

- Этого не может быть на самом деле, - внезапно сказал Фарнли и провел рукой по лбу. - Я в это не верю. Это ночной кошмар. Вы серьезно предполагаете…

- Да, - решительно согласился тот. - Мы обсуждали, как было бы здорово, если бы мы могли обменяться удостоверениями личности. Только в тот момент - как дикая мечта “давай притворимся”, конечно. Ты сказал, что это никогда не сработает, хотя у тебя был такой вид, будто ты хотел бы убить меня, чтобы добиться этого. Не думаю, что я когда-либо действительно намеревался осуществить что-либо подобное; интересно то, что вы действительно это имели в виду. Раньше я давал вам информацию о себе. Раньше я говорил вам: “Теперь, если вы встретите мою тетю Такую-то или моего двоюродного брата Такого-то, вот что вы должны сказать им и помыкать ими так, как мне не хотелось бы вспоминать, потому что это не оправдывает моих действий”. поведение там: я думал, ты педант, и я все еще так думаю. Я также показал вам свой дневник. Я всегда вел дневник по той простой причине, что на земле не было никого, с кем я мог бы поговорить. Я до сих пор его веду. Тут претендент поднял на меня почти игривый взгляд. “Ты помнишь меня, Патрик? Ты помнишь ту ночь, когда затонул “Титаник”?

Последовала пауза.

На лице Фарнли не было выражения гнева, только недоумение.

“Я продолжаю говорить тебе, - сказал он, - что ты сумасшедший”.

- Когда мы наткнулись на этот айсберг, - осторожно продолжал собеседник, - я расскажу вам, что именно я делал. Я был внизу, в каюте, которую делил с беднягой Мюрреем, пока он играл в бридж в курительной комнате. Мюррей держал там фляжку с бренди. один из его пиджаков, и я попробовал его, потому что в баре меня не захотели обслуживать.

“Я почти не почувствовал этого, когда мы ударили; сомневаюсь, что кто-нибудь почувствовал. Раздался совсем легкий толчок, едва ли достаточный, чтобы опрокинуть наполненный бокал с коктейлем на стол; а затем двигатели остановились. Я вышел в переулок только потому, что мне стало интересно, почему остановились двигатели. Впервые я узнал об этом, услышав голоса, которые становились все громче и ближе, а затем мимо с

криками пробежала женщина в синем стеганом одеяле, накинутом на плечи".

В первый раз истец заколебался.

"Я не собираюсь воскрешать старые трагедии, говоря что-либо еще об этой части", - сказал он, разжимая и закрывая ладони. "Я скажу только одно, за что да простит меня Бог, даже в детстве мне это нравилось. Я нисколько не испугался. Я был в восторге. Это было что-то из ряда вон выходящее, что-то, что нарушало обыденность повседневной жизни; и я всегда искал что-то подобное. И я был так взволнован, что согласился поменяться личинами с Патриком Гором. Решение, казалось, пришло ко мне внезапно, хотя мне интересно, долго ли он думал об этом.

- Я встретил Гора - я встретил вас, - продолжал диктор, пристально глядя на хозяина, - на палубе В. Все ваши пожитки были в маленьком соломенном чемоданчике. Ты довольно хладнокровно сказал мне, что корабль тонет, и тонет быстро: - если бы я действительно хотел сменить имя, это можно было бы сделать в суматохе или если бы кто-то из нас выжил. Я спросил, а как же Мюррей? Ты солгал, сказав, что Мюррей был за бортом и уже мертв. И я очень хотел стать великим циркачом, поэтому мы поменялись одеждой, документами, кольцами, всем остальным. Ты даже получил мой дневник".

Фарнли ничего не сказал.

"После этого, - добавил истец, не меняя тона, - вы были очень аккуратны. Мы были готовы бежать к лодкам. Ты подождал, пока я отвернусь, а потом выудил украденный у стюарда деревянный молоток, ударил меня им по затылку и попытался тремя ударами закончить работу".

Фарнли по-прежнему молчал. Молли встала со стула, но, повинуясь его жесту, снова села.

"Имейте в виду, - настаивал истец, делая движение, как будто стряхивая пыль со стола, - я здесь не для того, чтобы обвинять вас в этом.Двадцать пять лет - долгий срок, а ты тогда был мальчишкой, хотя мне интересно, каким мужчиной ты вырос. Меня самого считали плохим человеком. Возможно, ты презирал меня и считал, что у тебя есть на это основания. Вам не нужно было быть таким дотошным, потому что я в любом случае должен был выдать себя за вас. Тем не менее, даже если я и был белой

вороной в семье, я никогда не был таким уж черным.

“Остальное вам будет ясно. - Я должен настаивать на том, что мне просто повезло, что меня нашли, поврежденного, но живого, и затолкали в последнюю уцелевшую лодку, списки жертв поначалу были неопределенными, а Америка - большая страна, и я некоторое время находился в мире теней. Оба имени - Джон Фарнли и Патрик Гор - были указаны как отсутствующие. Я думал, что вы мертвы, как и вы думали, что я мертв. Когда мистер Борис Йелдрич, владелец цирка, по моим вещам и документам опознал во мне Патрика Гора, который никогда вас не видел, я был полностью удовлетворен.

“Если бы мне не нравилась такая жизнь, я думал, что всегда мог бы открыться. Возможно, подумал я, если бы я чудесным образом воскрес из мертвых, ко мне относились бы лучше. Такая перспектива меня обрадовала; это была драматическая карта наоборот; и, поверьте, она подарила мне много приятных ночей.”

- И, - спросила Молли, как будто с нарочитым интересом, - вы стали наездником на велосипеде в цирке?

Претендент повернул голову в сторону. В его темно-серых глазах светилось такое сильное внутреннее веселье, что он стал похож на хитрого маленького мальчика. Он снова поднял руку и потер редеющую прядь на макушке.

“нет. Нет, хотя я и добился своего первого сенсационного успеха в цирке, я стал кем-то другим. На данный момент я предпочел бы не рассказывать вам, что это было. В дополнение к тому, что это отличный секрет, я не хочу утомлять вас подробностями моей последующей жизни.”

“Поверьте мне, я всегда мечтал однажды вернуться в свой старый дом и удивить их лаем паршивой овцы из могилы. Потому что все мои пророчества увенчались успехом! - и я чувствовал, что это заставит моего брата Дадли содрогнуться. Но я приберег этот драматический прием. Я даже побывал в Англии, не испытав особого соблазна. Имейте в виду, у меня не было причин подозревать, что “Джон Фарнли” жив. Я думал, что он должен был умереть, а не процветать в Колорадо.

Поэтому вы поймете мое удивление: около полугода назад я совершенно случайно взял в руки иллюстрированную газету и увидел фотографию сэра Джона и леди Фарнли. Я заметил, что

мой брат Дадли умер от переизбытка миног. Его “младший брат” получил наследство. Сначала я подумал, что это, должно быть, ошибка газеты, из-за какой-то дальней связи. Но после нескольких расспросов я выяснил правду; и, в конце концов, вы знаете, что я наследник. Все еще молодой человек, все еще энергичный, но не мстительный.

“Такие вещи становятся все более очевидными. Выросло целое поколение; между мной и маленьким щенком, который пытался изменить порядок наследования с помощью морского молотка и который, как я слышал, с тех пор стал полезным гражданином, связаны тысячи хороших воспоминаний. Все деревья выглядят одинаково, но мои глаза изменились. Я чувствую себя чужой и неуютной в собственном доме. Я не уверена, что из меня получится лучшая покровительница местного крикетного клуба или местных бойскаутов. Но, как вы заметили, я питаю сильную слабость к произнесению речей, и, осмелюсь сказать, у меня все получится. Итак, Патрик Гор, вы слышали мое предложение. Оно достаточно щедрое. Если я подам на вас в суд, предупреждаю, я с вас шкуру спущу. А пока, джентльмены, я готов ответить на вопросы любого, кто когда-либо меня знал. У меня есть к себе несколько вопросов, и я брошу вызов Гору, чтобы ответить на них.

Некоторое время после того, как он заговорил, в темнеющей комнате стояла тишина. У него был почти гипнотический голос. Но все смотрели на Фарнли, который поднялся и стоял, опершись костяшками пальцев о стол. На смуглом лице Фарнли отразились спокойствие, облегчение и некоторое любопытство, когда он разглядывал своего гостя. Он провел рукой по своим подстриженным усам и почти улыбнулся.

Молли заметила эту улыбку и глубоко вздохнула:

- Ты хочешь что-то сказать, Джон? - подсказала она.”

“да. Я не знаю, зачем он пришел сюда с этой историей и что он надеется из нее извлечь. Но то, что говорит этот человек, - абсолютная ложь от начала до конца.”

“Ты собираешься драться?” - с интересом спросил претендент.”

“Конечно, я собираюсь драться, ты, осел. Или, скорее, я позволю тебе драться самому”.

Мистер Уэлкин, казалось, собирался вмешаться, громко прочистив горло, но истец остановил его.

“Нет, нет”, - спокойно сказал он. “Пожалуйста, не вмешивайся в это, Уэлкин. Вы, служители закона, прекрасно умеете указывать “в каких случаях” и “действуйте осторожно”, но в такой личной перепалке, как эта, вы неуместны. По правде говоря, я получу от этого удовольствие. Что ж, давайте проведем несколько тестов. Я хотела спросить, не могли бы вы позвать сюда своего дворецкого?

Фарнли нахмурилась. “Но послушайте, Ноулз не был…”

“Почему бы вам не сделать так, как он просит, Джон?” - ласково предложила Молли.

Фарнли перехватил ее взгляд, и, если есть парадокс, который можно назвать чувством юмора, то это отразилось на его резких чертах лица. Он позвонил Ноулзу, который вошел так же неуверенно. Истец задумчиво посмотрел на него.

“Мне показалось, что я узнал вас, когда мы вошли сюда”, - сказал заявитель. “Вы были здесь во времена моего отца, не так ли?”

“Сэр?”

“Вы были здесь во времена моего отца, сэра Дадли Фарнли. Не так ли?”

На лице Фарнли появилось выражение отвращения.

“Этим вы не поможете своему делу”, - резко прервал его Натаниэль Берроуз. - Во времена сэра Дадли Фарнли дворецким был Стенсон, который уже умер…

“да. Я знал об этом, - сказал истец, отводя глаза в сторону. Затем он посмотрел на дворецкого, откинулся на спинку стула и с некоторым усилием скрестил ноги. - Вас зовут Ноулз. Во времена моего отца вы были дворецким в доме старого полковника Мардейла во Фреттендене. Раньше вы держали двух кроликов, о которых полковник ничего не знал. Вы держали их в углу каретного сарая, ближайшего к фруктовому саду. Одного из кроликов звали Билли. Он поднял глаза. - Спросите этого джентльмена, как зовут второго. Ноулз слегка порозовел.

- Спросите его, пожалуйста.

“Чушь собачья!” - огрызнулся Фарнли и снова обрел достоинство.

“О, - сказал истец. “Вы хотите сказать, что не можете ответить?”

“Я имею в виду, что я не выбираю отвечать”. И все же шесть пар глаз были устремлены на него, и он, казалось, почувствовал это давление.

Он переминался с ноги на ногу и почти заикался. “Можно ли ожидать, что кто-то вспомнит имя кролика спустя двадцать пять лет? Ладно, ладно, остановитесь немного! Помнится, в их именах была какая-то бессмыслица. Дай-ка подумать. Билли и Н-нет, дело не в этом. Билли и Глупышка, это все?

Или это было так? Я не уверен.”

“Это верно, сэр”, - с облегчением сказал ему Ноулз.

Заявитель не растерялся.

“Что ж, давайте попробуем еще раз. Итак, Ноулз: Однажды летним вечером - это было за год до того, как я уехал, - вы шли через тот самый фруктовый сад, чтобы передать сообщение некоему соседу. Вы были удивлены и даже шокированы, увидев, что я занимаюсь любовью с некой юной леди лет двенадцати-тринадцати. Спросите у своего работодателя, как зовут эту молодую леди”.

Фарнли была смуглой и грузной на вид.

“Я не помню ни одного подобного случая”.

“Вы пытаетесь создать впечатление, - сказал заявитель, - что ваша природная галантность сдерживает вас?” Нет, друг мой, так не пойдет. Это было очень давно, и я даю тебе честное слово, что ничего компрометирующего не было. Ноулз, ты ведь помнишь, что произошло в яблоневом саду, не так ли?”

- Сэр, - сказал озадаченный дворецкий, - я…

- Вы правы. Но я думал, что этот человек этого не запомнит, потому что, по-моему, я не занес этот факт в свой бесценный дневник. Как звали молодую леди?

Фарнли кивнул. - Хорошо, - ответил он с укором в голосе.

легкость. - Это была мисс Дэйн, Мэдлин Дэйн.

- Мэдлин Дэйн… - начала Молли.

Впервые претендент, казалось, был немного озадачен. Его

быстрый взгляд скользнул по группе, и, казалось, сработала его интуиция.

“Она, должно быть, написала вам в Америку”, - ответил истец. “Нам придется копнуть глубже. Но, прошу прощения, я надеюсь, что не допустил никакой ошибки? Надеюсь, юная леди, достигнув более зрелого возраста, уже не живет в этом районе и я не затронул какую-нибудь неприятную тему?

- Черт возьми, - внезапно сказал Фарнли, - я уже достаточно этого вынес: я больше не могу сдерживаться. Не будешь ли ты так добр убраться отсюда?

Нет, - сказал другой. - Я собираюсь разоблачить твой блеф. Потому что это блеф, мой мальчик, и ты это знаешь. Кроме того, я думаю, мы договорились, что нам следует дождаться Кеннета Мюррея.

“Предположим, мы так и сделаем, дождемся Мюррея?” Фарнли говорил с напряженной ясностью. “К чему это нас приведет? Что это докажет, помимо множества вопросов, на которые мы оба, очевидно, знаем ответы? И все же ты не знаешь ответов, потому что сам блефуешь. Я мог бы сам задать несколько вопросов, таких же бессмысленных, как и твои. Но это ерунда. Как ты вообще мог надеяться доказать что-то подобное? Как вы все еще думаете, что сможете это доказать?”

Истец откинулся на спинку стула, явно наслаждаясь своим положением.

“С помощью неопровержимых доказательств в виде отпечатков пальцев”, - сказал он.

Глава 4

БЫЛО ПОХОЖЕ, что этот человек держал это в запасе, ожидая подходящего момента, чтобы сказать это, и заранее наслаждаясь триумфом. Он казался немного разочарованным тем, что ему пришлось предъявить козырь так рано и при обстоятельствах менее драматичных, чем ему хотелось бы. Но остальные не думали об этом с точки зрения драматизма.

Брайан Пейдж услышал, как Берроуз судорожно вздохнул. Берроуз поднялся на ноги.

“Меня не проинформировали об этом”, - яростно сказал адвокат.

“Но вы догадались?” - улыбнулся толстый мистер Уэлкин.

“Не мое дело строить догадки”, - ответил Берроуз. “Повторяю, сэр, меня об этом не информировали. Я ничего не слышал об отпечатках пальцев”.

- Официально мы тоже. Мистер Мюррей оставил свое мнение при себе. Но, - вкрадчиво осведомился Уэлкин, ` нужно ли сообщать об этом нынешнему владельцу? Если это настоящий сэр Джон Фарнли, то он наверняка помнит, что мистер Мюррей снял отпечатки пальцев у мальчика в тысяча девятьсот десятом или одиннадцатом году.

- Я повторяю, сэр…

“Позвольте мне повторить, мистер Берроуз: нужно ли было вас информировать об этом? Что может сказать сам нынешний владелец?”

Выражение лица Фарнли, казалось, изменилось, стало замкнутым. Как обычно, когда его одолевали душевные терзания, он сделал две вещи. Он начал расхаживать по комнате короткими быстрыми шагами; затем достал из кармана связку ключей и стал вертеть ее на указательном пальце.

- Сэр Джон!

- А?

- Спросил Берроуз, - вы помните какие-нибудь обстоятельства, о которых упоминал мистер Уэлкин? Мистер Мюррей когда-нибудь снимал у вас отпечатки пальцев?

- А, это, - сказал Фарнли, как будто это не имело никакого значения. - Да, теперь я вспомнил. Я совсем забыл об этом. Но это пришло мне в голову, когда я разговаривал с вами и моей женой некоторое время назад - вы знаете. Я задумался, может ли это быть так, и мне стало намного легче на душе. Да, старина Мюррей правильно записал мои отпечатки пальцев.

Истец обернулся. На его лице отразилось не только легкое удивление, но и внезапное подозрение.

“Вы знаете, так не пойдет”, - сказал истец. “Вы же не утверждаете, что вам придется пройти проверку отпечатков пальцев?”

“Смириться с этим? Смириться с этим?” - повторил Фарнли с мрачным удовольствием. “Чувак, это лучшее, что могло случиться. Ты самозванец, и ты это знаешь. Старый тест отпечатков пальцев Мюррея, автор Джордж, теперь, когда я думаю об этом, я могу вспомнить каждую деталь этого дела! - все уладит. Тогда я смогу тебя выгнать”.

И два соперника посмотрели друг на друга.

Некоторое время Брайан Пейдж пытался подбросить гирю на весы, которые никак не могли устоять на месте. Он пытался, без предубеждения, понять, в чем заключается обман. Проблема была проста. Если Патрик Гор (назовем его имя, под которым он был объявлен) был самозванцем, то он был одним из самых крутых и хладнокровных мошенников, которые когда-либо входили в чужой дом. Если нынешний Джон Фарнли был самозванцем, то он был не только скользким преступником, скрывающимся за этой наивной прямолинейной маской, но и потенциальным убийцей.

Последовала пауза.

- Знаете, друг мой, - заметил истец, как будто с новым интересом, - я восхищаюсь вашей наглостью. Минуточку, пожалуйста. Я говорю это не в качестве язвительной насмешки или для того, чтобы затеять ссору. Я просто заявляю, что восхищаюсь триплексом aes на щеке, с которым не смог бы сравниться сам Казанова. Теперь я не удивлен, что вы “забыли” об отпечатках пальцев. Они были сделаны задолго до того, как я начал вести свой дневник. Но говорить, что вы их забыли, значит говорить, что вы их забыли…”

“Ну и что в этом плохого?”

“Джон Фарнли не забыл бы или не смог бы забыть ни одной детали из этого”. Я, будучи Джоном Фарнли, определенно не забыл. Вот почему Кеннет Мюррей был единственным человеком в мире. который оказал на меня хоть какое-то влияние. Мюррей - в “Следах”. Мюррей - в “Маскировке”. Мюррей - в “Избавлении от тела”. Вау! И особенно Мюррея об отпечатках пальцев, которые тогда были последним научным увлечением. Мне известно, - он прервал себя, повысил голос и обвел взглядом собравшихся, - что отпечатки пальцев были обнаружены сэром Уильямом Гершелем в пятидесятых годах прошлого века и вновь открыты доктором Фолдсом в конце семидесятых. Но английский суд признал их законными доказательствами только в 1955 году, и даже тогда

судья сомневался. Потребовались годы споров, чтобы установить их подлинность. И все же, как возможный “тест” для Мюррея, вы говорите, что никогда не думали об отпечатках пальцев.”

- Ты слишком много болтаешь, - сказал Фарнли, который снова выглядел раздутым и опасным.

- Естественно. Хотя раньше ты никогда не задумывался об отпечатках пальцев, сейчас все вспоминается. Скажи мне вот что. Когда были сняты отпечатки, как они были сняты?”

“Как?”

“В каком виде?”

Фарнли задумался. “На листе стекла”, - сказал он.

“Чепуха. Они были сделаны в “Фломастере”, маленькой книжечке, которая в то время была довольно популярной игрой или игрушкой, маленькой серой книжечке. У Мюррея было много других, принадлежавших моему отцу, моей матери и всем, кого он мог достать”.

“Подождите немного. Подожди. Кажется, там была книга - мы сидели вон у того окна…

- Значит, теперь вы утверждаете, что помните.

- Послушайте, - тихо сказал Фарнли, - за кого вы меня принимаете? Вы что, думаете, я тот парень из мюзик-холлов, которого вы засыпаете вопросами, а он тут же говорит вам, сколько статей в Великой Хартии вольностей или какая лошадь заняла второе место в дерби в 1882 году? Вот как вы говорите. Есть много мусора, о котором лучше забыть. Люди меняются. Они меняются, уверяю вас.”

- Но не изменились их основные характеры, как вы утверждаете. Вот к чему я клоню. Вы же знаете, что нельзя выворачивать всю свою душу наизнанку.

Во время этого спора мистер Уэлкин сидел, откинувшись на спинку стула, с очень серьезным видом, но с некоторым самодовольством, которое излучали его выпуклые голубые глаза. Теперь он поднял руку.

“Джентльмены, джентльмены. Конечно, эти споры… э-э-э…

неуместны, если вы позволите мне так выразиться? - Я рад сообщить, что этот вопрос может быть решен в течение очень короткого времени.

- Я все еще настаиваю, - отрезал Натаниэль Берроуз.. - поскольку я не был проинструктирован относительно отпечатков пальцев, я могу в интересах сэра Джона Фарнли…

- Мистер Берроуз, - спокойно сказал истец, - вы, должно быть, догадались об этом, хотя мы и не хотели вам говорить. Я подозреваю, что вы догадывались об этом с самого начала, и именно поэтому терпели это заявление. Вы пытаетесь сохранить свое лицо с обеих сторон, независимо от того, окажется ли ваш мужчина мошенником или нет. Что ж, вам лучше поскорее перейти на нашу сторону."

Фарнли перестал расхаживать по комнате. Он подбросил связку ключей, поймал ее, шлепнув по ладони, и сжал своими длинными пальцами.

- Это правда? - спросил он Берроуза.

- Если бы это было правдой, сэр Джон, я был бы вынужден предпринять другие шаги. В то же время, мой долг - провести расследование…

- Все в порядке, - сказал Фарнли. - Я только хотел узнать, на чьей стороне мои друзья. Я не буду много рассказывать. Мои воспоминания, приятные или неприятные, и некоторые из них не дают мне спать по ночам, я оставлю при себе. Просто возьмите свои отпечатки пальцев, и тогда мы увидим. Вопрос в том, где Мюррей? - Почему его здесь нет?"

На лице истца появилось выражение мефистофельского удовольствия, при этом он умудрился зловеще нахмуриться.

"Если бы события развивались по плану, - с удовольствием ответил он, - Мюррей был бы уже убит, а его тело спрятано в пруду в саду. (Там все еще есть пруд, не так ли? Я так и думал.) Честно говоря, я полагаю, что он сейчас направляется сюда. Кроме того, я не хочу вбивать кому-либо идеи в голову.

"Идеи?" - спросил Фарнли.

"да. Как твой старый. Быстрая добыча и легкая жизнь".

От того, как он говорил, в воздухе, казалось, повеяло неприятным холодком. Голос Фарнли стал высоким и скрипучим. Он поднял руку, а затем провел ею по своему старому твидовому пиджаку, словно пытаясь взять себя в руки. Казалось, его оппонент со сверхъестественным мастерством подбирал именно те фразы, которые могли бы его уязвить. У Фарнли была довольно длинная шея, что теперь бросалось в глаза.

“Кто-нибудь в это верит?” - спросил он. “Молли - Пейдж–Берроуз - ты в это веришь?”

“Никто в это не верит”, - ответила Молли, не поднимая глаз. - “Вы поступаете глупо, позволяя ему вывести вас из равновесия, а это именно то, что он пытается сделать”.

Истец бросил на нее заинтересованный взгляд.

“Вы тоже, мадам?”

“Я тоже, что ли?” - спросила Молли и тут же разозлилась на себя. “Извините, что это звучит как музыкальная мелодия, но вы понимаете, что я имею в виду”.

“Вы верите, что вашего мужа зовут Джон Фарнли?”

“Я знаю это”.

“Откуда?”

- Боюсь, я должна прислушаться к женской интуиции, - холодно сказала Молли. - Но я имею в виду нечто разумное: что-то, что по-своему и в своих пределах всегда правильно. Я поняла это в тот момент, когда увидела его снова. Конечно, я готова выслушать доводы, но они должны быть правильными.

“Вы влюблены в него, могу я спросить?”

На этот раз Молли покраснела под своим загаром, но отнеслась к вопросу в своей обычной манере. - Ну, скажем так, он мне очень нравится, если хотите.

- Именно так. Точно. Он тебе “нравится”; я думаю, он всегда будет тебе “нравиться”. Вы поладите, и вам будет очень хорошо вместе. Но ты не влюблена в него, и ты не разлюбила его. Ты влюбился в меня. Иными словами, ты влюбился в воображаемую проекцию меня из своего детства, которая окружала самозванца,

когда “я” вернулся домой…

“Джентльмены, джентльмены!” - сказал мистер Уэлкин, как церемониймейстер на шумном банкете. Он казался несколько шокированным.

Брайан Пейдж вступил в разговор, явно забавляясь, чтобы успокоить хозяина.

“Теперь мы занимаемся психоанализом”, - сказал Пейдж. “Послушайте, Берроуз, что нам делать с этим цветком в таком-то виде?”

“Я знаю только, что мы потратили на это полчаса”, - холодно ответил Берроуз. “Кроме того, мы снова отклоняемся от темы”.

“Вовсе нет”, - заверил его истец. Истец, казалось, искренне стремился угодить. “Надеюсь, я больше не сказал ничего такого, что могло бы кого-то обидеть? Вам следовало бы жить в цирке, ваша кожа стала бы жестче. Однако я обращаюсь к вам, сэр, - он посмотрел на Пейджа. - Разве я не высказал разумное предположение в отношении этой леди? Вы можете возразить. Вы можете сказать, что для того, чтобы привязаться ко мне как к ребенку, она должна была быть немного старше - в возрасте, скажем, мисс Мэдлин Дейн? Это было вашим возражением?

Молли рассмеялась.

“Нет”, - сказал Пейдж. “Я не думал ни о поддержке, ни о возражениях. Я думал о вашей загадочной профессии.”

“Моя профессия?”

“Та неопределенная профессия, о которой вы упомянули, та, в которой вы впервые добились успеха в цирке. Я не могу решить, являетесь ли вы (1) гадалкой, (2) психоаналитиком, (3) специалистом по запоминанию, (4) фокусником или даже тем и другим одновременно. В тебе есть их манеры и многое другое. Ты слишком сильно напоминаешь Мефистофеля из Кента. Тебе здесь не место. Ты каким-то образом нарушаешь порядок вещей и причиняешь мне боль.”

“Истец, казалось, был доволен.

“Так ли это? Вас всех нужно немного расшевелить”, - заявил он. “Что касается моей профессии, то, возможно, во мне есть что-то

от всего этого. Но есть один человек, которым я, безусловно, являюсь: я Джон Фарнли".

В другом конце комнаты открылась дверь, и вошел Ноулз.

- К вам мистер Кеннет Мюррей, сэр, - сказал он.

Наступила пауза. Игра угасающего света позволила последнему огненному зареву заката пробиться сквозь деревья и высокие оконные стекла. Оно осветило тяжелую комнату; затем сменилось ровным теплым светом, которого было ровно столько, чтобы можно было различить лица и фигуры.

Сам Кеннет Мюррей многое вспомнил в те летние сумерки. Он был высоким, худощавым, довольно неуклюжим человеком, который, несмотря на первоклассный интеллект, никогда не был создан для того, чтобы добиваться особого успеха в чем бы то ни было. Хотя ему едва исполнилось пятьдесят, его светлые усы и борода, подстриженные так коротко, что казались щетиной, были с проседью. Он постарел, как и сказал Берроуз; он стал худее и угрюмее, утратив прежнее добродушие. Но в нем еще оставалось много от прежнего добродушия, и это было видно по его взгляду, когда он неторопливо вошел в библиотеку. Его глаза были слегка прищурены, как у человека, живущего под палящим солнцем.

Затем он остановился, нахмурившись, как будто читал книгу, и выпрямился. А к одному из претендентов на наследство вернулись старые времена со старыми воспоминаниями и яростной горечью по отношению к умершим людям; однако сам Мюррей не постарел ни на день.

Мюррей стоял, изучая людей перед собой. Он нахмурился, затем стал насмешливым - вечный наставник - и затем мрачным. Он уставился в точку, расположенную на полпути между владельцем и заявителем.

- Ну что, юный Джонни? он сказал.

Глава 5

СЕКУНДУ или две никто из участников не двигался и не произносил ни слова. Сначала казалось, что каждый ждет, что будет делать другой, а затем каждый пошел своей дорогой. Фарнли слегка повел плечом, как будто не хотел вступать в дискуссию, но согласился кивнуть, жестикулировать и даже натянуто улыбнуться. В голосе Мюррея звучала властность. Но

истец, после небольшого колебания, не выразил подобных чувств. Он говорил со спокойной приветливостью.

- Добрый вечер, Мюррей, - сказал он, и Брайан Пейдж, который знал, как ученики относятся к своим бывшим школьным учителям, внезапно почувствовал, что чаша весов склонилась в сторону Фарнли.:

Мюррей огляделся.

- Кому-нибудь лучше представить меня, - сказал он приятным голосом.

Это сделал Фарнли, выведенный из себя апатией. По молчаливому согласию Мюррей был “стариком” в группе, хотя и был намного моложе Уэлкина; в нем было что-то от манер “старика”: что-то оживленное и уверенное, но в то же время блуждающее. Он сел во главе стола, так, чтобы лампа была у него за спиной. Затем он с серьезным видом надел очки для чтения в совиной оправе и оглядел присутствующих.

- Я бы никогда не узнал мисс Бишоп или мистера Берроуза, - продолжал он. - Мистер Уэлкина я немного знаю. Именно благодаря его щедрости я смог впервые за долгое время по-настоящему отдохнуть”.

Уэлкин, очевидно, был вполне удовлетворен и решил, что ему пора взять инициативу в свои руки и приступить к настоящему делу.

- Вот именно. Итак, мистер Мюррей, мой клиент…

- О, так, так, так! - довольно раздраженно сказал Мюррей. “Дайте мне перевести дух и немного поговорить, как говаривал старый сэр Дадли”. Было похоже, что он в буквальном смысле хотел перевести дух, потому что он несколько раз глубоко вздохнул, оглядел комнату, а затем посмотрел на двух противников. “Однако, я должен сказать, что вы, похоже, попали в очень неприятную ситуацию. Это дело не стало достоянием общественности, не так ли?”

“Нет”, - сказал Берроуз. “И вы, конечно, ничего не сказали об этом?”

Мюррей нахмурился.

“Здесь я должен признать себя виновным. Я упомянул об этом одному человеку.. Но, когда вы услышите имя этого человека, я не думаю, что вы будете возражать. Это был мой старый друг доктор Гидеон Фелл, бывший школьный учитель, как и я, о чьей связи с детективной деятельностью вы, возможно, слышали. Я увидел его, когда проезжал через Лондон. И я… э-э-э… упоминаю об этом, чтобы предупредить вас. Несмотря на доброжелательность Мюррея, его прищуренные серые глаза стали яркими, жесткими и заинтересованными. “Не исключено, что сам доктор Фелл вскоре может оказаться в этой части света. Вы знаете, что в “Быке и мяснике”, кроме меня, остановился еще один человек, человек любознательный?

- Частный детектив? - Резко спросил Фарнли, к явному удивлению истца.

- И это вас привлекло? - спросил Мюррей. - Он официальный детектив из Скотленд-Ярда. Это была идея доктора Фелла. Доктор Фелл утверждал, что лучший способ скрыть свою личность как официального детектива - действовать как частный детектив. Хотя Мюррей казался чрезвычайно довольным, его глаза оставались настороженными. “Скотленд-Ярд, по совету главного констебля Кента, похоже, заинтересовался смертью мисс Виктории Дейли, которая умерла здесь прошлым летом”.

Чувство.

Натаниэль Берроуз, который выглядел взволнованным, сделал неопределенный жест.

“Мисс Дейли была убита бродягой, - сказал Берроуз, - позже он покончил с собой, убегая от полиции”.

“Я надеюсь на это. Однако я услышал это мимоходом, когда упомянул о своей маленькой проблеме со смешанными идентичностями в разговоре с доктором Феллом. Он заинтересовался. Голос Мюррея снова стал резким и, если можно так выразиться, непроницаемым. - Теперь юный Джонни…

Казалось, даже воздух в комнате застыл в ожидании. Заявительница кивнула. Ведущий тоже кивнул, но Пейджу показалось, что у него на лбу выступили капельки пота.

“Мы можем продолжить?” Потребовал Фарнли. - Не стоит играть в кошки-мышки, мистер, не стоит играть в кошки-мышки, Мюррей. Это неприлично и на вас не похоже. Если у вас есть

отпечатки пальцев, покажите их, и тогда посмотрим.

Глаза Мюррея открылись, а затем сузились. В его голосе послышалось раздражение.

- Значит, вы знаете об этом. Я приберегал это для себя. И могу я спросить, - его голос стал профессионально спокойным и саркастичным, - кто из вас думал, что последним тестом будут отпечатки пальцев?

“Я думаю, что смогу подтвердить эту честь”, - ответил истец, вопросительно оглядываясь по сторонам. “Мой друг Патрик Гор утверждает, что вспомнил об этом позже. Но, похоже, у него сложилось впечатление, что вы снимали отпечатки пальцев со стекла”.

“Я так и сделал”, - сказал Мюррей.

“Это ложь”, - сказал истец.

Голос истца неожиданно изменился. Брайан Пейдж внезапно понял, что под его мягким мефистофельским видом скрывался вспыльчивый характер.

“Сэр”, - сказал Мюррей, оглядывая его с головы до ног, - “У меня нет привычки…”

Затем как будто вернулись старые времена; истец, казалось, невольно собирался отступить и попросить прощения у Мюррея. Но он справился с этим. Его лицо разгладилось, и на нем снова появилось обычное насмешливое выражение.

- Тогда давайте предположим, что у меня есть альтернативное предложение. Вы сняли у меня отпечатки пальцев с помощью “Сканера отпечатков пальцев”. - У вас было несколько таких сканеров; вы купили их в Танбридж-Уэллсе. И вы сняли отпечатки пальцев у меня и моего брата Дадли в один и тот же день”.

“Это, - согласился Мюррей, - совершенно верно. У меня есть отпечатковая карта с отпечатками пальцев. Он дотронулся до внутреннего нагрудного кармана своей спортивной куртки.

“Я чувствую запах крови”, - сказал истец.

Действительно, казалось, что за столом царит другая атмосфера.

“В то же время, - продолжал Мюррей, словно не слыша этого, - первые эксперименты с отпечатками пальцев, которые я проводил, были проведены на небольших предметных стеклах”. Он стал еще более непроницаемым и резким. “А теперь, садитесь, как истец, вы должны рассказать мне несколько вещей. Если вы сэр Джон Фарнли, то мне известны некоторые вещи, о которых не знает никто другой. В те дни вы были всеядным читателем. Сэр Дадли, который, как вы должны признать, был просвещенным человеком, составил список книг, которые вам было разрешено прочитать. Вы никогда ни с кем не делились своими взглядами на эти книги: сэр Дадли однажды безобидно высмеял ваши взгляды, и даже под пытками вы бы не раскрыли рта после этого. Но мне вы высказались в недвусмысленных выражениях. Вы помните все это?”

“Действительно, очень хорошо”, - сказал заявитель.

“Тогда, пожалуйста, скажите мне, какая из этих книг вам понравилась больше всего”, - и какая произвела на вас наибольшее впечатление.”

“С удовольствием”, - ответил заявитель, поднимая глаза. `Все о Шерлоке Холмсе. Все книги По. “Монастырь и домашний очаг”. “Граф Монте-Кристо”. “Похищенный”. “Повесть о двух городах”. Все истории о привидениях. Все истории, связанные с пиратами, убийствами, разрушенными замками или…

“Этого достаточно”, - уклончиво ответил Мюррей. “А книги. вам очень не нравились?”

“Каждая убийственная строчка Джейн Остин и Джордж Элиот. Все эти слезливые школьные истории о “чести школы” и так далее. Все “полезные” книги, рассказывающие о том, как создавать механические устройства или управлять ими. Все это истории о животных. Могу добавить, что, в общем, это все еще мои взгляды”.

Брайану Пейджу начинал нравиться заявитель.

“Давайте возьмем младших детей, которые жили поблизости”, - продолжил Мюррей. “Например, нынешнюю леди Фарнли, которую я знал как маленькую Молли Бишоп. Если вы Джон Фарнли, как вы ее прозвали?”

“Цыганка”, - мгновенно ответил истец.

“почему?”

- Потому что она всегда была загорелой и всегда играла с детьми из цыганского племени, которое раньше разбивало лагерь на другой стороне Карты.

Он взглянул на разъяренную Молли и слегка улыбнулся.

- А мистер Берроуз, как вы его прозвали?

- “Ункас”.

- И в чем причина этого?

- Во время любых игр в “Я-шпион” или чего-то подобного он мог бесшумно проскользнуть сквозь кустарник.

«Спасибо. А теперь что касается вас, сэр. Мюррей повернулся к Фарнли и посмотрел на него так, словно собирался попросить его поправить галстук. “Я не хочу, чтобы у вас сложилось впечатление, что мы играем в кошки-мышки. Итак, у меня к вам только один вопрос, прежде чем я приступлю к снятию отпечатков пальцев. На самом деле, от этого вопроса будет зависеть мое личное мнение, прежде чем я увижу доказательства в распечатках. Вопрос заключается в следующем. Что такое “Красная книга Аппина”?

В библиотеке было почти темно. Жара все еще стояла сильная, но с заходом солнца подул легкий ветерок. Он проникал в одно или два открытых окна, и деревья шевелились вместе с ним. Мрачная, скорее неприятная улыбка появилась на лице Фарнли. Он кивнул. Достав из кармана блокнот и маленький золотой карандаш, он вырвал листок и написал на нем несколько слов. . Он сложил его и протянул Мюррею.

“Меня это никогда не привлекало”, - сказал Фарнли. И затем: “Это правильный ответ?”

“Это правильный ответ”, - согласился Мюррей. Он посмотрел на истца. “Вы, сэр, ответите на тот же вопрос?”

Впервые истец казался неуверенным. Его взгляд метнулся от Фарнли к Мюррею с выражением, которое Пейдж не смогла понять. Не говоря ни слова, он жестом попросил блокнот и карандаш, которые передал Фарнли. Истец написал всего два или три слова, прежде чем вырвал листок и отдал его Мюррею.

- А теперь, джентльмены, - сказал Мюррей, вставая.. - Я думаю, мы можем снять отпечатки пальцев. Вот оригинал отпечатка пальца: как видите, он сильно устарел. Вот подушечка для чернил и две белые карточки. Не могли бы вы просто… не могли бы вы дать мне немного света, пожалуйста?”

Молли подошла и коснулась электрического выключателя рядом с дверью. В библиотеке висела многоярусная люстра из кованого железа, которая когда-то поддерживала венцы из свечей; теперь там были маленькие электрические лампочки, но не все из них работали, так что свет был не слишком ярким. Но это отодвигало летнюю ночь; сотни маленьких отблесков ламп отбрасывались на оконные стекла, и книги на высоких полках казались еще более грязными. На столе Мюррей разложил свои принадлежности. Томограф, на который они все посмотрели в первую очередь, оказался маленькой потрепанной книжечкой в серой, истончившейся от использования обложке: название написано красными буквами, а под ним большой красный отпечаток большого пальца.

- Старый друг, - сказал Мюррей, похлопывая по обложке. - Итак, джентльмены. `Свернутые” отпечатки лучше, чем плоские, но я не взял с собой валик, потому что хотел воспроизвести исходные условия. Мне нужен только отпечаток вашего левого большого пальца; для сравнения есть только один отпечаток. Вот носовой платок, кончик которого смочен в бензолине: это уберет пот. Воспользуйтесь им. Далее - “

Это было сделано.

В это время сердце Пейджа ушло в пятки; он не мог бы сказать почему. Но все они были в неестественном возбуждении. По какой-то причине Фарнли настоял на том, чтобы перед снятием отпечатка закатать рукав, как будто собирался делать переливание крови. Пейдж с радостью отметил, что рты обоих адвокатов были открыты. Даже претендент быстро воспользовался носовым платком, прежде чем облокотиться на стол. Но больше всего Пейджа поразила уверенность обоих участников. Пейджу пришла в голову безумная мысль: а что, если два отпечатка окажутся совершенно одинаковыми?

По его словам, вероятность того, что это произойдет, составляла всего один шанс из шестидесяти четырех миллионов. Тем не менее, никто не колебался и не отказывался от теста. Никто.

У Мюррея была плохая авторучка. Она царапалась, когда он писал имена и пометки внизу каждой белой (неглазурованной) карточки. Затем он тщательно промокал их, пока участники вытирали пальцы.

“Ну?” потребовал Фарнли.

“Ну! А теперь, если вы будете так добры и оставите меня на четверть часа одного, я смогу приступить к работе. Простите мою необщительность, но я осознаю важность этого так же, как и вы.

Берроуз моргнул. - Но не можете ли вы… то есть, не собираетесь ли вы нам сказать?

- Мой дорогой сэр, - сказал Мюррей, чьи нервы, казалось, тоже были на пределе, - не кажется ли вам, что одного взгляда на эти отпечатки будет достаточно, чтобы сравнить их? Особенно с изображением мальчика, сделанным выцветшими чернилами двадцать пять лет назад? Они потребуют согласования многих моментов. Это можно сделать, но четверть часа - это неестественно скромная оценка. Удвойте ее: вы будете ближе к истине. Теперь я могу успокоиться?”

Со стороны истца раздался тихий смешок.

“Я ожидал этого”, - сказал он. “Но предупреждаю вас, это неразумно. Я чувствую запах крови. Вас придется убить. Нет, не хмурься, двадцать пять лет назад ты бы наслаждался этим положением и упивался собственной важностью”.

“Я не вижу в этом ничего смешного”.

“На самом деле, в этом нет ничего смешного. Вот вы сидите в освещенной комнате, а стена из окон выходит в темный сад, окруженный деревьями, и дьявол шепчет за каждым листочком. Будьте осторожны.”

- Что ж, - ответил Мюррей, и слабая улыбка скользнула по его усам и бороде, - в таком случае я приму все меры предосторожности. Наиболее нервные из вас могут наблюдать за мной через окно. А теперь прошу меня извинить.

Они вышли в коридор, и он закрыл за ними дверь. Затем шесть человек встали и посмотрели друг на друга.

В длинном уютном холле уже зажгли свет. Ноулз стоял в дверях

столовой в новом крыле, которое было отстроено в задней части от центра дома, напоминая тело буквы “Т”, а голова - фасад. Молли Фарнли, раскрасневшаяся и напряженная, старалась говорить спокойно.

- Тебе не кажется, что нам лучше что-нибудь съесть? - спросила она. - Я заказала шведский стол с холодными закусками. В конце концов, нет причин, почему бы нам не вести себя как обычно.

“Спасибо”, - с облегчением сказал Уэлкин.; “Я бы с удовольствием съел сэндвич”.

“Спасибо”, - сказал Берроуз. - “Я не голоден”.

“Спасибо”, - сказал истец, чтобы усилить хор. “Независимо от того, соглашусь я или откажусь, это будет звучать одинаково плохо. Я собираюсь куда-нибудь выкурить длинную, крепкую черную сигару, а потом прослежу, чтобы Мюррею там не причинили вреда”.

Фарнли ничего не сказал. Прямо за его спиной в холле была дверь, выходившая в ту часть сада, на которую выходили окна библиотеки. Он долго и внимательно изучал своих гостей; затем открыл стеклянную дверь и вышел в сад.

Таким же образом Пейдж вскоре обнаружил, что его никто не видит. Единственным человеком в поле зрения был Уэлкин, который стоял в тускло освещенной столовой и невозмутимо поглощал бутерброды с рыбным паштетом. Часы Пейджа показывали двадцать минут десятого. Он поколебался, а затем последовал за Фарнли в прохладный полумрак сада.

Эта часть сада, казалось, была отгорожена от мира и представляла собой прямоугольник примерно восьмидесяти футов в длину и сорока в ширину. С одной стороны здание было закрыто новым крылом, с другой - высокой тисовой изгородью. Сквозь буковые деревья окна библиотеки отбрасывали слабую ломаную полосу света с узкой стороны продолговатого здания. В новом крыле также были стеклянные двери, ведущие в столовую, а из окон спальни наверху открывался вид на балкон.

Вдохновленный идеями короля Вильгельма Третьего, архитектор семнадцатого века Фарнли разбил сад в Хэмптон-Корте строгими изгибами и углами живой изгороди из тиса с широкими, посыпанными песком дорожками между ними. Живая изгородь была высотой по пояс; на самом деле это было очень похоже на

фундамент лабиринта. Хотя на самом деле ориентироваться в саду не составляло труда, Пейдж всегда считала, что это было бы отличное место для игр в прятки, если бы вы держались ниже линии живой изгороди. В центре было большое круглое открытое пространство, обсаженное розовыми деревьями; и это пространство, в свою очередь, окружал декоративный бассейн около десяти футов в диаметре с очень низким ограждением. В колеблющемся промежутке между огнями, когда слабые отблески от дома встречались со слабым заревом с запада, это было тайное и благоухающее место. Однако Пейдж почему-то никогда не нравилась атмосфера этого сада.

Вместе с этой мыслью пришла другая, более неприятная. В простом саду, в горстке живых изгородей, кустарников, цветов и земли не было ничего, что могло бы вызвать беспокойство. Возможно, потому, что умы и помыслы всех присутствующих были так сильно сосредоточены на библиотеке, что они бились об этот освещенный ящик, как мотыльки о стекло. Конечно, было абсурдно предполагать, что с Мюрреем что-то могло случиться. Все устроено по-другому; это не так удобно; только гипнотическая личность истца смогла повлиять на это внушение.

“Однако”, - чуть было не сказал Пейдж вслух, - “Думаю, я мог бы просто пройти мимо окна и взглянуть”.

Он так и сделал, но тут же отпрянул, пробормотав ругательство, потому что кто-то еще тоже смотрел. Он не видел, кто был этот человек, потому что тот отошел от буковой завесы на окнах библиотеки. Но Пейдж увидел Кеннета Мюррея, который сидел за библиотечным столом спиной к окнам, а Мюррей, казалось, просто открывал серую книгу.

Ерунда.

Пейдж отошел и быстро вышел в прохладный сад. Он обошел круглый бассейн, глядя на одинокую ясную звезду (у Мэдлин Дейн было поэтическое название для нее), которую можно было увидеть прямо над группой дымоходов в новом крыле. Пробираясь по низкому лабиринту, он добрался до дальнего конца лабиринта своих мыслей.

Так кто же был Фарнли - самозванец или тот, другой парень? Пейдж не знал, и за последние два часа он столько раз менял свое мнение, что ему не хотелось гадать. Кроме того, на каждом шагу то и дело случайно упоминалось имя Мэдлин Дэйн

В конце этой части сада была живая изгородь из лавра, которая скрывала каменную скамью от дома. Он сел и закурил сигарету. Возвращаясь мыслями к прошлому так честно, как только мог, он признался себе, что отчасти его недовольство вселенной было вызвано постоянным повторением имени Мэдлин Дэйн. Мэдлин Дэйн, светловолосая и стройная, привлекательная внешность которой наводила на мысль о происхождении ее фамилии, была человеком, который смешал “Жизни главных судей” и все остальное в мыслях Пейджа. Он думал о ней больше, чем ему хотелось. Потому что вот он, закоренелый холостяк.

Затем Брайан Пейдж вскочил с каменной скамьи, не думая ни о Мэдлин, ни о женитьбе: только о звуках, доносившихся из сада позади. Это были негромкие звуки, но они с пугающей отчетливостью доносились из-за темных низких изгородей. Самым ужасным был удушающий шум, затем шарканье и шарканье ног, затем всплеск и удары..

На мгновение ему не захотелось оборачиваться.

Он на самом деле не верил, что что-то произошло. Он никогда в это не верил. Но он бросил сигарету в траву, придавил ее каблуком и направился обратно к дому почти бегом. Он был на некотором расстоянии от дома и, играя в прятки, дважды свернул не туда. Сначала это неясное место показалось ему пустынным; затем он увидел. Высокая фигура Берроу приближалась к нему, и луч фонарика, скользнув по живой изгороди, упал ему на лицо. Когда он подошел достаточно близко, чтобы разглядеть лицо Берроу за светом, прохлада и аромат сада исчезли.

“Ну, это случилось”, - сказал Берроуз.

В тот момент Пейдж почувствовал легкую физическую тошноту.

“Я не понимаю, что вы имеете в виду, - солгал он, - за исключением того, что этого не могло случиться”. -

- Я просто рассказываю вам, вот и все, - с терпеливой настойчивостью ответил побледневший Берроуз. - Идите скорее и помогите мне вытащить его. Я не могу поклясться, что он мертв, но он лежит лицом вниз в этом пруду, и я почти уверен, что он мертв”.

Пейдж посмотрел в указанном направлении. Он не мог видеть пруд, который был скрыт живой изгородью, но теперь у него был хороший обзор задней части дома. Из окна освещенной комнаты

над библиотекой выглядывал старый Ноулз, дворецкий, а Молли Фарнли стояла на балконе под окнами своей спальни.

“Я говорю тебе;” Пейдж настаивал: “Никто не посмеет напасть на Мюррея! Это невозможно. Это бессмысленно… И, в любом случае, что Мюррей делает у пруда?”

“Мюррей?” - спросил другой, уставившись на него. “Почему Мюррей?” Кто сказал что-нибудь о Мюррее? Это Фарнли, чувак: Джон Фарнли. Все было кончено еще до того, как я смог туда добраться, и, боюсь, теперь уже слишком поздно.

Глава 6

“НО КОМУ, ЧЕРТ ВОЗЬМИ, - спросил Пейдж, - могло понадобиться убивать Фарнли?”

Ему пришлось привести свои мысли в порядок. Впоследствии он признал, что его первоначальное представление об убийстве было всего лишь предположением. И все же, даже когда на смену этому предположению пришло другое, он помнил свою первую мысль: если это убийство, то оно было гениально задумано. Словно благодаря ловкости рук, все глаза и уши были прикованы к Кеннету Мюррею. Ни у кого в доме не было и мысли о ком-либо, кроме Мюррея. Никто не знал, где кто-либо был, никто, кроме Мюррея. Человек, который действовал в таком вакууме, мог напасть незамеченным, если только он не нападал на Мюррея.

“Убить Фарнли?” - повторил Берроуз странным голосом. - Так не пойдет. Проснись. Остановка. Устойчивый. Пошли”.

Продолжая говорить, как человек, дающий указания, как подать машину задним ходом, он двинулся вперед своей долговязой походкой. Луч фонарика был ровным. Но он выключил его еще до того, как они добрались до пруда, то ли потому, что с неба все еще падало достаточно света, то ли потому, что он не хотел видеть все слишком хорошо в тот момент.

Вокруг пруда был насыпан песок шириной около пяти футов. Фигуры и даже лица все еще были смутно различимы. Фарнли лежал ничком в бассейне, слегка повернувшись вправо, так что вы могли видеть заднюю часть сада. Бассейн был достаточно глубок, чтобы его тело покачивалось вместе с водой, которая все еще плескалась через низкий круглый бортик или ограждение, стекая по утрамбованному песку. Они также заметили в воде более темную краску, которая поднималась вверх и растекалась вокруг

него; но они не видели полного цвета этой краски, пока она не коснулась участка белых кувшинок рядом с телом.

Плеск воды возобновился, когда Пейдж начал вытаскивать его; пятка Фарнли едва коснулась края низкого настила. Но через минуту, о которой Пейдж впоследствии не хотел вспоминать, Пейдж встал.

“Мы ничем не можем ему помочь”, - сказал Пейдж. “У него перерезано горло”.

Шок еще не прошел, и они оба говорили спокойно.

“да. Я боялся этого. Это…

- Это убийство. Или, - резко добавил Пейдж, - самоубийство. Они посмотрели друг на друга в сумерках.

- И все же, - возразил Берроуз, стараясь быть официальным и человечным одновременно, - мы должны вытащить его оттуда. Это правило - ничего не трогать и ждать полицию - очень хорошо, но мы не можем позволить ему лежать там. Это неприлично. Кроме того, его положение и так нарушено. Может, нам…?” - “Да”.

Твидовый костюм, теперь черный и оттопыренный, казалось, впитал в себя тонну воды. С трудом они перекатили Фарнли через край, вызвав небольшую приливную волну. Мирный вечерний аромат сада, особенно роз, никогда еще не казался таким театрально-романтичным, как в этой реальности. Пейдж продолжала думать: “Это Джон Фарнли, и он мертв”. Это невозможно. И это было невозможно, если не считать одной мысли, которая с каждой секундой становилась все яснее.

- Вы имеете в виду самоубийство, - сказал Берроуз, вытирая руки. - У нас была галлюцинация убийства, но мне это не нравится больше. Понимаете, что это значит? Это значит, что он все-таки был самозванцем. Он блефовал так долго, как мог, и вопреки всему надеялся, что у Мюррея не окажется отпечатков пальцев. Когда проверка закончилась, он не смог смириться с последствиями. Итак, он пришел сюда, встал на краю бассейна, и Берроуз поднял руку к своему горлу.

Все сходилось очень хорошо.

- Боюсь, что так, - признался Пейдж, - Боюсь, что так, - Да, разве

это не было худшим обвинением, которое можно выдвинуть против умершего друга, взвалить на него все бремя теперь, когда он не может справиться с этим? Тупой болью поднялась обида, потому что Джон Фарнли был его другом. - Но это единственное, о чем мы можем думать. Ради бога, что здесь произошло? Вы видели, как он это сделал? Чем он это сделал?

“нет. То есть я его точно не видел. Я как раз выходил из коридора. Я достал этот фонарик, - Берроуз щелкнул кнопкой включения и выключения, а затем поднял его, - из ящика стола в холле. Вы знаете, как слабеют мои глаза, когда я выхожу на улицу в темноте. Как раз в тот момент, когда я открывал дверь, я увидел Фарнли, стоящего здесь - очень смутно, знаете ли, - на краю бассейна, спиной ко мне. Затем мне показалось, что он что-то делает или немного двигается: с моим зрением это очень сложно определить. Вы, должно быть, слышали звуки. После того, как я услышал этот всплеск и метание, вы знаете, что было еще хуже. Никогда не было истории ужаснее”.

“Но с ним никого не было?”

“Нет”, - сказал Берроуз, выпрямляясь. он прижал пальцы ко лбу и прижал их кончики к тому месту. “Или, по крайней мере, не совсем так. Эти изгороди высотой по пояс, и…

У Пейджа не было времени поинтересоваться значением слов “не совсем”, произнесенных педантичным Натаниэлем Берроузом. Со стороны дома послышались голоса и шаги, и он быстро заговорил.

“У тебя есть власть. Они все идут. Молли не должна этого видеть. Неужели ты не можешь использовать свою власть и остановить их?”

Берроуз прочистил горло два или три раза, как нервный оратор перед началом выступления, и расправил плечи. Включив фонарик, он направился к дому, направив луч в указанном направлении. Его луч выхватил Молли, за которой следовал Кеннет Мюррей, но не осветил их лиц.

- Мне очень жаль, - начал Берроуз высоким и неестественно резким голосом. - Но с сэром Джоном произошел несчастный случай, и вам лучше не ходить туда…

- Не будь дураком, - жестко сказала Молли. С нарочитой силой оттолкнув его, она вошла в полумрак у бассейна. К счастью, она

не могла видеть масштабов содеянного. Хотя она старалась казаться спокойной, Пейдж услышал, как ее каблуки застучали по дорожке. Он положил руку ей на плечо, чтобы поддержать ее; она прислонилась к нему, и он почувствовал прерывистое дыхание. Но то, что она сказала, вырвавшись сквозь рыдания, показалось ему просто загадочным. Молли сказала::

“Будь он проклят за то, что оказался прав!”

По какому-то тону Пейдж понял, что она не могла иметь в виду ее мужа. Но на мгновение это так поразило его, что он не мог этого осознать. Затем, пряча лицо даже от темноты, она торопливо направилась к дому.

“Отпустите ее”, - сказал Мюррей. “Так будет лучше для нее”.

Но Мюррей оказался не таким способным, как можно было подумать, столкнувшись с подобными вещами. Он заколебался. Взяв фонарик из рук Берроуза, он направил его луч на тело у бассейна, затем присвистнул, обнажив зубы между подстриженными усами и бородой.

“Вы доказали, - спросил Пейдж, - что сэр Джон Фарнли не был сэром Джоном Фарнли?”

“А? Прошу прощения?”

Пейдж повторил свой вопрос.

“Я не доказал, - сказал Мюррей с подчеркнутой серьезностью, - абсолютно ничего. Я имею в виду, что я не закончил сравнение отпечатков; я только начал его.

“Похоже, - довольно неуверенно произнес Берроуз, - что вам не нужно было бы заканчивать”.

И так оно и было. По правде говоря, не могло быть особых сомнений в самоубийстве Фарнли. Пейдж увидел, что Мюррей кивает в своей обычной рассеянной манере: кивает так, словно вообще не думает об этом, и поглаживает бороду на щеке, как человек, который пытается вспомнить что-то давнее. Это не было физическим движением, но создавалось именно такое впечатление.

“Но у вас же не может быть особых сомнений, не так ли?” Пейджу было предложено задать этот вопрос. “Какой из них, по-вашему,

был поддельным?”

“Я уже проинформировал вас”, - огрызнулся Мюррей. “Да, я знаю, но послушайте. Я только спросил, какой именно

как вы думаете, один из них был самозванцем? У вас наверняка должно было сложиться какое-то представление после того, как вы поговорили с ними. В конце концов, это единственная по-настоящему важная вещь как в самозванстве, так и во всем этом; и у вас не может быть никаких сомнений на этот счет? Если Фарнли - самозванец, у него были веские причины покончить с собой, и мы, безусловно, можем согласиться, что он это сделал. Но если по какой-то невероятной случайности он не был самозванцем…

- Вы предполагаете?

- Нет, нет, я просто спрашиваю. Если бы он был настоящим сэром Джоном Фарнли, у него не было бы причин перерезать себе горло. Значит, он, должно быть, самозванец. Не так ли?

- Склонность делать поспешные выводы, не изучив данные, - начал Мюррей тоном, в котором сочетались резкость и непринужденность, - это то, к чему неакадемический ум сильно склонен…

“Вы правы, вопрос снимается”, - сказал Пейдж.

“Нет, нет, вы неправильно поняли”. Тут Мюррей взмахнул рукой, как гипнотизер; казалось, он чувствовал себя неловко и взволнованно из-за того, что был нарушен баланс аргументов. - Вы намекаете, что это может быть убийством на том основании, что, если бы… э-э-э… несчастный джентльмен, стоящий перед нами, был настоящим Джоном Фарнли, он бы не покончил с собой. Но, настоящий он Джонни или нет, зачем кому-то убивать его? Если он мошенник, зачем его убивать? Закон позаботится о нем. Если он настоящий, зачем его убивать? Он никому не причинил вреда. Видите ли, я всего лишь придерживаюсь обеих точек зрения.

Берроуз мрачно произнес. - Это все из-за внезапно возникших разговоров о Скотленд-Ярде и бедной Виктории Дейли. Я всегда считал себя разумным человеком, но это меня подкосило. мне приходится выкорчевывать из головы всевозможные идеи. И потом, мне никогда не нравился этот проклятый сад.

- Ты тоже это почувствовал? требуемая страница.

Мюррей рассматривал их с нескрываемым интересом.

- Прекрати, - сказал он. - Насчет сада: почему он вам не нравится, мистер Берроуз? У вас есть какие-нибудь воспоминания, связанные с этим?”

- Не совсем воспоминания. Другой задумался; казалось, ему было не по себе. - Просто когда кто-нибудь рассказывал истории о привидениях, здесь это было в два раза эффектнее, чем где-либо еще. Я помню одну историю о… но это не имеет значения. Раньше я думал, что здесь будет очень легко вызвать дьявола, и я не имею в виду устраивать скандал. Однако, это все равно не относится к делу. У нас есть работа, которую нужно сделать. Мы не можем стоять здесь и разговаривать”

Мюррей встрепенулся, он был почти взволнован. - Ах, да. Полиция, - сказал он. - Да, в практическом мире предстоит многое сделать. Я думаю, вы позволите мне взять на себя руководство. Вы пойдете со мной, мистер Берроуз? Мистер Пейдж, не окажете ли вы нам любезность, оставшись с телом, пока мы не вернемся?

“Почему?” - спросил практичный Пейдж.

“Так принято. О, да. На самом деле, это абсолютно необходимо.

Друг мой, будьте добры, дайте мистеру Пейджу ваш фонарик. А теперь сюда. Когда я здесь жил, в “Клоуз” не было телефона, но, полагаю, сейчас он есть? Хорошо, хорошо, хорошо. Нам также нужен врач”.

Он поспешил прочь, уводя за собой Берроуза, а Пейдж остался у бассейна с тем, что осталось от Джона Фарнли.

Когда шок прошел, Пейдж стоял в темноте и размышлял о растущей бесполезности и сложности этой трагедии. И все же самоубийство самозванца было достаточно простым. Что его беспокоило, так это осознание того, что он не добился от Мюррея абсолютно никаких изменений. Это также

было бы достаточно просто, чтобы Мюррей сказал: “Да, это, несомненно, самозванец: я знал это с самого начала”, и, по сути, вся атмосфера, в которой находился Мюррей, свидетельствовала о том, что именно так он и думал. Но он ничего не сказал. Было ли это, в таком случае, просто его любовью к таинственности?

- Фарнли! - произнес Пейдж вслух. - Фарнли!

- Ты звал меня? - раздался голос почти у его локтя.

Звук этого голоса в темноте заставил Пейджа отпрянуть назад, так что он чуть не споткнулся о тело. Очертания предметов теперь полностью растворились в темноте. За звуком шагов по посыпанной песком дорожке последовало чирканье спички. Пламя спички, зажатой двумя руками, взметнулось над коробком и высветило в одном из проемов тисовой изгороди лицо истца - Патрика Гора, Джона Фарнли, - смотревшего в пространство у бассейна. Он вышел вперед своей слегка неуклюжей походкой.

В руках у заявителя была тонкая черная сигара, наполовину выкуренная и потухшая. Он сунул ее в рот, аккуратно прикурил и затем поднял взгляд.

“Вы меня звали?” - повторил он.

- Я не знал, - мрачно сказал Пейдж. - Но хорошо, что ты ответил. Ты знаешь, что произошло?

“да.”

“Где ты был?”

“Бродил”.

Спичка погасла, но Пейдж слышал его слабое дыхание. В том, что мужчина был потрясен, сомнений быть не могло. Он подошел ближе, уперев кулаки в бока и тлеющую сигару в уголке рта.

“Бедный мошенник”, - сказал истец, опустив глаза. - И в нем есть что-то такое, что заслуживает уважения. Мне очень жаль, что я это сделал. Я не сомневаюсь, что он вернулся к пуританской вере своих отцов и провел много лет, раскаиваясь, в то же время сохраняя контроль над поместьем. В конце концов, он мог бы продолжать позировать и стать лучшим оруженосцем, чем я когда-либо смогу. Но не те вещи Фарнли пропали, и поэтому он сделал это”.

“Самоубийство”.

“Без сомнения”. Истец вынул сигару изо рта и выпустил облако дыма, которое вилось в темноте, создавая странный эффект, словно призрак, принимающий форму привидения. “Я полагаю, Мюррей закончил сравнивать отпечатки. Вы присутствовали при этом небольшом допросе, который проводил Мюррей. Скажите, вы заметили, в какой именно момент наш… покойный друг оступился и выдал тот факт, что он не Джон Фарнли?”

“Нет”.

Затем Пейдж внезапно осознал, что потрясенный вид истца был вызван облегчением в той же степени, что и любыми другими эмоциями.

“Мюррей не был бы Мюрреем, - сказал он с некоторой сухостью, - если бы он не задал вопрос с подвохом. Это всегда было в его характере. Я ожидал этого и даже боялся: вдруг это на самом деле не вопрос с подвохом, а что-то, о чем я забыл. Но это был довольно очевидный подвох, когда он появился. Вы помните. “Что такое Красная книга Аппина?”

“да. Вы оба что-то записали…

“Конечно, такого понятия не существует. Мне было бы интересно посмотреть, какую тарабарщину записал мой бывший соперник, чтобы объяснить это. Это было еще более интригующе, когда Мюррей с серьезным, как у совы, лицом заверил его, что он написал правильный ответ; но вы заметили, что само это заверение едва не прикончило моего соперника. О, будь все

проклято, - он замолчал и сделал движение зажженным концом сигары, которое странным образом напоминало вопросительный знак. - Что ж, давайте посмотрим, что бедняга с собой сделал. Можно мне взять этот электрический фонарик?

Пейдж передал его и отошел, в то время как другой мужчина присел на корточки с фонарем в руках. Последовало долгое молчание, прерываемое редким бормотанием. Затем заявитель поднялся. Хотя он двигался медленно, он включил и выключил электрический фонарик.

“Друг мой, - сказал он изменившимся голосом, - так не пойдет”.

“Что не пойдет?”

“Это”. Я ненавижу то, что собираюсь сказать. Но я готов поклясться, что этот человек не убивал себя”.

(Один балл за предположение, интуицию или влияние определенного сада в сумерках.)

“Почему?” - спросил Пейдж.

“Вы внимательно его рассмотрели? Тогда приходите и сделайте это сейчас. Может ли человек перерезать себе горло тремя отдельными ударами, каждый из которых перерезает яремную вену, и любой из которых привел бы к смерти? Может ли он это сделать? Я не знаю, но сомневаюсь в этом. Помните, я сам начал свою карьеру в цирке. Я не видел ничего подобного с тех пор, как Барни Пул, лучший дрессировщик животных к западу от Миссисипи, был убит леопардом.

Ночной ветерок, гулявший по лабиринту, шевелил розы.

- Интересно, где же оружие? - продолжал он. Он поводил лучом фонарика по запотевшей воде. - Вероятно, в здешнем бассейне, но я не думаю, что нам стоит за ним отправляться. Возможно, полиция в этом деле нужнее, чем мы думаем. Это меняет дело таким образом, что… это меня беспокоит”, - сказал истец, как бы делая уступку. “Зачем убивать самозванца?”

“Или настоящего наследника, если уж на то пошло”, - сказал Пейдж.

Затем Пейдж почувствовал, что собеседник пристально смотрит на него. “Ты все еще не веришь…”

Их разговор прервали шаги, быстро приближавшиеся со стороны дома. Истец направил луч света на Уэлкина, адвоката, которого Пейдж в последний раз помнила за бутербродами с рыбным паштетом в столовой. Уэлкин, который теперь, очевидно, был очень напуган, вцепился в край белого халата, спрятанного под жилетом, как будто собирался произнести речь. Затем он передумал.

- Вам лучше вернуться в дом, джентльмены, - сказал он. - Мистер Мюррей хотел бы вас видеть. Я надеюсь, - он сделал зловещее ударение на этом слове и пристально посмотрел на истца, - я надеюсь, что никого из вас, джентльмены, не было в доме с тех пор, как это произошло.

Патрик Гор резко обернулся. - Не говорите мне, что еще что-нибудь случилось?

- Так и есть, - резко ответил Уэлкин. - Похоже, кто-то воспользовался этой неразберихой. В отсутствие мистера Мюррея кто-то проник в библиотеку и украл распечатку, содержащую нашу единственную улику.

11

Четверг, 30 июля

ЖИЗНЬ АВТОМАТА

Затем все стихло, и вскоре Моксон появился снова и сказал с довольно виноватой улыбкой::

“Простите, что я так внезапно покидаю вас. У меня там есть машинка, которая вышла из себя и сделала грубую стрижку”.

Не сводя глаз с его левой щеки, которую пересекали четыре параллельных кровоподтека, я спросил: “А как бы ему подстричь ногти?” -

АМБРОУЗ БИРС, учитель Моксона

Глава 7

РАННИМ вечером следующего дня, когда за городом шел серый теплый дождь, Пейдж снова сидел за письменным столом в своем кабинете, но на этот раз с совсем другими мыслями.

В некотором смысле, он ходил взад и вперед по комнате. монотонно, как шум дождя, вышагивал детектив-инспектор Эллиот.

А в самом большом кресле, как на троне, восседал доктор Гидеон Фелл.

Громоподобный смех доктора сегодня звучал приглушенно. Он прибыл в Мэллингфорд тем утром, и, похоже, ему не понравилась ситуация, в которой он оказался. Откинувшись на спинку большого кресла, он тихо вздохнул. Его глаза за стеклами очков на широкой черной ленте были с необычайной сосредоточенностью устремлены на угол стола; бандитские усы топорщились, словно он был готов к спору, а густая копна волос с проседью спадала на одно ухо. На стуле рядом с ним лежали его широкополая шляпа и трость с набалдашником из слоновой кости. Хотя у его локтя стояла пинтовая кружка пива, казалось, его не интересовало даже это. И хотя от июльской жары его красное лицо стало еще краснее, оно едва ли выражало его обычную веселость. Пейдж показалось, что он даже крупнее, как в росте, так и в обхвате, чем его описывали; когда он впервые появился в коттедже, одетый в свою складчатую накидку, он, казалось, заполнил собой все помещение и вытеснил даже мебель.

Никому не нравилась ситуация и в округе Мэллингфорд и в округе Соун. Округ замкнулся в себе, и это было даже не красноречивое молчание. Теперь все знали, что незнакомец, известный в “Быке и мяснике” как “фольклорный авторитет”, был инспектором отдела уголовных расследований. Но об этом не было сказано ни слова. В пивной “Бык и мясник” те, кто заходил выпить утреннюю пинту пива, разговаривали чуть тише и уходили быстрее, вот и все.Доктор Фелл не смог устроиться в “пабе -гостинице” из вежливости, так как обе комнаты для гостей были заняты, а Пейдж был вынужден уйти. я только рад предложить вам гостеприимство своего коттеджа.

Пейджу инспектор Эллиот тоже нравился, Эндрю Мак-Эндрю Эллиот выглядел неуместно ни как знаток фольклора, ни как сотрудник Скотленд-Ярда. Он был моложав, широк в кости, светловолос и серьезен. Ему нравились споры, и он любил такие тонкости, которые вызвали бы неудовольствие суперинтенданта Хэдли. Он получил основательное шотландское образование, которое учитывает мельчайшие детали самого незначительного предмета. Теперь, расхаживая по кабинету Пейджа под серым

дождем, он пытался прояснить свою позицию.

“Хм, да”, - проворчал доктор Фелл. “Но что именно было сделано до сих пор?”

Эллиот задумался. “Капитан Марчбэнкс, главный констебль, позвонил в Скотленд-Ярд сегодня утром и умыл руки”, - сказал он. “В обычных обстоятельствах, конечно, они прислали бы старшего инспектора. Но, поскольку я оказался на месте и уже расследую кое-что, что может быть связано с этим…

(Убийство Виктории Дейли, подумал Пейдж. Но насколько это связано?)

“У вас был шанс”, - сказал доктор Фелл. “Отлично”.

- Да, сэр, у меня был шанс, - согласился Эллиот, осторожно положив покрытый веснушками кулак на стол и навалившись на него всем телом. - И я намерен извлечь из этого пользу, если смогу. Это возможность. Ты все это знаешь. - Он выдохнул. - Но ты же знаешь, с какими трудностями я столкнусь. Люди в округе закрываются плотнее, чем окна. Ты пытаешься заглянуть внутрь, но они не пускают тебя внутрь. Они выпьют по бокалу пива и поболтают, как обычно, но… они замолкают, как только вы заговариваете об этом. С теми, кого мы будем называть джентри, со всей округи, - в его тоне сквозило легкое презрение к этому слову, - было еще труднее, даже до того, как случилось это.

- Вы имеете в виду другое дело? - спросил доктор Фелл, приоткрыв один глаз.

- По поводу другого дела. Единственная, кто оказал нам помощь, - это мисс Дэйн, Мэдлин Дэйн. Вот это, - заявил “инспектор Р. Эллиот” с подчеркнутой осторожностью, - настоящая женщина. С ней приятно разговаривать. Не одна из твоих закоренелых любовниц, которые пускают дым тебе в глаза и звонят своим адвокатам, как только ты присылаешь открытку. Нет. Настоящая женщина; напоминает мне девушку, которую я знал дома.”

Доктор Фелл открыл оба глаза, в то время как инспектор Эллиот (если можно так выразиться) заерзал под своими веснушками от таких слов. Но Брайан Пейдж понял и одобрил это. Он даже ощутил приступ бессмысленной ревности.

- Однако, - продолжил инспектор, - вам, вероятно, захочется узнать о Фарнли Клоуз. Я взял показания у всех, кто был там

прошлой ночью, за исключением слуг. Краткое заявление. Мне пришлось собрать кое-что из них. Мистер Берроуз остался на закрытии прошлой ночью, чтобы быть готовым к нашему сегодняшнему приему.. Но истец, этот мистер Патрик Гор, и его адвокат (по фамилии Уэлкин) оба вернулись в Мейдстон." Он оглянулся на Пейджа. - Как я понимаю, сэр, произошел небольшой скандал - или, скажем так, отношения стали довольно напряженными после того, как был украден этот сканер?

Пейдж признал это с некоторой горячностью.

"Особенно после того, как был украден тонометр", - ответил он. "Самым странным во всем этом было то, что всем, кроме Молли Фарнли, казалось более важным, что улики были украдены, чем то, что Фарнли был убит - если он был убит".

В глазах доктора Фелла промелькнул интерес. - Кстати, какова была общая позиция в вопросе о соотношении самоубийства и убийства?

- Очень осторожный. Полное отсутствие реакции, что удивительно. Единственной, кто определенно сказал, что его убили (фактически, кричал об этом), была Молли - я имею в виду леди Фарнли. В противном случае посыпались обвинения в нечестности, о которых, я надеюсь, сегодня не вспомнят. Я рад сообщить, что не помню и половины из этого. Полагаю, это было вполне естественно. До этого мы все так напряженно и неестественно старались вести себя как можно лучше, что реакция была слишком бурной. Даже адвокаты, оказывается, тоже люди. Мюррей попытался взять инициативу в свои руки, но был сбит с толку. Наш местный сержант полиции был ненамного лучше."

- Я пытаюсь, - сказал доктор Фелл, скорчив от напряжения отвратительную гримасу, - прояснить ситуацию. Вы говорите, инспектор, у вас нет особых сомнений в том, что это убийство?

Эллиот был тверд.

- Нет, сэр, у меня их нет. На горле было три глубоких пореза, и пока я не смог найти никакого оружия ни в бассейне, ни где-либо под рукой. Имейте в виду, - осторожно сказал он, - у меня не было медицинского заключения. Я не говорю, что это невозможно, чтобы человек нанес себе три таких ранения. Но отсутствие оружия, похоже, решает все.

Какое-то время они прислушивались к дождю и неуверенному хриплому дыханию доктора Фелла.

“Вы же не думаете, - предположил доктор, - что я только… харрурмф выдвинул это в качестве предположения: вы не думаете, что он мог покончить с собой и в конвульсиях отбросить оружие подальше от себя, чтобы вы его не нашли? Я думаю, такое случалось и раньше.

- Это вполне возможно. Но он не мог выбросить его за пределы сада, и, если он где-то там, сержант Бертон найдет его. - На суровом лице Эллиота появилось любопытное выражение. - Послушайте, сэр, вы думаете, это самоубийство?

- Нет, нет, нет, - серьезно сказал доктор Фелл, как будто это его шокировало. - Но, даже полагая, что это убийство, я все равно хочу знать, в чем наша проблема.

“Наша проблема в том, кто убил сэра Джона Фарнли”.

“Вполне. Вы все еще не понимаете, в какие двойные коридоры ада это нас заводит. Я обеспокоен этим делом, потому что были нарушены все правила. Все правила были нарушены, потому что жертвой был выбран не тот человек. Если бы только Мюррей был убит! (Я говорю чисто академически, вы понимаете) Черт возьми, Мюррей должен был быть убит! В любом хорошо продуманном сюжете он был бы убит. Его присутствие взывает к этому. Вот человек, обладающий доказательствами, которые с самого начала решат жизненно важную проблему: вот человек, который, вероятно, сможет разгадать загадку личностей даже без этих доказательств: что ж, он - верный кандидат на смертельный удар. Тем не менее, он остается нетронутым, и проблема установления личностей становится еще более необъяснимой из-за смерти одного из заявителей. Вы это понимаете?”

“Я согласен”, - мрачно сказал инспектор Эллиот.

“Давайте немного проясним ситуацию”, - настаивал доктор Фелл. - Не является ли все это, например, ошибкой со стороны убийцы? Сэр Джон Фарнли (назовем его настоящее имя) вовсе не собирался становиться жертвой? Убийца убил его по ошибке, приняв за кого-то другого?

- Это кажется сомнительным, - сказал Эллиот и посмотрел на Пейджа.

- Это невозможно, - сказал Пейдж. - Я тоже думал об этом. Что ж, повторяю: это невозможно. Освещение было слишком ярким..Фарнли ни на кого не был похож, и одет он был не так, как все. Даже издалека его ни за что не спутаешь с человеком, который перерезал себе горло, не говоря уже о том, чтобы увидеть его вблизи. Это был тот странный водянистый свет, при котором детали размыты, но все очертания отчетливы".

- Значит, Фарнли был намеченной жертвой, - сказал доктор Фелл, прочищая горло с протяжным рокочущим звуком. - Очень хорошо. Какие еще возможные наросты или словоблудие мы можем убрать? Например, возможно ли, что это убийство никак не связано с борьбой за титул и поместья? Неужели какой-то человек, которого не затронули эти дебаты, человек, которому было все равно, Джон Фарнли он или Патрик Гор, выбрал именно этот момент, чтобы проскользнуть сквозь экран и убить его по каким-то внешним мотивам, о которых мы не знаем? Это возможно. Это возможно, если власти проявят сдержанность. Но я, например, не собираюсь беспокоиться по этому поводу. Эти вещи взаимосвязаны, они зависят друг от друга. Как вы заметили, отпечатки пальцев были украдены в то же время, когда был убит Фарнли.

- Очень хорошо. Фарнли был преднамеренно убит, и убит по какой-то причине, связанной с вопросом о законном наследнике поместий. Но мы все еще не решили, в чем заключается наша основная проблема. Проблема по-прежнему двоякая, если не сказать двуликая. Если убитый был самозванцем, он мог быть убит по любой из двух или трех причин. Вы можете себе это представить, но, если убитый был настоящим наследником, его могли убить по любой из двух или трех совершенно разных причин. Вы также можете себе это представить. У них разные стороны, разные взгляды, разные мотивы. Следовательно, кто из этих двоих самозванец? Мы должны это выяснить, прежде чем получим хотя бы отдаленное представление о том, в каком направлении нам следует искать. Хммм.

Лицо инспектора Эллиота окаменело.

`Вы хотите сказать, что ключ к разгадке - этот мистер Мюррей?"

"Да, это так. Я имею в виду моего старого, загадочного знакомого Кеннета Мюррея".

"Вы думаете, он знает, кто есть кто?"

“Я в этом не сомневаюсь”, - проворчал доктор Фелл.

- Я тоже, - сухо ответил инспектор. - Давайте посмотрим. Он достал свой блокнот и открыл его. ” - “Кажется, все пришли к единому мнению - удивительно, как много людей пришли к единому мнению, - что мистер Мюррей остался один в кабинете примерно в двадцать минут десятого. Верно, мистер Пейдж?”

“Верно”.

“Убийство (назовем его так) было совершено примерно в половине десятого. Два человека назвали точное время: Мюррей и адвокат Гарольд Уэлкин. Сейчас десять минут, возможно, не такой уж большой срок. Но сравнение отпечатков пальцев, хотя с этим нужно быть осторожным, - это не та работа, которую Мюррей давал вам понять всю ночь напролет. Вы же не можете сказать мне, что у него не было какой-то идеи, как вы думаете, он “не тот”, сэр?

- Нет, - сказал доктор Фелл, хмуро глядя в кружку с элем. - Я думаю, он пытается провести сенсационное расследование. И буквально через минуту я расскажу вам, что, по моему мнению, представляет собой это дело. Вы говорите, что получили от каждого из них заявление о том, что каждый из них делал в течение этих десяти минут?”

“Всего несколько реплик от каждого”, - внезапно разозлился Эллиот.- “Без комментариев”. Они спросили, какие комментарии они могут сделать. Что ж, я хочу спросить еще раз и прокомментировать тоже. Странная публика, если хотите знать мое мнение. Я знаю, что все это звучит довольно

коротко в полицейском отчете, потому что вам приходится соединять маленькие кусочки фактов, не разделяя их ничем, и быть благодарным за то, что вы делаете. Но среди них есть и черное убийство, и настоящий ад, и вот что они говорят. Послушайте.

Он открыл свой блокнот.

“Заявление леди Фарнли: Когда мы вышли из библиотеки, я была расстроена, поэтому поднялась к себе в спальню. У нас с мужем смежные спальни на втором этаже нового крыла, над столовой. Я вымыла лицо и руки. Я велела горничной приготовить другое платье, потому что чувствовала себя грязной. Я легла на кровать. Лампа у кровати давала очень слабый свет. Окна моей комнаты,

выходившие на балкон с видом на сад, были открыты. Я услышала звуки, похожие на драку, шарканье и что-то вроде крика, а затем всплеск. Я выбежала на балкон и увидела своего мужа. Мне показалось, что он лежал в бассейне и дрался. Тогда он был один. Я отчетливо это видела. Я сбежала вниз по главной лестнице и бросилась к нему. Я не видел и не слышал в саду ничего подозрительного.

“Далее у нас есть:

“Заявление Кеннета Мюррея: Я оставался в библиотеке между девятью двадцатью и девятью тридцатью. Никто не входил в комнату, и я никого больше не видел. Я стоял спиной к окну. Я услышал звуки (описанные аналогичным образом). Я не думал, что произошло что-то серьезное, пока не услышал, как кто-то бежит по лестнице в холле. Я услышала, как леди Фарнли кричит дворецкому, что она боится, как бы с сэром Джоном что-нибудь не случилось. Я посмотрела на часы: было только половина десятого. Я присоединился к леди Фарнли в холле, и мы вышли в сад, где нашли мужчину с перерезанным горлом. На данный момент у меня нет комментариев по поводу отпечатков пальцев или моих сравнений с ними.

“Прекрасно и полезно, не правда ли? Тогда у нас есть

“Заявление Патрика Гора, истца: “Я бродил. Сначала я вышел на лужайку перед домом, покурил. Затем я обошел вокруг южной стороны дома и оказался в этом саду. Я так и сделал; не услышал никаких звуков, кроме всплеска, да и тот я расслышал очень слабо. Мне кажется, я услышал это, когда только что обогнул дом. Я не подумал, что что-то не так. Когда я вышел в сад, то услышал громкие голоса. Мне не нужна была компания, поэтому я пошел по боковой дорожке вдоль высокой тисовой изгороди, окаймлявшей сад. И тут я услышал, о чем они говорили. Я прислушался. Я не пошел в бассейн, пока все они, за исключением мужчины по имени Пейдж, не вернулись в дом.

“Наконец, мы подошли к

“Заявление Гарольда Уэлкина: Я остался в столовой и не выходил оттуда ни на минуту. Я съел пять маленьких бутербродов и выпил стакан портвейна. Я согласен, что в столовой есть стеклянные двери, выходящие в сад, и что одна из этих дверей находится недалеко от бассейна, по прямой линии. Но в столовой горел яркий свет, и я ничего не мог разглядеть в саду из-за

контрастного освещения

- Свидетель погиб на месте происшествия. Изгородь на первом этаже всего по пояс: не более чем в двадцати футах от того места, где, должно быть, стоял Фарнли, - сказал Эллиот, постукивая по блокноту двумя пальцами. “Но он глух и слеп в своем контрастном освещении”, - заключает он:

“В девять тридцать одну, судя по напольным часам в столовой, я услышал какие-то звуки, напоминающие потасовку, и прерывистый крик. За этим последовала серия громких всплесков. Я также услышал какой-то шорох в живой изгороди или кустарнике, и мне показалось, что я увидел, как кто-то смотрит на меня через одну из стеклянных панелей двери, ту, что была ближе всего к земле. Я боялся, что могли произойти какие-то события, которые меня не касались. Я сел и стал ждать, пока не вошел мистер Берроуз и не сказал мне, что мошенник сэр Джон Фарнли покончил с собой. Все это время я ничего не делал, только съел еще один сэндвич.”

Доктор Фелл, пыхтя, принял более вертикальное положение, потянулся за кружкой эля и сделал большой глоток. За стеклами его очков постоянно светилось возбуждение, что-то вроде изумленного удовольствия. “О, Бахус!” - сказал он глухим голосом. - Показания под присягой, да? Это ваше взвешенное мнение? В заявлении нашего мистера Уэлкина есть что-то такое, от чего у меня мурашки бегут по коже. Хм, ха, остановитесь немного. Ну и ну! Ну и ну! Не слышал ли я где-нибудь это название раньше? Я уверен в этом, потому что оно так и напрашивается на неудачную игру слов, и поэтому оно застряло бы в моем “Что такое разум?”, “Неважно”, “Что такое материя?” Я - Неважно. Прошу прощения, я опять отвлекся. У вас есть что-нибудь еще?”

“Ну, здесь были еще двое гостей, мистер Пейдж и мистер Берроуз. Вы слышали заявление мистера Пейджа и уловили суть заявления мистера Берроуза”.

“Неважно. Прочтите это еще раз, хорошо?”

Инспектор Эллиот нахмурился.

“Заявление Натаниэля Берроуза: я мог бы что-нибудь съесть, но Уэлкин был в столовой, и я не счел нужным разговаривать с ним в это время. Я прошел в гостиную в другой части дома и стал

ждать. Тогда я подумал, что мое место рядом с сэром Джоном Фарнли, который вышел в южный сад. Я взял со стола в холле электрический фонарик. Я сделал это, потому что у меня плохое зрение - когда я начал открывать дверь в сад, я увидел сэра Джона. Он стоял на краю огорода. Мне показалось, что он что-то делает или немного двигается. От двери до ближайшего края бассейна около тридцати пяти футов. Я услышал возню, звуки, а затем всплеск и журчание воды. Я спустился туда и нашел его. Я не могу поклясться, был ли кто-нибудь рядом с ним. не могу дать точного описания движений, которые он совершал. Ощущение было такое, как будто что-то схватило его за ноги.

“И вот мы здесь, сэр. Вы замечаете некоторые вещи. Кроме мистера Берроуза, никто на самом деле не видел жертву до того, как на нее напали и она упала или была сброшена в бассейн. Леди Фарнли не видела его, пока он не оказался в бассейне; мистер Гор, мистер Мюррей, мистер Уэлкин и мистер Пейдж не видели его до тех пор, пока он не оказался в бассейне, - по крайней мере, так они говорят. Есть и другие вещи, - продолжал он, - на которые вы, наверное, обратили внимание?

“А?” - неопределенно произнес доктор Фелл.

“Я спросил, что вы думаете об этом”. - “Что ж, я скажу вам, о чем я подумал. `Сад - это чудесная вещь, ей-богу”, - сказал доктор Фелл. Но как насчет продолжения? Как я понимаю, после убийства из библиотеки украли томограф, когда Мюррей вышел посмотреть, в чем дело. Вы получили показания от различных лиц о том, что они делали в то время или кто мог украсть это?”

“Я так и сделал”, - сказал Эллиот. “Но я не буду вам это зачитывать, сэр. И почему? Потому что это один сплошной пробел. Проанализированный и сведенный к минимуму, он сводится к следующему: любой мог украсть тонометр, и в общей неразберихе никто бы не заметил, кто это сделал.”

“О, Господи!” - простонал доктор Фелл после паузы. “Наконец-то мы это поняли”. “Что именно?

“То, чего я так долго боялся, - это почти чисто психологическая загадка. В разных историях, в разных временах и даже в разных вариантах развития событий нет расхождений. Нет никаких несоответствий, которые можно было бы объяснить, за исключением вопиющего психологического несоответствия, заключающегося в том, почему не тот человек должен был быть

так тщательно убит. Прежде всего, почти полное отсутствие материальных улик: ни запонок, ни окурков сигарет, ни корешков театральных билетов, ни ручек, ни чернил, ни бумаги. До тех пор, пока мы не запустим свои когти во что-то более осязаемое, мы будем просто возиться с жирной свиньей под названием "человеческое поведение". Какой человек, в таком случае, с наибольшей вероятностью убил бы человека, который был убит? И почему? И какой человек психологически лучше всего вписывается в ту дьявольскую схему, которую вы нарисовали вокруг убийства Виктории Дейли?..

Эллиот начал насвистывать сквозь зубы. Он спросил: "Есть какие-нибудь идеи, сэр?"

- Дайте-ка я посмотрю, - пробормотал доктор Фелл, - усвоил ли я основные факты по делу Виктории Дейли. 35 лет, старая дева, приятная, не слишком умная, жила одна. Хм, да. Убит около 11:45 вечера 31 июля прошлого года. Верно, мой мальчик?"

"Верно".

"Фермер подняла тревогу, проезжая мимо своего коттеджа. Оттуда доносятся крики. Деревенский полицейский, проезжающий на велосипеде, следует за фермером. Оба видят, как известный в округе бродяга вылезает из окна на первом этаже. Оба преследуют его на протяжении четверти мили. Бродяга, пытающийся оторваться от погони, перелезая через ворота и пути перед товарным поездом Южной железной дороги, ликвидируется быстро, если не сказать аккуратно. Верно?"

"правильно".

"Мисс Дейли найдена в комнате на первом этаже коттеджа, в своей спальне. Задушена шнурком от ботинка. Когда на нее напали, она собиралась уходить, но еще не ложилась спать. Была одета в ночную рубашку, стеганый халат и домашние тапочки. При обыске у бродяги, по-видимому, не было обнаружено денег и ценных вещей, за исключением одного факта. При осмотре врачом тело было покрыто темным составом, похожим на сажу; такой же состав был обнаружен и под ногтями. А? Это вещество, проанализированное сотрудником Министерства внутренних дел, оказалось, состоит из сока водяного пастернака, аконита, лапчатки, паслена и сажи".

Пейдж сел, мысленно заикаясь. До последней части заявления

доктора Фелла он слышал все это уже тысячу раз.

“Вот!” запротестовал он. “Это первый раз, когда кто-либо упоминает о подобных вещах. Вы обнаружили на теле вещество, содержащее два смертельных яда?”

- Да, - сказал Эллиот с широкой и сардонической улыбкой. - Местный врач, конечно, не проводил анализы. Коронер не счел это важным и даже не упомянул об этом на дознании. Он, вероятно, подумал, что это какой-то косметический препарат, упоминать о котором было бы неделикатно. Но позже доктор тихо сказал что-то, и…

Пейдж встревожился. - Анконит и смертоносный паслен! Тем не менее, они не были проглочены, не так ли? Они бы не убили ее, если бы только прикоснулись к ней снаружи, не так ли?”

“О, нет. Тем не менее, это довольно очевидный случай. Вы так не думаете, сэр?”

“К сожалению, ясный случай”, - признал доктор Фелл.

Сквозь шум дождя Пейдж услышал стук во входную дверь коттеджа.` Пытаясь вспомнить что-нибудь ускользающее, он прошел по короткому коридору и открыл дверь. Это был сержант Бертон из местной полиции, одетый в прорезиненный капюшон и куртку, под которой он прятал что-то, завернутое в газету. Его слова вернули мысли Пейджа от Виктории Дейли к более насущной проблеме Фарнли.

- Могу я видеть инспектора Эллиота и доктора Фелла, сэр? - Спросил Бертон. - У меня есть оружие, это точно. И…

Он кивнул головой. За грязным палисадником, покрытым лужами от дождя, у ворот стояла знакомая машина. Это был древний “Моррис”, а за занавесками, казалось, сидели двое. Инспектор Эллиот торопливо подошел к двери.

- Вы сказали?..

- У меня есть оружие, из которого был убит сэр Джон, инспектор. И еще кое-что. Сержант Бертон снова кивнул в сторону машины. - Это мисс Мэдлин Дейн и старый мистер Ноулз, которые работают на Закрытии. Раньше он работал на лучшего друга отца мисс Дэйн. Когда он не знал, что делать, он пошел к мисс Дэйн и… она направила его ко мне. Он хочет вам кое-что сказать, что,

возможно, прояснит все дело".

Глава 8

ОНИ положили газетный сверток на письменный стол Пейджа и развернули его, чтобы показать оружие. Это был перочинный нож; мальчишеский перочинный нож старомодной конструкции; а в данных обстоятельствах - тяжелый и грозный на вид перочинный нож.

В дополнение к основному лезвию, которое теперь было открыто, в его деревянной ручке находились два лезвия поменьше, штопор и приспособление, которое, как предполагалось, когда-то использовалось для удаления камней из-под лошадиных копыт. Пейдж вспомнила те времена, когда обладание таким прекрасным ножом было гордым признаком почти мужественности: когда ты был искателем приключений, почти краснокожим индейцем. Это был старый нож. На основном лезвии, длиной более четырех дюймов, были две глубокие треугольные зазубрины, а сталь местами была изрезана, но оно не заржавело и оставалось острым, как бритва. Теперь в нем не было и намека на игру в индейцев. От острия до рукояти тяжелое лезвие было покрыто пятнами крови, которые недавно засохли.

При взгляде на него всех охватило чувство неловкости. Инспектор Эллиот выпрямился.

- Где вы это нашли?

- Застрял в глубине одной из этих низких изгородей, примерно, - сказал сержант Бертон, прикрыв один глаз, чтобы прикинуть, - примерно в десяти футах от пруда с лилиями.

- В каком направлении от пруда?

- Налево, стоя спиной к дому.К высокой изгороди, которая является южной границей. Немного ближе к дому, чем пруд с лилиями. Видите ли, сэр, - осторожно объяснил сержант, - мне просто повезло, что я нашел его. Мы могли бы искать его целый месяц и так и не найти. Но, возможно, и не нашли бы, если бы не разнесли всю живую изгородь в клочья. Этот тис такой густой, как грех. Это все из-за дождя. Я провел рукой по верхушке живой изгороди; ничего особенного, как вы понимаете, я просто хотел знать, где искать. Живая изгородь была мокрой, и на моей руке осталось немного красно-коричневого цвета. Это было то место, где на плоской верхушке изгороди осталось немного крови, когда

она прошла сквозь нее. Вы даже не могли разглядеть порез на верхушке, где она прошла. Я ее выкопал. Как видите, живая изгородь защищала от дождя.”

“Вы думаете, кто-то протолкнул его прямо через изгородь?”

Сержант Бертон задумался.

“Да, это могло быть так. Я думаю. Она торчала там прямо, острием вниз. Или еще - это хороший тяжелый нож, сэр. Лезвие такое же тяжелое, как и рукоятка. Если бы кто-нибудь отбросил ее в сторону или подбросил в воздух, она упала бы вниз лезвием вперед и прошла бы насквозь именно так.”

На лице сержанта Бартона появилось определенное выражение, которое никто из присутствующих не смог истолковать. Доктор Фелл, погруженный в какие-то неясные размышления, вскинул голову. Большая нижняя губа доктора Фелла протестующе выпятилась.

- Хм, - сказал он. - Вы имеете в виду, “Выбросил ее” после самоубийства?

Выражение лица Бертона слегка изменилось, но он ничего не сказал.

- Это тот нож, который нам нужен, совершенно верно, - признал инспектор Эллиот. - Мне не понравился неровный вид двух из трех ран на теле этого парня. Они больше походили на царапины. Но взгляните сюда! посмотрите на зазубрины на этом лезвии. Они подойдут, или я голландец. Что вы скажете?”

“О мисс Дэйн и старом мистере Ноулзе, сэр?”

“Да, спросите их, не согласятся ли они войти. Отличная работа, сержант, чертовски хорошая работа. Вы могли бы пойти и узнать, нет ли у доктора каких-нибудь новостей для меня”.

Доктор Фелл и инспектор начали спорить, когда Пейдж взял в коридоре зонтик и вышел, чтобы привести Мэдлин.

Ни дождь, ни грязь не могли повлиять на подтянутость Мэдлин или испортить ее спокойный нрав. На ней была непромокаемая куртка из прозрачной клеенки с капюшоном, в которой она выглядела так, словно ее завернули в целлофан. Ее светлые волосы были уложены в нечто вроде локонов над ушами; у нее

было бледное, здоровое лицо, нос и рот немного широковаты, глаза немного длинноваты; и все же в целом она была прекрасна, и чем больше вы ее замечали, тем больше она вам нравилась. Потому что она никогда не производила впечатления человека, желающего привлечь к себе внимание; она была из тех людей, которые, кажется, созданы для того, чтобы быть хорошими слушателями. У нее были темно-синие глаза, в которых светилась глубокая искренность. Хотя у нее была хорошая фигура - Пейдж всегда проклинал себя за то, что обратил внимание на ее фигуру, - она производила впечатление хрупкой. Она положила руку ему на плечо и неуверенно улыбнулась, когда он помогал ей выйти из машины под зонтом.

“Я ужасно рада, что это у тебя дома”, - сказала она своим мягким голосом. “Это как-то облегчает жизнь. Но я действительно не знала, что делать, и это казалось лучшим выходом”.

Она оглянулась на толстяка Ноулза, который выходил из машины. Ноулз не снимал шляпы-котелка даже под дождем и ковылял по грязи, переваливаясь с ноги на ногу.

Пейдж провел Мэдлин в кабинет и с гордостью представил ее. Он хотел показать ее доктору Феллу. Конечно, реакция доктора была такой, какой только можно было пожелать. Он посмотрел на нее сверху вниз с такой улыбкой, что у него чуть не оторвались несколько пуговиц на жилете, и, казалось, за стеклами его очков зажегся свет; он приподнялся, посмеиваясь, и, когда она села, доктор сам снял с нее непромокаемую куртку.

Инспектор Эллиот был настроен очень оживленно и официально. Он говорил как продавец за прилавком.

- Да, мисс Дэйн? И что я могу для вас сделать?

Мэдлин посмотрела на свои сцепленные руки и, мило нахмурившись, огляделась вокруг, прежде чем ее искренний взгляд встретился с инспектором.

- Видите ли, это очень трудно объяснить, - сказала она. - Я знаю, что должна это сделать. Кто-то должен это сделать после того ужасного происшествия прошлой ночью. И все же я не хочу, чтобы у Ноулза были неприятности. Он не должен, мистер Эллиот!

- Если вас что-то беспокоит, мисс Дэйн, просто скажите мне, - оживленно произнес Эллиот, - и ни у кого не будет неприятностей. Она бросила на него благодарный взгляд.

- Тогда, возможно, вам лучше рассказать им, Ноулз. То, что вы рассказали мне.

- Хе-хе-хе, - сказал доктор Фелл. - Садитесь, приятель! - Нет, сэр, спасибо”

- Садитесь! - прогремел доктор Фелл.

В качестве альтернативы тому, чтобы не быть сбитым с ног, что, судя по жесту доктора, казалось неизбежным, Ноулз подчинился. Ноулз был честным человеком, иногда опасно честным. У него было одно из тех лиц, которые в минуты умственного напряжения становятся прозрачно-розовыми, как будто вы можете видеть сквозь них, как сквозь раковину. Он сидел на краешке стула, вертя в руках свой котелок. Доктор Фелл попытался угостить его сигарой, но он отказался.

- Позвольте спросить, сэр, могу ли я говорить откровенно?

- Я бы посоветовал это сделать, - сухо сказал Эллиот. - Ну что?

- Конечно, сэр, я знаю, что мне следовало сразу же пойти к леди Фарнли. Но я не мог ей сказать. Я совершенно искренне хочу сказать, что не смог заставить себя сделать это. Видите ли, именно благодаря леди Фарнли я подошел к концу, когда. Полковник Мардейл умер. Думаю, я могу честно сказать, что я думаю о ней больше, чем о ком-либо другом, кого я знаю. Клянусь Богом, - добавил Ноулз, внезапно и неожиданно превратившись в человека и слегка вскочив со стула. Затем он снова сорвался. - Это была мисс Молли, дочь доктора из Саттон-Чарта. Я знал…

Эллиот был терпелив.

“Да, мы ценим это. Но эту информацию вы собирались нам предоставить?”

“Речь идет о покойном сэре Джоне Фарнли, сэр”, - сказал Ноулз. “Он покончил с собой. Я видел, как он это сделал”.

Долгое молчание нарушал только затихающий шум дождя. Пейдж услышал, как зашуршал его собственный рукав, когда он оглянулся, чтобы посмотреть, не спрятали ли они испачканный складной нож; он не хотел, чтобы Мэдлин его увидела. Теперь он был спрятан под газетами на столе.

Инспектор Эллиот, казавшийся еще более суровым, пристально смотрел на дворецкого со стороны доктора Фелла, и со стороны доктора Фелла послышался слабый звук, похожий то ли на жужжание, то ли на свист сквозь сжатые зубы, у него есть привычка иногда так насвистывать на мотив “Aupres de ma”. Блондин”, - хотя выглядел он полусонным.

“Вы видели, как он это сделал?”

“Да, сэр. Я мог бы сказать вам об этом сегодня утром, но вы не спросили меня; и, честно говоря, я не уверен, что мне следовало говорить вам даже тогда. Дело вот в чем. Прошлой ночью я стояла у окна Зеленой комнаты, комнаты прямо над библиотекой, и смотрела в сад, когда все это произошло. Я все видела”.

(Пейдж вспомнила, что это было правдой. Когда он пошел с Берроузом первым осмотреть тело, он увидел Ноулза, стоящего у окна комнаты над библиотекой.)

“Любой скажет вам, что у меня отличное зрение”, - тепло сказал Ноулз. Даже его ботинки скрипели от напряжения. - Мне семьдесят четыре года, и я могу прочитать автомобильный номерной знак с расстояния в шестьдесят ярдов. Вы просто выходите вон в тот сад и берете коробку, или табличку, или что-нибудь еще с маленькими буквами, - поправился он и откинулся на спинку стула.

- Вы видели, как сэр Джон Фарнли перерезал себе горло?

- Да, сэр. Ничуть не хуже.”

- Не хуже? - Что ты хочешь этим сказать?

- Я имею в виду вот что, сэр. На самом деле я не видел, как он рисовал, потому что он стоял спиной ко мне. Но я видел, как он поднял руки. И рядом с ним не было ни души. Помните, я смотрел прямо на него и на сад. Я мог видеть все это круглое открытое пространство вокруг бассейна, а между бассейном и ближайшей изгородью - песчаная полоса шириной добрых пять футов. Никто не смог бы подойти к нему незамеченным. И он был совсем один на этом открытом пространстве, я буду рассказывать вам до конца своих дней”.

Все еще слышался сонный и немелодичный свист. со стороны доктора Фелла.

- “Вы - обитатели мира сего”, - пробормотал “доктор”, - “Вы - справедливые люди”, - затем он заговорил.

“Зачем сэру Джону Фарнли убивать себя?” Ноулз собрался с духом.

“Потому что он не был сэром Джоном Фарнли, сэр. Это другой джентльмен. Я понял это, как только увидел его вчера вечером”.

Инспектор Эллиот оставался невозмутимым.

“На каком основании вы так говорите?”

“Трудно сказать вам это так, чтобы вы поняли, сэр”, - пожаловался Ноулз. (Впервые в своей жизни он проявил недостаток такта.) “Сейчас мне семьдесят четыре. Я не был трусом, если позволите мне так выразиться, когда молодой мистер Джонни ушел из дома в тысяча девятьсот двенадцатом году. Понимаете, для таких стариков, как я, молодые люди никогда не меняются. Они всегда кажутся одинаковыми, неважно, пятнадцать им, тридцать или сорок пять. Да благословит вас Господь, неужели вы думаете, что я не узнал бы настоящего мистера Джонни, когда бы ни встретил его? Внимание! - сказал Ноулз, снова забывшись и подняв палец. - Я не говорю, что когда покойный джентльмен пришел сюда и притворился новым сэром Джоном, я не говорю, что понял это. Нет. Вовсе нет. Я подумала, что ж, он другой; он побывал в Америке, и после этого их никогда не узнаешь; это вполне естественно, а я старею. Так что я никогда по-настоящему не подозревал, что он не тот хозяин, хотя должен признать, что время от времени он говорил вещи, которые…

Но…

“Теперь вы скажете, - продолжал Ноулз с неподдельной и ослепительной серьезностью, - что в прежние времена я не был близок к завершению. Это правда. Я здесь всего десять лет, с тех пор как мисс Молли попросила покойного сэра Дадли оказать мне эту честь. Но когда я служил у полковника Мардейла, молодой мистер Джонни проводил много времени в большом фруктовом саду между домом полковника и майора…

- Майора?

- Майор Дэйн, сэр, отец мисс Мэдлин, он был большим другом полковника. Так вот, молодому мистеру Джонни нравился этот фруктовый сад, а за ним лес. Этот сад находится недалеко от

Висячего пения, вы знаете, он ведет к нему. Он притворялся волшебником, средневековым рыцарем и уж не знаю кем еще, но кое-что мне совсем не нравилось. В любом случае, вчера вечером, еще до того, как он начал расспрашивать меня о кроликах и тому подобном, я понял, что этот новый джентльмен и есть настоящий мистер Джонни. Он знал, что я это знаю. Вот почему он вызвал меня. Но что я мог сказать?"

Пейдж слишком хорошо помнил тот разговор. Но он помнил и другие вещи и задавался вопросом, узнал ли о них Эллиот. Он взглянул на Мэдлин.

Инспектор Эллиот открыл свой блокнот.

"Значит, он покончил с собой. А?"

"Да, сэр".

"Вы видели оружие, которое он использовал?"

"Нет, боюсь, что не совсем правильно".

"Я хочу, чтобы вы рассказали мне, что именно вы видели. Например, вы говорите, что были в "Зеленой комнате", когда это произошло. Когда и зачем вы туда поехали?"

Ноулз собрался с мыслями.

"Ну, сэр, это могло произойти за две-три минуты до того, как это произошло"

"Двадцать семь или двадцать восемь минут десятого. Который? - спросил инспектор Эллиот, страстно желая быть точным.

- Не могу сказать, сэр. Я не обращал внимания на время. Один из них. Я был в холле возле столовой, на случай, если я должен быть желанным, хотя никого не было в столовой, за исключением г-Welkyn. Затем Мистер Натаниэль Барроуз вышел из гостиной, и спросил меня, где

он мог найти электрический фонарик. Я сказал, что, по-моему, есть еще один в Зеленой комнате наверху, которую покойный джентльмен использовал как своего рода кабинет, и я сказал, что схожу и принесу его для него. Позже я узнал, - теперь Ноулз давал показания, судя по его дикции, - что мистер Берроуз нашел его в ящике стола в холле, но я не знал, что он там был.

- Продолжайте.

“Я поднялся наверх и зашел в Зеленую комнату”

“Вы включили свет?”

“Не тогда”, - сказал Ноулз, немного взволнованный. - “Не в тот момент. В комнате нет выключателя на стене. Вы должны включить свет от потолочного светильника. Стол, на котором, как мне показалось, я видел электрический фонарик, находится между окнами. Я направился к этому столу и, проходя мимо, выглянул в окно.

“В какое окно?”

“Та, что справа, выходит в сад”. “Окно было открыто?”

“Да, сэр. Итак, вот как все было. Вы, должно быть, заметили. Вдоль всей задней стены библиотеки растут деревья, но их подстригли, чтобы они не закрывали вид из окон этажом выше. Потолки в “Клоуз” в большинстве из них достигают восемнадцати футов в высоту - за исключением нового крыла, которое представляет собой маленький низкий кукольный домик, - и это дает вам хорошую высоту деревьев, не доставая при этом до окон Зеленой комнаты. Вот почему она называется Зеленой комнатой, потому что из нее видны верхушки деревьев. Итак, вы видите, что я был высоко над садом и смотрел на него сверху вниз.

Тут Ноулз встал со стула и наклонился вперед. Он редко проделывал это движение раньше, и оно, очевидно, причиняло ему боль, но его мрачность была такова, что он продолжал стоять в этой позе, пока говорил.

“Вот, видите, я был здесь. Затем были зеленые листья, освещенные снизу окнами библиотеки”. Он повел рукой. - Потом был сад, где каждая изгородь и дорожка были отчетливо видны, а в центре - бассейн. Освещение было неплохим, сэр. Я видел, как они играли в теннис и в худшие времена. Затем появился сэр Джон - или джентльмен, который так себя называл, - стоявший рядом с ним, засунув руки в карманы.

В этот момент Ноулзу пришлось прекратить разыгрывать сцену и сесть.

“Вот и все”, - сказал он, слегка учащая дыхание. “И это все?” - повторил инспектор Эллиот. ”Да, сэр”.

Эллиот остановился, услышав это неожиданное заключение, и уставился на него.

“Но что произошло, приятель? Именно это я и пытаюсь от вас услышать!

- Только это. Мне показалось, что я услышал какое-то движение среди деревьев подо мной, и я посмотрел вниз, а когда снова поднял глаза…

- Ты собираешься сказать мне, - очень спокойно и осторожно произнес Эллиот, - что ты тоже не видел, что произошло? “Нет, сэр. Я видел, как он упал лицом в бассейн”. “Да, но что еще?” - “Ну, сэр, у кого–то определенно не было времени - вы понимаете, что я имею в виду, сэр, - трижды перерезать себе горло и затем убежать. Этого не могло быть. Он был один все это время, до и после, так что, должно быть, он покончил с собой”.

“Что он использовал, чтобы покончить с собой?” “Что-то вроде ножа, я думаю”. -

“Вы думаете. Вы видели нож?” “Не совсем правильно, нет. “Вы видели его у него в руке?”

“Не совсем правильно. Было слишком далеко, чтобы разглядеть это отчетливо. Сэр, - ответил Ноулз, вспомнив, что у него есть положение в обществе, и с достоинством выпрямившись, - я пытаюсь рассказать вам правдивую, да поможет мне Бог, историю о том, что я видел…

- Хорошо, а что он сделал с ножом потом? Он его уронил? Что с ним случилось?

“Я не заметил, сэр”. Честное слово, не заметил. Я обратил на него внимание, и мне показалось, что с ним что-то происходит”.

“Мог ли он отбросить нож от себя?” - “Он мог. Я не знаю.”

“Вы бы увидели, если бы он его бросил?”

Ноулз долго размышлял. “Это зависит от размера ножа. И в том саду водятся летучие мыши. А иногда, сэр, вы не можете разглядеть теннисный мяч, пока он… - Он был очень старым человеком. Его лицо омрачилось, и на мгновение они испугались, что он вот-вот заплачет. Но он снова заговорил с достоинством: ”Извините, если вы мне не верите, могу я с вашего разрешения

уйти?”

- О, черт возьми, дело не в этом! - воскликнул Эллиот, уязвленный юношеской непосредственностью, и его уши слегка покраснели. Мэдлин Дэйн, которая за все это время не произнесла ни слова, наблюдала за ним со слабой улыбкой.

- Пока еще один вопрос, - сухо продолжил Эллиот. - Если у вас был хороший обзор всего сада, не видели ли вы кого-нибудь еще в саду во время нападения?

- В то время, когда это произошло, сэр? Нет. Однако сразу после этого я включил свет в Зеленой комнате, и к тому времени в саду уже было много людей. Но до этого, во время… простите, сэр, да, там было!” Ноулз снова поднял палец и нахмурился. “Там кто-то был, когда это случилось. Я видел его! Помните, я сказал, что услышал шум среди деревьев за окнами библиотеки?”

“Да, и что же?”

“Я посмотрел вниз. Вот что привлекло мое внимание. Внизу стоял какой-то джентльмен и заглядывал в окна библиотеки. Я все прекрасно видел, потому что ветви деревьев, конечно, не доставали до окон, и все было освещено, как будто между деревьями и окнами была небольшая аллея. Он стоял там, заглядывая в библиотеку.

“Кто это был?”

“Новый джентльмен, сэр. Настоящий мистер Джонни, которого я когда-то знал. Тот, кто теперь называет себя мистером Патриком Гором”.

Наступила тишина.

Эллиот осторожно отложил карандаш и взглянул на доктора Фелла. Доктор не пошевелился; он мог бы показаться спящим, если бы не приоткрытый маленький глаз.

- Я достаточно ясно выразился? - Потребовал ответа Эллиот. “В то самое время, когда произошло нападение, или самоубийство, или убийство, или как бы мы это ни называли, мистер Патрик Гор стоял у вас на виду у окон библиотеки?”

“Да, сэр. Он стоял слева, лицом к югу.

Вот как я мог видеть его лицо”.

“Итак, вы можете поклясться в этом?”

“Да, сэр, конечно”, - сказал Ноулз, открывая глаза. “Это было в то время, когда раздавались различные звуки борьбы, всплеск, падение и так далее?”

“Да, сэр”.

Эллиот бесцветно кивнул и снова перелистал свой блокнот. “Я хотел бы зачитать вам часть показаний мистера Гора, относящуюся к тому же времени. Послушайте”.

- Сначала я вышел покурить на лужайку перед домом. Затем я обошел дом и вышел в сад. Я не слышал никаких звуков, кроме всплеска, да и тот был очень слабым. Мне кажется, я услышал это, когда только начал обходить дом. - Он продолжает рассказывать, что держался боковых дорожек вдоль южной границы.Итак, вы говорите нам, что, когда произошел всплеск, он стоял под вами и заглядывал в библиотеку. Его заявление противоречит этому”.

“Я ничего не могу поделать с тем, что он говорит, сэр”, - беспомощно ответил Ноулз. “Извините, но я не могу. Именно это он и делал”.

“Но что он сделал после того, как вы увидели, как сэр Джон вошел в бассейн?”

“Я не могу этого сказать. В тот момент я смотрел в сторону бассейна”.

Эллиот заколебался, бормоча что-то себе под нос, а затем взглянул на доктора Фелла. “У вас есть какие-нибудь вопросы, доктор?”

“Да”, - сказал доктор Фелл.

Он засуетился, лучезарно улыбаясь Мэдлин, которая улыбнулась в ответ. Затем он напустил на себя вызывающий вид и лучезарно улыбнулся Ноулзу.

“В связи с твоей теорией, мой мальчик, возникает несколько неприятных вопросов. Среди них, является ли Патрик Гор настоящим наследником, вопрос о том, кто украл тонометр и

почему. Но давайте сначала разберемся с этим спорным делом о самоубийстве и убийстве". Он задумался. - Сэр Джон Фарнли - я имею в виду покойника - был правшой, не так ли?

Глава 9

Так же энергично и даже неистово, как он говорил, доктор Фелл разговаривал сам с собой. Он… не ожидал ответа, да и не получил его. Некоторое время он, моргая, смотрел на книжные полки. Казалось, он проснулся, когда Ноулз испуганно кашлянул.

- Прошу прощения, сэр, это тот…? Он кивнул в сторону ножа.

"Мы так думаем. Его нашли в живой изгороди слева от бассейна. Как, по-вашему, это связано с самоубийством?" "Я не знаю, сэр".

"Вы когда-нибудь видели этот нож раньше?" - Насколько мне известно, нет, сэр.

- Или вы, мисс Дейн?

Хотя Мэдлин казалась удивленной и слегка шокированной, она спокойно покачала головой. Затем она наклонилась вперед. Пейдж снова отметила, что широта ее лица, чуть приплюснутый нос нисколько не умаляли ее красоты, а, казалось, только подчеркивали ее. Когда он видел ее, его разум всегда подыскивал сравнения или образы; и он находил в ней что-то средневековое, что-то в разрезе глаз или полноте губ, какой-то внутренний источник спокойствия, который наводил на мысль о розарии или окне башенки. Следует извинить сентиментальность этого сравнения, потому что он

чувствовал это и верил в это

- Знаете, я боюсь, - почти умоляюще произнесла Мэдлин, - что у меня вообще нет права здесь находиться и что я говорю о вещах, которые меня не касаются. И все же, полагаю, я должна это сделать. Она улыбнулась Ноулзу. - Не подождете ли вы меня в моей машине?

Ноулз поклонился и ушел - рассеянный и встревоженный; а серый дождь все лил и лил.

- Да, - сказал доктор Фелл, снова садясь и складывая руки на набалдашнике трости. "Я хотел задать вопросы именно вам, мисс Дэйн. Что вы думаете о взглядах Ноулза? Я имею в виду, о

настоящем наследнике?”

“Только то, что это гораздо сложнее, чем вы думаете”.?

“Вы верите в то, что он говорит?”

“О, он абсолютно искренен, вы должны были это видеть. Но он пожилой человек. И среди детей он всегда был наиболее фанатично предан Молли (ее отец, как вы знаете, однажды спас жизнь матери Ноулза), а затем юному Джону Фарнли. Я помню, как однажды он смастерил для Джона коническую шляпу волшебника из картона, выкрашенного в синий цвет, со звездами из серебряной бумаги и всякой всячиной. Когда возникла эта история, он просто не мог рассказать Молли, просто не мог. Поэтому он пришел ко мне. Они все приходят ко мне. И я стараюсь сделать для них все, что в моих силах.

Доктор Фелл наморщил лоб. - И все же, мне было интересно.. хмм… вы хорошо знали Джона Фарнли в прежние времена? Я так понимаю, - тут он просиял, - что между вами было что-то вроде романа между мальчиком и девочкой?

Она скорчила гримасу.

- Ты напоминаешь мне о том, что молодость прошла. Мне тридцать пять. Или около того; не проси меня быть слишком точным. Нет, между нами никогда не было романтических отношений, на самом деле. Не то чтобы я была против, но его это не интересовало. Он… он поцеловал меня раз или два, в саду и в лесу. Но он часто говорил, что во мне не хватает прежнего Адама - или я имею в виду прежнюю Еву? - во мне. Во всяком случае, от дьявола этого мало.

- Но вы так и не были женаты?

- О, это несправедливо! - воскликнула Мадлен, покраснев, а затем рассмеявшись. - Вы говорите так, словно я сижу за вязаньем в углу у камина, прикрыв глаза мутными стеклами очков

- Мисс Дэйн, - сказал доктор Фелл с громоподобной торжественностью, - я не… Я имею в виду, что я вижу, как поклонники толпами стоят у вашей двери, уходящей вдаль, как Великая Китайская стена; я вижу нубийских рабов, согнувшихся под тяжестью огромных коробок шоколада; Я могу… кхм. Давайте опустим это.”

Пейдж уже давно не видел, чтобы кто-нибудь по-настоящему краснел; в наши дни он полагал, что такие чувства иссякли вместе с додо; но, тем не менее, он был не против увидеть, как краснеет Мэдлин. Ибо то, что она сказала, было:

- Если ты думаешь, что я все эти годы питала романтическую страсть к Джону Фарнли, - боюсь, ты безнадежно ошибаешься. В ее глазах промелькнул огонек. - Я всегда немного побаивался его, и я даже не уверен, что тогда он мне нравился.

- А потом?

“да. Позже он мне понравился, но только понравился.”

- Мисс Дэйн, - сказал доктор Фелл, рыча во все свои многочисленные подбородки и с любопытством двигая головой, - какая-то внутренняя птичка, кажется, подсказывает мне, что вы пытаетесь что-то донести до меня: вы все еще не ответили на мой вопрос. Вы думаете, Фарнли был самозванцем?”

Она сделала легкий жест рукой.

“Доктор Фелл, я не пытаюсь быть загадочной. На самом деле это не так, и я думаю, что могу вам кое-что сказать. Но, прежде чем я это сделаю, не могли бы вы или кто-нибудь другой рассказать мне, что же произошло вчера вечером на закрытии? Я имею в виду, до того, как произошло последнее ужасное происшествие? Я имею в виду, что говорили и делали эти двое, пока каждый из них выдавал себя за настоящего?

- Мы могли бы с таким же успехом повторить эту историю, мистер Пейдж, - сказал Эллиот.

Пейдж рассказал ее так подробно, как только смог вспомнить. Мэдлин несколько раз кивнула головой; она часто дышала.

“Скажи мне, Брайан, что тебя больше всего поразило во всем интервью?”

“Абсолютная уверенность обоих заявителей”, - сказал Пейдж. “Фарнли запнулся раз или два, но по поводу того, что казалось несущественным; когда речь заходила о каком-либо реальном испытании, он проявлял нетерпение. Я только однажды видела, как он улыбнулся и на его лице отразилось облегчение. Это было, когда Гор обвинил его в покушении на убийство с помощью матросского молотка на борту “Титаника”.

- Пожалуйста, еще кое-что, - попросила Мэдлин, дыша еще учащеннее. “Кто-нибудь из них говорил что-нибудь о манекене?”

Последовала пауза. Доктор Фелл, инспектор Эллиот и Брайан Пейдж непонимающе посмотрели друг на друга.

“Манекен?” повторил Эллиот, прочищая горло. “Какой манекен?”

“Или “о том, как воплотить это в жизнь? Или о чем-нибудь еще - о “Книге”?” - Затем, казалось, маска опустилась на ее лицо. “мне жаль. Мне не следовало упоминать об этом, но я должен был подумать, что это будет первое, о чем следует заговорить. Пожалуйста, забудьте об этом.

На крупном лице доктора Фелла появилось выражение радости.

- Моя дорогая мисс Дэйн, - прогрохотал он, - вы требуете чуда. Вы требуете чуда большего, чем то, которое могло произойти в том саду. Подумайте, чего вы требуете. Вы упоминаете о некоем манекене, о возможности его оживления и о чем-то, что вы называете “Книгой”, и все это, по-видимому, связано с этой тайной. Вы признаете, что это первое, о чем, по вашему мнению, следовало бы рассказать. А потом вы просите нас забыть об этом. Неужели вы думаете, что обычные люди, охваченные лихорадочным любопытством, могли бы?”

Мэдлин выглядела упрямой.

- Но вам не следовало спрашивать меня об этом, - запротестовала она. - На самом деле, я ничего не знаю.- Вам следовало спросить у них.

“Книга”, - задумчиво произнес доктор Фелл. “Я полагаю, вы имеете в виду не “Красную книгу Аппина”?”

“Да, кажется, я позже слышал, что она так называется. Я где-то читал об этом. На самом деле это не книга, а рукопись, по крайней мере, так мне однажды сказал Джон”.

- Подождите немного, - вмешался Пейдж. - Мюррей задал этот вопрос, и они оба записали ответы на него. Позже Гор сказал мне, что это был простой вопрос, и не было такого понятия, как “Красная книга Аппина”. Если такое понятие существует, это делает Гора самозванцем, не так ли?”

Доктор Фелл, казалось, собирался заговорить с некоторым

волнением и горячностью, но глубоко вздохнул через нос и сдержался.

- Хотел бы я знать, - сказал Эллиот. - Я никогда не думал, что всего два человека могут вызвать столько сомнений и замешательства. Теперь вы уверены, что это один из них, и снова вы так же уверены, что это другой. И, как говорит доктор Фелл, мы не сможем продвинуться дальше, пока не установим это. Я надеюсь, мисс Дэйн, вы не пытаетесь уйти от ответа. Вы все еще не ответили: как вы думаете, покойный Фарнли был самозванцем?"

Мэдлин откинула голову на спинку стула. Это был величайший признак оживления, единственный признак судорожного движения, который Пейдж когда-либо видел у нее. Она сжала и разжала правую руку.

"Я не могу вам сказать", - беспомощно произнесла она. "Я не могу. Во всяком случае, пока не увижу Молли".

"Но какое отношение к нам имеет леди Фарнли?"

- Только то, что он рассказал мне кое-что. То, в чем он не признался даже ей. О, пожалуйста, не выглядите шокированным! (На самом деле Эллиот не был шокирован, но выглядел заинтересованным.) - Или верит многим сплетням, которые вы, возможно, слышали. Но сначала я должен рассказать Молли. Видите ли, она верила в него. Конечно, Молли было всего семь лет, когда он ушел из дома. Все, что она смутно помнит, - это мальчик, который отвез ее в цыганский лагерь, где ее научили ездить верхом на пони и бросать камни лучше любого мужчины. Кроме того, любой спор из-за имени Фарнли или поместий ее бы совершенно не обеспокоил. Доктор Бишоп не был крупным бизнесменом в стране; он умер с состоянием почти в полмиллиона, и Молли унаследовала все это по праву. Кроме того, иногда мне казалось, что ей никогда по-настоящему не нравилось быть хозяйкой в этом доме; похоже, ее не волнуют подобные обязанности. Она вышла за него замуж не из-за его положения или дохода, и ей было бы все равно - и сейчас не будет, - какая у него фамилия: Фарнли, Гор или как вам больше нравится. Так почему он должен был ей говорить?"

Эллиот выглядел несколько ошеломленным, на что у него были причины.

- Минуточку, мисс Дэйн. Что вы пытаетесь нам сказать: был он самозванцем или нет?

- Но я не знаю! Я не знаю, кем он был!

“Поразительный недостаток информации, которой нас снабжают, - печально сказал доктор Фелл, - исходит из всех источников и переполняет их. Что ж, давайте пока оставим это. Но в одном вопросе я настаиваю на удовлетворении своего любопытства. Что это за история с пустышкой?”

Мэдлин заколебалась.

“Я не знаю, сохранилась ли она у них до сих пор”, - ответила она, зачарованно глядя на витрину. - Отец Джона держал его запертым на чердаке вместе с книгами, которые ему не нравились. Как вы, наверное, знаете, Фарнли в прежние времена были неприятными людьми, и сэр Дадли всегда боялся, что Джон пошел в них. Хотя, конечно, в этой цифре не было ничего плохого или неприятного.

“Я… я видел это всего один раз. Джон украл ключ у своего отца и повел меня по всем этим лестницам, чтобы я увидел это, со свечой в темном фонаре. Он сказал, что дверь не открывали уже несколько поколений. Говорят, что когда она была новой, фигура была абсолютно реалистичной и красивой, как настоящая женщина, сидящая на чем-то вроде мягкого ящика в костюме времен реставрации. Но когда я увидела ее, она была просто старой, черной и сморщенной на вид, и это меня ужасно напугало. Полагаю, к нему не прикасались более ста лет. Но я не знаю, что за история заставила людей бояться его.”

В ее тоне было что-то такое, от чего Пейджу стало не по себе, потому что он не мог определить интонацию: он никогда раньше не слышал, чтобы Мэдлин говорила подобным образом. И уж точно он никогда не слышал об этой “фигуре” или “манекене”, что бы это ни было.

`Возможно, это было очень изобретательно, - объяснила Мэдлин, - но я не могу понять, почему в этом должно было быть что-то плохое. Вы когда-нибудь слышали о механическом шахматисте Кемпелена и Мельцеля, или о “Зои” или “Психе” Маскелайна, фигуре для игры в вист?

Эллиот покачал головой, хотя и выглядел заинтересованным, а доктор Фелл был настолько заинтригован, что очки слетели у него с носа.

“Вы же не имеете в виду?..” - спросил он. “Архонты Афинские, это лучше, чем все, на что я надеялся! Они были одними из лучших в серии автоматов почти в натуральную величину, которые озадачивали Европу на протяжении двухсот лет. Вы когда-нибудь читали о клавесине, который был выставлен перед Людовиком XIV и который играл сам по себе? Или манекен, изобретенный Кемпеленом и показанный Мельцелем, который принадлежал Наполеону и позже погиб во время пожара в музее в Филадельфии? На практике автомат Мельцеля был живым. Он играл с вами в шахматы и обычно выигрывал..Было несколько объяснений того, как это работает, - писал По, - но, на мой взгляд, это все еще не получило удовлетворительного объяснения. Сегодня вы можете увидеть “Психо” в Лондонском музее. Вы хотите сказать, что в Фарнли Клоуз его нет?”

“да. Вот почему я должна была подумать, что мистер Мюррей спросит об этом, - сказала Мэдлин. - Как я уже сказала, я не знаю этой истории. Этот автомат выставлялся в Англии во времена правления Карла II и был куплен неким Фарнли. Я не знаю, играло ли оно в карты или в шахматы, но оно двигалось и говорило. Когда я его увидел, оно, как я уже сказал, было старым, черным и сморщенным на вид.

“Но это… хм-м-м… оживление?”

- О, это была всего лишь чепуха, которую Джон нес, когда был глупым ребенком. Я не пытался говорить об этом серьезно, разве ты не понимаешь? Я всего лишь пытался вернуться в прошлое и проверить, что можно вспомнить о нем в прежние времена. Комната, где они раньше держали фигурку, была полна книг, в которых было… ну, прямо-таки зло, - она снова покраснела, - и это привлекло Джона. Секрет того, как заставить фигуру работать, был забыт; полагаю, именно это он и имел в виду”.

На столе Пейджа зазвонил телефон. Он был так поглощен наблюдением за Мэдлин, за легким поворотом ее головы, за пристальным взглядом ее темно-синих глаз, что потянулся за телефоном, прежде чем нашел его. Но при звуке голоса Берроуза в трубке он насторожился.

- Ради бога, - сказал Берроуз, - приезжайте немедленно и приведите инспектора и доктора Фелла.

- Спокойно! - сказал Пейдж, чувствуя, как в груди разливается неприятное тепло. - Что случилось?

“Во-первых, мы нашли тонометр”

“Что? Где?”

Теперь все смотрели на него.

“Одна из горничных: Бетти, вы ее знаете?” Берроуз заколебался.

“Да, продолжайте”.

“Бетти исчезла, и никто не знал, что с ней стало. Ее искали повсюду, то есть в единственных местах, где ее можно было найти. Бетти не было. Все было немного дезорганизовано, потому что по какой-то причине Ноулз тоже не было дома. Наконец, горничная Молли нашла ее в Зеленой комнате, куда Бетти не должна была заходить. Бетти лежала на полу с томографом в руке. Но это еще не все. Ее лицо было такого странного цвета, и она так странно дышала, что мы послали за доктором. Старый Кинг беспокоится. Бетти все еще без сознания, и она еще долго будет не в состоянии нам что-либо сказать. Физически она не пострадала, но Кинг говорит, что нет особых сомнений в том, что стало ее причиной.

“Ну?”

Берроуз снова заколебался.

“Испуг”, - сказал он.

Глава 11

В БИБЛИОТЕКЕ на Фарнли Клоуз Патрик Гор сидел, прислонившись к оконной нише, и курил черную сигару. Рядом с ним сидели Берроуз, Уэлкин и сонный на вид Кеннет Мюррей. Инспектор Эллиот, доктор Фелл и Брайан Пейдж сидели за столом.

К концу встречи они застали перепуганных и неорганизованных домочадцев, еще более напуганных из-за совершенно бессмысленного происшествия посреди обычного дня и еще более неорганизованных из-за отсутствия дворецкого.

Факты? Что вы имели в виду, “факты”? Группа прислуги, которую расспрашивал Эллиот, не знала, что он имел в виду. Это была всего лишь горничная, Бетти Харботтл, милая девушка, обычная. Ее не видели с полудня после ужина. Когда ей пришло время

мыть окна в двух спальнях наверху с Агнес, другой горничной, Агнес отправилась на ее поиски. Ее нашли только в четыре часа.В это время Тереза, горничная леди Фарнли, вошла в Зеленую комнату, кабинет покойного сэра Джона, и обнаружила ее лежащей на полу у окна, выходящего в сад. Она лежала на боку, держа в руке книгу в бумажной обложке. Доктора Кинга вызвали из Маллингфорда, и ни выражение его лица, ни лица Бетти никак не успокоили домочадцев. Доктор Кинг все еще был с пациенткой.

Что-то было не так. Страхи не должны быть семейными. Это было все равно, что услышать, что в своем собственном доме ты можешь полностью исчезнуть на четыре часа. Это было похоже на то, как если бы вам сказали, что в вашем собственном доме вы можете открыть знакомую дверь и войти не в свою комнату, а в комнату, которую вы никогда раньше не видели, где вас что-то ждет. От экономки, кухарки и других служанок он мало что узнал, кроме бытовых подробностей, о Бетти он узнал мало, кроме того, что она любила яблоки и писала письма Гэри Куперу.

Приход Ноулз успокоил персонал, а приход Мэдлин, как надеялся Пейдж, окажет благоприятное воздействие на Молли Фарнли. Мэдлин проводила ее в гостиную, в то время как мужчины сердито смотрели друг на друга в библиотеке. Пейджу было интересно, что произойдет во время встречи Мэдлин и Патрика Гора, но даже воображение не могло ухватиться за это. Они не были представлены друг другу. Мэдлин прошла мимо, мягко обняв Молли за плечи; они с заявительницей посмотрели друг на друга, и Пейджу показалось, что Гор, узнав ее, с удивлением взглянул на нее, но ни одна из них не произнесла ни слова.

И именно Гор рассказал об этом инспектору, когда все остальные собрались в библиотеке, как раз перед тем, как доктор Фелл бросил ручную гранату поразительной взрывной силы.

- Это бесполезно, инспектор, - сказал Гор, снова раскуривая черную сигару, которая никак не хотела тлеть. - Сегодня утром вы задавали те же вопросы, и на этот раз, уверяю вас, ничего хорошего из этого не выйдет. На этот раз вопрос таков: где вы были, когда девушка была - ну, что бы с ней ни случилось - и ей в руку вложили томограф? Я просто ответил, что будь я проклят, если знаю. Как и все остальные. Мы были здесь. Вы приказали нам быть здесь. Но вы можете быть уверены, что мы не искали общества друг друга и не имеем ни малейшего представления о том, когда девушка упала в обморок.

- Послушайте, - внезапно сказал доктор Фелл, - кое-что из этого лучше уладить.

- Я только надеюсь, что вы сможете это уладить, мой друг, - ответил Гор, который, казалось, проникся к нему искренней симпатией. “Но, инспектор, у вас уже были наши показания перед прислугой. Мы снова это обсуждали и…”

Инспектор Эллиот был весел.

“Совершенно верно, сэр”, - сказал он. “И, если это необходимо, нам придется повторить их еще раз. И еще раз.”

“В самом деле”, - вмешался Уэлкин.

Истец снова насел на него. “Но, если вас так интересуют странствия этого фломастера, почему бы не обратить немного внимания на то, что на нем изображено?” Он взглянул на

потрепанную серую книгу, которая теперь лежала на столе между Эллиотом и доктором Феллом. - Почему, во имя здравого смысла, вы не уладите это дело сейчас? Почему бы вам не решить, кто из нас двоих - покойник или я - является настоящим наследником?’

“О, это я могу вам сказать”, - приветливо произнес доктор Фелл.

Наступила резкая тишина, нарушаемая только шарканьем ноги истца по каменному полу. Кеннет Мюррей убрал руку, которой он прикрывал глаза. Выражение цинизма сохранилось на его стареющем лице, но глаза были яркими, жесткими и снисходительными, и он поглаживал бороду одним пальцем, как будто слушал лекцию.

- Да, доктор, - подсказал он тоном, который использовался исключительно в общении со школьными учителями.

- Более того, - продолжил доктор Фелл, постукивая книгой по столу, - не стоит браться за дело с этим сканером отпечатков пальцев. Это подделка. Нет, нет, я не имею в виду, что у вас нет доказательств. Я просто говорю, что этот тонометр, тот, который был украден, - подделка. Вчера вечером мистер Гор, как мне сказали, заметил, что в прежние времена у вас было несколько тонометров”. Он улыбнулся Мюррею. - Мой мальчик, ты сохранил свою прежнюю мелодраматическую натуру, чему я рад. Вы полагали, что может быть предпринята какая-то попытка перехватить тонометр. Итак, вчера вечером вы пришли в дом,

вооружившись двумя из них”

- Это правда? - спросил я. - потребовал Гор.

Мюррей казался одновременно довольным и раздраженным, но он кивнул, как будто внимательно следил за происходящим. .

- и, - продолжил доктор Фелл, - тот, который вы показали этим людям в библиотеке, был поддельным. Вот почему ты так долго не приступал к делу. Эй? После того, как ты выпроводил всех из библиотеки, тебе пришлось достать из кармана настоящий томограф (неуклюжую книгу, которая может порваться) и положить туда бесполезную. Но они сказали, что будут внимательно следить за вами. А поскольку через всю комнату тянулась стена с окнами, вы боялись, что кто-нибудь может вас увидеть, и, если кто-то заметит, как вы возитесь с уликами, это может обернуться обманом, поэтому вам нужно было убедиться, что за вами никто не наблюдает”

“В конце концов, я был вынужден, - серьезно сказал Мюррей, - залезть в этот шкаф и сделать это”. - Он кивком указал на старый книжный шкаф, встроенный в стену с той же стороны от окон. “Уже несколько поздно чувствовать, что я жульничаю на экзамене”.

Инспектор Эллиот ничего не сказал.“После того, как он быстро перевел взгляд с одного из них на другого, он начал что-то записывать в своем блокноте.

“Хм, да. Вы задержались, - сказал доктор Фелл. - Мистер Пейдж, проходя мимо окон всего за несколько минут до убийства, направляясь в дальний конец сада, увидел, что вы как раз “открываете” сканер отпечатков пальцев. Значит, у вас едва ли было время приступить к настоящей работе

“Три или четыре минуты”, - поправил Мюррей.

“Очень хорошо. Вы едва успели приступить к настоящей работе, как раздались крики о кровопролитии”. Доктор Фелл выглядел огорченным. “Мой дорогой юный Мюррей, вы не простодушны. Такая сигнализация может быть хитростью, особенно такой, о которой вы могли бы заподозрить. Вы бы ни за что на свете не ушли с грохотом, оставив на столе открытый и манящий к себе сканер отпечатков пальцев. Я не поверил своим ушам, когда услышал это. Нет, нет, нет. Когда ты возвращал настоящий, он отправлялся в карман, а оттуда появлялся муляж для сладкой

приманки. Эй?”

“Черт бы тебя побрал”, - беззлобно сказал Мюррей.

- Поэтому вы решили солгать до конца и с восторгом применить свои детективные способности, когда манекен был украден. Вы, вероятно, просидели всю ночь, составляя заявление об отпечатках, держа перед собой настоящий томограф, а также свои письменные показания о том, что настоящий наследник

- Кто настоящий наследник? - холодно спросил Патрик Гор.

- Это, конечно, вы, - проворчал доктор Фелл. Затем он посмотрел на Мюррея.

“Черт возьми, - жалобно добавил он, - вы должны были это знать! Он был вашим учеником. Вы, должно быть, знали об этом.

Я понял это, как только услышал, что он открыл рот, - Истец, который поднялся на ноги, теперь довольно неловко сел. Лицо заявителя выражало почти обезьянью радость; его яркие серые глаза и даже лысина, казалось, поблескивали.

- Доктор Фелл, я благодарю вас, - сказал Гор, приложив руку к сердцу, - но я должен отметить, что вы не задали мне ни единого вопроса.

- Послушайте, ребята, - сказал доктор Фелл. - У вас была возможность слушать его весь прошлый вечер. Посмотрите на него сейчас. Послушайте его. Он вам никого не напоминает? Я не имею в виду внешность, я имею в виду обороты речи, формирование идей, манеру выражать себя, ну, и кого же он тебе напоминает? Эй?”

И, наконец, неприятное ощущение чего-то знакомого встало на место в сознании Пейджа, пока доктор, моргая, оглядывал их.

- О Мюррее, - ответил Пейдж в наступившей тишине.

- О Мюррее. Понял с полуслова. Затуманенный временем, конечно; немного изменившийся в характере, но такой, каким его можно было узнать безошибочно. О Мюррее, который был единственным, кто отвечал за него в годы становления его жизни, и был единственным, кто имел на него влияние. Изучите его манеру держаться. Вслушайтесь в плавные обороты этих фраз, звучащих, как в “Одиссее”. Я с радостью признаю, что это только

поверхностно; они похожи друг на друга не больше, чем я на Эллиота или Хэдли. Но эхо продолжает звучать. Уверяю вас, единственный важный вопрос, который Мюррей задал вчера вечером, касался того, какие книги нравились настоящему Джону Фарнли в детстве, а какие он ненавидел. Посмотрите на этого парня!" - он указал на Гора. - Разве я не слышал, как сверкали его мертвые глаза, когда он говорил о "Графе Монте-Кристо", "Монастыре" и "Домашнем очаге"? И о том, какие книги он ненавидел и ненавидит до сих пор? Ни один самозванец не осмелился бы так говорить с человеком, которому он излил душу много лет назад. В подобных случаях факты - это ерунда. Любой может узнать факты. Вам нужен внутренний мальчик. Я говорю, Мюррей: честно говоря, тебе лучше прекратить это и рассказать нам правду. Быть великим детективом и притворяться слабаком - это очень хорошо, но все зашло слишком далеко".

На лбу Мюррея появилась красная полоса. Он выглядел раздраженным и слегка пристыженным. Но его далекий разум уловил кое-что из этого.

"Факты - это не пустая болтовня", - сказал Мюррей.

- Я говорю вам, - прорычал доктор Фелл, - что факты таковы... - Он осекся. - Хм, ну. Нет. Возможно, и нет. вместе. Но я прав?"

"Он не узнал Красную книгу. Книга Аппина. Он написал, что такого не было..."

"О котором он знал только как о рукописи. О, я не его сторонник. Я только пытаюсь кое-что установить. И я повторяю: я прав?"

- Черт бы тебя побрал, Фелл, ты портишь парню удовольствие, - пожаловался Мюррей, немного изменив тон. Он взглянул на Гора. - Да, это настоящий Джонни Фарнли. Привет, Джонни.

- Привет, - сказал Гор. И впервые с тех пор, как Пейдж познакомился с ним, выражение его лица перестало быть суровым.

Тишина в комнате постепенно сгущалась, как будто восстанавливались ценности и расплывчатое изображение обрело четкость. И Гор, и Мюррей уставились в пол, но вид у них был рассеянный, неприятно удивленный. Теперь в богатом голосе Уэлкина звучала властность.

"Вы готовы все это доказать, сэр?" он быстро спросил.

- Вот и закончился мой отпуск, - сказал Мюррей. Он сунул руку в свой туго набитый внутренний карман и снова принял строгий вид. “да. Вот ты где. Оригинальная гравюра и оттиск - с подписью Джона Ньюнэма Фарнли в детстве и датой. На случай, если возникнут какие-либо сомнения в том, что это оригинал, который я привез с собой, я сфотографировал его и передал комиссару полиции Гамильтона. На двух письмах Джона Фарнли, написанных мне в 1911 году, сравните подписи с отпечатком большого пальца. Представляю отпечаток большого пальца, снятый прошлой ночью, и мой анализ их точек соприкосновения -

«хорошо. Хорошо, очень хорошо, - сказал Уэлкин.

Пейдж посмотрел на Берроуза и заметил, что лицо у того побелело. Пейдж и представить себе не мог, что снятие долгого напряжения так подействует на их нервы. Но он понял это, когда огляделся и увидел, что в комнате находится Молли Фарнли.

Она вошла незамеченной, а Мэдлин Дейн стояла прямо за ней; должно быть, она все слышала. Все встали, неловко задвигав стульями.:

“Говорят, вы честный человек”, - сказала она Мюррею. - Это правда?“Мюррей поклонился. “Мадам, прошу прощения”.

“Он был мошенником?”

“Он был мошенником, который не смог бы обмануть никого из тех, кто его по-настоящему знал

- А теперь, - вкрадчиво вмешался Уэлкин, - возможно, было бы неплохо, если бы мы с мистером Берроузом поговорили без предубеждений, разумеется

- Минуточку, - сказал.Берроуз с такой же учтивостью. “Это по-прежнему крайне необычно, и я могу отметить, что пока я не видел ничего, что могло бы послужить доказательством. Можно мне будет ознакомиться с этими документами? Спасибо». Следующая, леди Фарнли. Я хотел бы поговорить с вами наедине.

Взгляд Молли был остекленевшим, напряженным и озадаченным.

- Да, так было бы лучше всего, - согласилась она. - Мэдлин мне кое-что рассказала.

Мэдлин успокаивающе положила руку ей на плечо, но та

стряхнула ее, встряхнув своим крепким телом. Скромная красота блондинки Мэдлин резко контрастировала с гневом, который полыхал вокруг Молли и, казалось, затмевал все вокруг. Затем Молли вышла из комнаты в сопровождении Мэдлин и Берроуза. Они услышали, как заскрипели ботинки Берроуза.

“Боже!” - воскликнул Патрик Гор. “И что мы теперь имеем?”

- Если вы успокоитесь и выслушаете меня, сэр, - мрачно предложил Эллиот, - я расскажу вам. - Его тон заставил Гора и Уэлкина посмотреть на него. - У нас есть самозванец, который каким-то образом погиб в этом бассейне. Почему и кем, мы не знаем. У нас есть человек, который украл ничего не стоящий фломастер, - он показал книжечку, - а позже вернул его. Предположительно, потому, что этот человек знал, что он ничего не стоит. У нас есть горничная Бетти, которую никто не видел с полудня, но которая была найдена в четыре часа пополудни полумертвой от страха в комнате над библиотекой. Кто или что напугало ее, мы не знаем, как и то, что произошло.

В ее руку попал “тонометр”. Кстати, где сейчас доктор Кинг?

“Я полагаю, он все еще с несчастной Бетти”, - сказал Гор. “Но что дальше?”

“Наконец-то у нас есть новые доказательства”, - сказал ему Эллиот. Он остановился - Как вы сказали, вы все терпеливо повторяли истории, рассказанные вами прошлой ночью. Итак, мистер Гор. В своем отчете о ваших передвижениях во время убийства вы сказали правду? Подумайте, прежде чем отвечать. Есть кое-кто, кто опровергает вашу историю”.

Пейдж ждал этого, гадая, сколько времени пройдет, прежде чем Эллиот заговорит об этом.

“Это противоречит моей истории? Кто это опровергает?” - резко спросил Гор и вынул изо рта потухшую сигару.

- Не обращайте на это внимания, пожалуйста. Где вы были, когда услышали, как жертва упала в бассейн?

Собеседник с удивлением посмотрел на него. - Полагаю, у вас есть свидетель. Я наблюдал за этим стариком, - он указал на Мюррея, - через окно. Мне вдруг пришло в голову, что теперь у меня больше нет причин скрывать информацию. Кто меня видел?

“Вы понимаете, сэр, что если то, что вы говорите, правда, это обеспечивает вам алиби?”

“К сожалению, в том, что касается снятия с меня подозрений, да”.

- К сожалению? Эллиот застыл на месте.

- Неудачная шутка, инспектор. Прошу прощения. - Могу я спросить, почему вы не сказали мне об этом сразу?

- Можете. И при этом вы могли бы спросить, что я увидел в окно.

- Я вас не совсем понимаю.

Эллиот всегда тщательно скрывал свой интеллект. По лицу Гора пробежала тень раздражения. - Если говорить простыми словами, инспектор, то с тех пор, как я вошел в этот дом прошлой ночью, я подозревал, что здесь замешана грязная работа. Вошел этот джентльмен.” Он посмотрел на Мюррея и, казалось, не знал, как с ним обращаться. “Он знал меня. Я знал, что он знает меня. Но он ничего не сказал”.

“Ну?”

“Что случилось? Я обошел дом сбоку, как вы уже догадались. возможно, примерно за минуту до убийства. Он замолчал. “Кстати, вы установили, что это было убийство?”

“Минуточку, пожалуйста. Продолжайте”.

“Я заглянул сюда и увидел, что Мюррей сидит спиной ко мне, как набитый болванчик, даже не шевелясь. - Сразу после этого я услышал все звуки, которые мы так часто слышим, начиная с удушающего шума и заканчивая барахтаньем в воде. Я отошел от окна влево и выглянул, чтобы посмотреть, что происходит в саду. Но я не стал подходить ближе. В это время из дома к бассейну выбежал Берроуз. Поэтому я снова отступил, на этот раз к окнам библиотеки. Похоже, в доме сработала сигнализация. И что я увидел на этот раз? Я видел, как этот выдающийся, почтенный джентльмен, - он снова коротко кивнул в сторону Мюррея, - осторожно манипулировал двумя отпечатками пальцев, виновато пряча один в карман, а другой поспешно выкладывая на стол…”

Мюррей слушал с критическим интересом.

“Итак, итак?” он заметил это с почти тевтонской интонацией. “Вы

думали, я работаю против вас?" Он казался довольным.

"Естественно. Работаете против меня! Как обычно, вы преуменьшаете значение дела", - парировал Гор. Его лицо потемнело, - Поэтому я не стал рассказывать, где я был. Я приберег информацию о том, что я видел, на всякий случай, на случай, если кто-то попытается сделать грязную работу.

"У вас есть что-нибудь еще добавить к этому?"

- Нет, инспектор, я думаю, что нет. Остальное из того, что я сказал, было правдой. Но могу я спросить, кто меня видел?

- Ноулз стоял у окна Зеленой комнаты, - сказал Эллиот, а его собеседник начал насвистывать сквозь зубы. Затем взгляд Эллиота переместился с Гора на Мюррея, затем на Уэлкина. "Кто-нибудь из вас когда-нибудь видел это раньше?"

Он достал из кармана газету поменьше, в которую был аккуратно завернут покрытый пятнами складной нож. Он развернул ее и показал нож.

На лицах Гора и Уэлкина отразилось полное недоумение. Но Мюррей втянул свои заросшие щеки; он моргнул при виде экспоната и придвинул свой стул поближе.

"Где вы это нашли?" Оживленно спросил Мюррей.

"Рядом с местом преступления. Вы узнаете его?"

- Хм. Вы проверяли его на отпечатки пальцев? Нет. - Ах, какая жалость, - сказал Мюррей, становясь все бодрее и бодрее. - Вы позволите мне прикоснуться к нему, если я буду обращаться с ним с величайшей осторожностью? Поправьте меня, если я ошибаюсь. Но разве у вас, юный Джонни, - он взглянул на Гора, - не было точно такого же ножа, как этот? Разве я не подарил его вам на самом деле? Разве вы не носили его с собой много лет?

- Конечно, носил. Я всегда ношу с собой перочинный нож, - признался Гор, залезая в карман и доставая старый нож, лишь немного меньше и легче того, что был перед ними. - Но…

- В кои-то веки, - вмешался Уэлкин, хлопнув ладонью по столу, - в кои-то веки я вынужден настаивать на осуществлении прав, которыми вы, сэр, сочли нужным меня наделить. Подобные вопросы абсурдны и неуместны, и, как ваш юрисконсульт, я

должен посоветовать вам не обращать на них внимания. Такие ножи так же распространены, как ягоды ежевики. У меня самого когда-то был такой".

"Но что не так с этим вопросом?" - озадаченно спросил Гор. - У меня был такой нож. Он был с остальной моей одеждой и вещами на "Титанике". Но кажется абсурдным предполагать, что он мог быть там."

Прежде чем кто-либо успел его остановить, Мюррей достал из кармана носовой платок, промокнул им губы (носовой платок во рту - одна из тех вещей, от которых Пейдж всегда нервничал) и начисто вытер небольшую часть лезвия примерно до середины. На очищенной стали были грубо вырезаны буквы, составлявшие слово "Мадлен".

"Это твое, Джонни", - спокойно сказал Мюррей. "Однажды ты написал это имя, когда я водил тебя по камнерезным работам в Илфорде".

- Мэдлин, - повторил Гор.

Открыв форточку. из окна за своей спиной он выбросил сигару в промокшие деревья. Но Пейдж на мгновение увидел свое отражение в темном стекле: у Пита было странное, застывшее, непроницаемое выражение лица, непохожее на насмешливое, с которым Гор обычно указывал на разницу между своим настроением и настроением мира. Он обернулся.

- А как же нож? Вы хотите сказать, что этот бедный, измученный, мнимо честный мошенник хранил его при себе все эти годы и в конце концов перерезал им себе горло у бассейна? Вы, кажется, решили, что это дело об убийстве, и все же… и все же"

Он медленно постучал ладонью по колену.

"Я скажу вам, в чем дело, джентльмены, - сказал Эллиот, - это абсолютно невероятное преступление".

Он подробно рассказал им историю Ноулза. Интерес, проявленный как Гором, так и Мюрреем, резко контрастировал с явным отвращением и недоумением Уэлкина. Когда Эллиот описал находку ножа, в группе возникло неловкое движение.

"Один, и все же убит", - задумчиво произнес Гор. Он посмотрел на Мюррея. - Магистр, это дело касается только вашего сердца.

Кажется, я вас не знаю. Возможно, мы слишком отдалились друг от друга, но в прежние времена ты бы прыгал вокруг инспектора, полный странных теорий и бородатый, как старик".

"Я больше не дурак, Джонни".

"И все же, давай послушаем теорию. Любую теорию. До сих пор вы были единственным, кто хранил молчание по поводу всего этого дела".

"Я поддерживаю это предложение", - заметил доктор Фелл.

Мюррей устроился поудобнее и начал грозить пальцем.

"Упражнение в чистой логике, - начал он, - часто сравнимо с вычислением огромных арифметических сумм и обнаружением в конце, что мы где-то забыли записать единицу или умножить на два. Каждая из тысячи цифр и коэффициентов, за исключением этого, может быть правильной, но разница в ответе и сумме может привести в замешательство. Поэтому я не рассматриваю это как чистую логику. Я высказываю предположение.Вы знаете, инспектор, что коронерское расследование почти наверняка установит, что это самоубийство?"

"Не могу этого сказать, сэр. Не обязательно", - заявил Эллиот. "Был украден, а затем возвращен тонометр; девушка была напугана почти до смерти'

"Вы не хуже меня знаете, - сказал Мюррей, открывая глаза, - какой вердикт вынесет суд присяжных, проводящий коронерскую экспертизу. Существует отдаленная вероятность того, что жертва могла покончить с собой и выбросить нож; невозможно, чтобы его убили. Но я предполагаю, что это убийство.

- Хех, - сказал доктор Фелл, потирая руки. - Хе-хе-хе. И что за предположение?

"Предполагая, что это убийство, - сказал Мюррей, - я полагаю, что жертва на самом деле не была убита ножом, который у вас в руках. Я полагаю, что следы на его горле больше похожи на следы клыков или когтей".

Глава 11

- КОГТИ? - повторил Эллиот.

- Это был причудливый термин, - сказал Мюррей таким назидательным тоном, что Пейдж захотелось дать ему пинка. - Я не обязательно имею в виду когти в буквальном смысле. Может, мне аргументировать свое предположение?

Эллиот улыбнулся. - Идите направо, вперед. Я не возражаю. И вы, возможно, удивитесь, как много здесь есть поводов для споров".

"Скажем так, - сказал Мюррей поразительно обыденным тоном. "Если предположить, что это было убийство, и если предположить, что для его совершения был использован этот нож, то меня очень беспокоит один вопрос. Он заключается в следующем. Почему убийца не бросил нож в бассейн после этого?"

Инспектор все еще вопросительно смотрел на него.

- Рассмотрим обстоятельства. У человека, убившего этого человека, была почти идеальная... э-э-э..."

"Подстава?" - предположил Гор, пока тот пытался нащупать ответ.

"Это отвратительное слово. Джонни, но оно подойдет. Хорошо. У убийцы были почти идеальные условия для самоубийства. Предположим, он перерезал этому человеку горло и бросил нож в бассейн? Ни один человек впоследствии не усомнился бы в том, что это было самоубийство. Этот человек, самозванец, был близок к разоблачению: это казалось бы выходом из положения. Даже при нынешнем положении вещей вам трудно поверить, что это не было самоубийством. С ножом в бассейне все было бы ясно. Это даже решило бы проблему отпечатков пальцев: вода смыла бы все отпечатки пальцев, которые, как предполагалось, мог оставить на ноже покойный.

- Итак, джентльмены, вы не можете сказать мне, что убийца не хотел, чтобы это сочли самоубийством. Вы не можете сказать, что любой убийца когда-либо хотел этого. Если это возможно, то инсценированное самоубийство - наилучший выход из положения. Почему нож не был брошен в бассейн? Нож никого не уличает - кроме убитого, это еще один признак самоубийства и, возможно, причина, по которой убийца выбрал именно его.

Однако вместо этого убийца забирает его и (если я вас правильно понимаю) глубоко втыкает в живую изгородь в десяти футах от бассейна.

“Доказательство?” - сказал Эллиот.

- Нет, нет. Это ничего не доказывает. Мюррей поднял палец. - Но говорит о многом. Теперь рассмотрим это поведение в связи с преступлением. Вы верите в историю старика Ноулза?

- Вы выдвигаете теории, сэр.

- Нет, это справедливый вопрос, - довольно резко ответил Мюррей. Пейдж почувствовал, что едва сдерживается, чтобы не добавить: “Ну же, ну же, сэр!” - “Иначе мы ничего не добьемся”.

“Мы ничего не добьемся, если я скажу, что верю в невозможное, мистер Мюррей”.

“Значит, вы все-таки верите в самоубийство?” “Я этого не говорил”.

“Тогда во что же вы верите?”

Эллиот слабо улыбнулся. “Если вы возьмете себя в руки, сэр, вы убедите меня, что я должен ответить вам. История Ноулза подтверждается дополнительными доказательствами. В качестве аргумента давайте предположим, что я верю, что он говорил правду, или думал, что он говорил правду. Что происходит потом?”

- Из этого следует, что он ничего не видел, потому что не на что было смотреть: в этом вряд ли можно сомневаться. Этот человек был один посреди песчаного круга. Следовательно, убийца не приближался к нему. Следовательно, убийца не пользовался тем ножом с зазубринами и подозрительными пятнами, который вы видите перед собой; и на самом деле нож был “воткнут” в живую изгородь позже, чтобы заставить вас думать, что он был использован для совершения преступления. Вы это понимаете? Поскольку нож не мог вылететь из воздуха, трижды перерезать ему горло и упасть на изгородь, очевидно, что он вообще не мог быть использован. Этот аргумент очевиден?”

“Не совсем очевиден”, - возразил инспектор. - Вы говорите, это было какое-то другое оружие? Затем какое-то другое оружие повисло в воздухе, трижды перерезало ему горло и исчезло? Нет, сэр. Я в это не верю. Определенно нет. Это хуже, чем верить в нож.

“Я обращаюсь к доктору Феллу”, - сказал Мюррей, явно

уязвленный.

Что вы скажете, доктор?

Доктор Фелл фыркнул, таинственные хрипы и звуки внутреннего сгорания наводили на мысль о споре, но он говорил мягко.

“Я придерживаюсь принципа ножа. Кроме того, вы знаете, в том саду определенно что-то двигалось, что-то с чертовским синеватым оттенком лица, если позволите. Послушайте, инспектор. Вы записали показания. Но вы не возражаете, если я немного покопаюсь в них? Я бы очень хотел задать несколько вопросов самому интересному человеку здесь”.

“Самому интересному человеку здесь?” повторил Гор и приготовился.

“Хм, да. Я, конечно, имею в виду, - сказал доктор Фелл, поднимая свою трость и указывая на него, - мистера Уэлкина.

Суперинтендант Хэдли часто жалел, что он так поступил. Доктор Фелл, возможно, слишком озабочен тем, чтобы доказать, что правильное всегда оказывается неправильным или, по крайней мере, неожиданным, и обеими руками размахивает флагами над руинами логики. Конечно, Пейдж никогда бы не счел Гарольда Уэлкина самым интересным человеком в зале. Толстый адвокат с длинным, неодобрительно выпяченным подбородком, очевидно, тоже так не думал. Но, как признает даже Хэдли, старый попрошайка, к сожалению, часто бывает прав. ‘

- Вы говорили со мной, сэр? - осведомился Уэлкин.

- Некоторое время назад я говорил инспектору, - сказал доктор Фелл, - что ваше имя показалось мне очень знакомым. Теперь я вспомнил. Вы интересуетесь оккультизмом? Или вы коллекционируете любопытных клиентов? Я полагаю, вы коллекционировали нашего друга, - он кивнул в сторону Гора, - точно так же, как того египтянина некоторое время назад.

“Египтянин?” - спросил Эллиот. “Какой египтянин?”

“Подумайте! Вы, наверное, помните это дело. Судья Рэнкин рассматривал дело Ледвидж против Аримана. Клевета. мистер Уэлкин был проинструктирован о защите.

“Вы имеете в виду того провидца, или кем он там был?”

- Да, - с большим удовольствием согласился доктор Фелл. - Ничего себе парень, почти карлик. Но он не видел…

призраков: он видел людей насквозь, по крайней мере, так он говорил. Он был в моде в Лондоне; все женщины, конечно, стекались к нему, его могли привлечь к ответственности по старому закону о колдовстве, все еще действующему”

- “Самый позорный поступок, сэр”, - заявил Уэлкин, хлопнув по столу.

- …но речь шла об иске о клевете, и изобретательная защита мистера Уэлкина в сочетании с участием Гордон-Бейтс в качестве адвоката помогли ему выйти сухим из воды. Затем была мадам Дюкен, медиум, которую обвиняли в непредумышленном убийстве, потому что один из ее клиентов умер от испуга в ее доме. (Интересный юридический момент, не так ли?) Мистер Уэлкин также был проинструктирован о защите. Судебный процесс, насколько я помню, был довольно ужасным. О, да! И еще одна: девушка, симпатичная блондинка, какой я ее помню. Выдвинутые против нее обвинения так и не были рассмотрены Большим жюри, потому что мистер Уэлкин…

Патрик Гор с нескрываемым интересом посмотрел на своего адвоката. - Это правда? - спросил я. - потребовал он. - Поверьте мне, джентльмены, я этого не знал.

- Это правда, не так ли? - спросил доктор Фелл. “Вы тот самый парень?”

На лице Уэлкина отразилось холодное удивление.

“Конечно, это правда”, - ответил он. “Но что из этого? Какое это имеет отношение к настоящему делу?”

Пейдж не мог бы сказать, почему это показалось ему таким неуместным. Гарольд Уэлкин, разглядывающий свои розовые ногти, а затем резко поднимающий взгляд маленьких глазок, был образцом делового этикета; и все же почему бы и нет? Белая полоска на подкладке его жилета, блестящие крылья воротничка не имели никакого отношения к клиентам, которых он искал, или к убеждениям, которых он придерживался.

- Видите ли, мистер Уэлкин, - прогрохотал доктор Фелл, - у меня была еще одна причина спросить. Вы были единственным, кто видел или слышал что-то странное в саду прошлой ночью. Не

могли бы вы зачитать ту часть показаний мистера Уэлкина, которую я имею в виду, инспектор?

Эллиот кивнул, не отрывая взгляда от Уэлкина, пока тот не открыл блокнот.

“Я услышал какой-то шорох в живой изгороди или кустарнике, и мне показалось, что я увидел, как что-то смотрит на меня через одну из стеклянных панелей двери, ту, что была ближе всего к земле. Я боялся, что могут произойти определенные вещи, которые меня не касаются”.

- Вот именно, - сказал доктор Фелл и закрыл глаза.

Эллиот колебался, обдумывая два варианта, но у Пейджа было ощущение, что теперь дело раскрыто, и что и доктор Фелл, и инспектор считают, что так будет лучше. Эллиот слегка наклонил вперед твердую голову с волосами песочного цвета.

“Итак, сэр”, - сказал он. “Я не хотел задавать вам слишком много вопросов сегодня утром, пока мы не узнаем больше. Что означает это заявление?

“Что здесь написано”.

- Вы были в столовой, всего в пятнадцати футах или около того от бассейна, но ни разу не открыли ни одну из этих дверей и не выглянули наружу? Даже когда услышали звуки, которые вы описываете?

“нет.”

“Я боялся, что могут произойти определенные вещи, которые меня не касаются”, - прочитал Эллиот. “Это имеет отношение к убийству? Вы думали, что совершается убийство?”

- Нет, конечно, нет, - сказал Уэлкин, слегка подпрыгнув, - и у меня по-прежнему нет оснований подозревать, что кто-то совершил самоубийство. Инспектор, вы с ума сошли? Вам представлены явные доказательства самоубийства, а вы все смотрите на звезды в поисках чего-то другого…

“Значит, вы думали, что прошлой ночью было совершено самоубийство?”

“Нет, у меня не было причин подозревать это”.

“Тогда что вы имели в виду?” - практично спросил Эллиот.

Уэлкин положил ладони на стол. Слегка пошевелив пальцами, он изобразил, что пожимает плечами, но ничего другого на его невозмутимом лице не отразилось.

“Я попробую сформулировать это по-другому, мистер Уэлкин, вы верите в сверхъестественное?”

“Да”, - сказал Уэлкин Белли.

- Вы верите, что кто-то пытается вызвать здесь сверхъестественные явления?

Уэлкин посмотрел на него. - И вы из Скотленд-Ярда! И вы это говорите!

- О, все не так уж плохо, - сказал Эллиот, и на его лице появилось странное, мрачное выражение, которое его соотечественники понимали веками. - Я сказал “пытаюсь”, и есть разные способы сделать это. Реальные или нереальные, поверьте мне, сэр, здесь могут быть странные поступки - внедренные здесь - передающиеся от одного предка к другому - более странные поступки, чем вы думаете. Я приехал сюда, потому что мисс Дейли была убита, и за этим может стоять нечто большее, чем просто кошелек с деньгами, украденный бродягой. Тем не менее, не я предположил, что здесь может быть что-то сверхъестественное. Это вы предположили.

“Я так и сделал?”

“да. “Мне показалось, что я увидел, как что-то смотрит на меня через одну из стеклянных панелей двери, ту, что ближе всего к земле”. Вы сказали “что-то”. Почему вы не сказали “кто-то”?

Маленькая капелька пота выступила на лбу Уэлкина, рядом с крупной веной на виске. Это было единственное изменение в выражении его лица, если это можно так назвать; по крайней мере, это было единственное движение на его лице.

“Я не узнал, кто это был. Если бы я узнал этого человека, я бы сказал ”кто-то”. Я просто пытался быть точным.

“Значит, это был человек? `Кто-то”?” Собеседник кивнул.

“Но для того, чтобы разглядеть вас через одну из нижних панелей, этот человек должен был пригнуться к земле или лежать на ней?” “Не совсем так”.

“Не совсем так? Что вы имеете в виду, сэр?”

“Все происходило слишком быстро и скачкообразно. Я с трудом представляю, как выразить то, что я имею в виду”. “Вы не можете это описать?”

“нет. У меня только сложилось впечатление, что он был мертв.”

Что-то похожее на ужас проникло в душу Брайана Пейджа; как оно туда попало, даже когда пришло, он не мог сказать. Почти незаметно разговор перешел в новое русло, но он чувствовал, что это всегда было на заднем плане дела, ожидая, когда его разбудит прикосновение. Затем Гарольд Уэлкин сделал очень быстрое движение. Он достал из нагрудного кармана носовой платок, быстро вытер им ладони и положил на место. Когда он заговорил снова, к нему вернулась его прежняя торжественная, заботливая манера говорить.

- Минутку, инспектор, - вмешался он, прежде чем Эллиот успел заговорить.“Я пытался правдиво и буквально рассказать вам о том, что я видел и чувствовал. Вы спрашиваете меня, верю ли я в такие вещи. Я делаю. Скажу вам откровенно, я бы и за тысячу фунтов не пошел в этот сад после наступления темноты. Вас, наверное, удивляет, что у человека моей профессии могут возникнуть подобные идеи.

Эллиот задумался. - По правде говоря, так оно и есть. Я не знаю, почему так должно быть. В конце концов, я полагаю, что даже юрист может верить в сверхъестественное.

Тон собеседника был сухим.

- Даже юрист может, - согласился он, - и быть от этого не худшим бизнесменом.

В комнату вошла Мэдлин. Только Пейдж заметил ее, потому что остальные были слишком поглощены Уэлкином; она шла на цыпочках, и он подумал, слышала ли она, что произошло раньше. Он попытался пододвинуть ей свой стул, но она присела на подлокотник. Он не мог видеть ее лица, только мягкую линию подбородка и щек, но заметил, что грудь под белой шелковой блузкой быстро поднимается и опускается.

Кеннет Мюррей нахмурил брови. Он был очень вежлив, но выглядел как таможенник, собирающийся досматривать багаж.

- Я полагаю, мистер Уэлкин, - сказал Мюррей, - вы… э-э-э… честны в этом вопросе. Это, безусловно, необычно. У этого сада плохая репутация. На протяжении веков у него была дурная репутация. На самом деле, в конце семнадцатого века он был перестроен в надежде изгнать тень с помощью новых возможностей. Ты помнишь юного Джонни, как твои демонологические исследования пытались поднять там настроение?"

"Да", - ответил Гор. Он хотел что-то добавить, но сдержался.

"А когда вы возвращаетесь домой, - сказал Мюррей, - вас встречает в саду что-то ползающее безногое, и горничная, перепуганная до истерики. Послушай, юный Джонни, ты уже не в состоянии использовать свои старые приемы пугать людей, не так ли?"

К удивлению Пейджа, смуглое лицо Гора побледнело. Оказалось, что Мюррей был единственным человеком, который мог уязвить его или вывести из состояния вежливости.

"Нет", - сказал Гор. "Ты знаешь, где я был. Я присматривал за тобой в библиотеке. И еще кое-что. Кем, черт возьми, ты себя возомнил, что разговариваешь со мной так, словно я все еще пятнадцатилетний ребенок? Ты пресмыкался перед моим отцом, и, клянусь Богом, я добьюсь от тебя должного уважения, или я выпорю тебя розгами, как ты когда-то выпорол меня".

Вспышка гнева была настолько неожиданной, что даже доктор Фелл хмыкнул. Мюррей поднялся на ноги.

- Это уже ударило тебе в голову? он сказал. - Как вам будет угодно. Моя полезность исчерпана. У вас есть доказательства. Если я понадоблюсь еще для чего-нибудь, инспектор, я буду в гостинице.

- Джон, - мягко вмешалась Мэдлин, - это было довольно неприлично с твоей стороны, тебе не кажется? Прости, что перебиваю.

Впервые и Мюррей, и Гор внимательно посмотрели на нее, а она на них. Последний улыбнулся. "Ты Мэдлин", - сказал он. "Я Мэдлин".

"Мой прежний холодный свет любви", - сказал Гор. Морщинки вокруг его глаз стали глубже. Он задержал Мюррея, и в его голосе

послышалось извинение. - Это бесполезно, магистр. Мы не можем ворошить прошлое, и теперь я совершенно уверен, что не хочу этого делать. Мне кажется, что в течение двадцати пяти лет я мысленно двигался вперед, в то время как вы стояли на месте. Я часто представлял, что произойдет, когда я вернусь в то, что поэтически называют залами моих отцов. отказывался представлять, что меня растрогает картина на стене или буквы, вырезанные перочинным ножом на спинке скамьи. То, что я нахожу, - это куча инопланетных палок и камней; я начинаю жалеть, что вторгся сюда. Но сейчас дело не в этом. Кажется, что-то вышло за рамки дозволенного. Инспектор Эллиот! Разве минуту назад вы не говорили, что приехали сюда, потому что "мисс Дейли была убита"?

- Так точно, сэр.

Мюррей снова сел, явно заинтригованный, в то время как Гор повернулся к инспектору.

- Виктория Дейли. Это случайно не та маленькая девочка, которая раньше жила со своей тетей - Эрнестиной Дейли, не так ли? в коттедже "Роуз-Бауэр" на другой стороне Висячего холма?"

"Я не знаю насчет. - ее тетя, - ответил Эллиот, - но она жила там. Она была задушена в ночь на 31 июля прошлого года.

Лицо, подавшее иск, было мрачным. - Тогда я, по крайней мере, смогу обеспечить себе алиби. В то время я был счастлив в Америке. И все же, кто-нибудь вытащит нас из этого болота? Какое отношение убийство Виктории Дейли имеет к происходящему здесь?"

Эллиот вопросительно взглянул на доктора Фелла. Доктор сонно, но энергично кивнул; казалось, что его огромное тело едва дышит, и он наблюдал за происходящим. Взяв портфель, стоявший рядом со стулом, Эллиот открыл его и достал книгу. Она была размером в кварто, в переплете из темной телячьей кожи, изданном сравнительно недавно (скажем, сто лет назад), и имела на обороте несколько немудреное название "Достойная восхищения история". Инспектор пододвинул ее к доктору Феллу, который открыл ее. Затем Пейдж увидел, что это гораздо более старая книга, перевод Себастьяна Михаэлиса с французского, изданный в Лондоне в 1613 году. Бумага была коричневой и с неровными краями, а на титульном листе красовался очень любопытный экслибрис.

- Хм, - сказал доктор Фелл. - Кто-нибудь из присутствующих когда-нибудь видел эту книгу раньше?

- Да, - тихо сказал Гор.

- А эта обложка?

“да. Эта книжная тарелка? не используется в семье с восемнадцатого века”.

Доктор Фелл провел пальцем по девизу. “Кровь течет из носа и переворачивает ностро”, Фарнли, 1675. `Кровь Его на нас и на наших детях”. Была ли эта книга когда-нибудь в библиотеке на момент закрытия?

Глаза Гора оживились и заблестели, когда он взглянул на книгу, но он оставался озадаченным. Он произнес сардонически.

“Нет, это определенно не так. Это одна из “книг тьмы”, которые мой отец, а до него его отец, держал запертыми в маленькой комнатке на чердаке. Однажды я украл у него ключ и заказал несколько копий, чтобы подняться туда и почитать. Господи, сколько времени я провел там - под предлогом, что, если кто-нибудь меня найдет, я возьму яблоко из соседней яблочной лавки. Он огляделся. - Помнишь, Мэдлин? Однажды я повел тебя туда, чтобы показать тебе Золотую каргу? Я даже дал вам ключ. Но, боюсь, вам это никогда не нравилось. Доктор, где вы взяли эту книгу? Как она попала в плен?

Инспектор Эллиот встал и позвонил Ноулзу.

“Не могли бы вы найти леди Фарнли, - обратился он к перепуганному дворецкому, - и спросить ее, не зайдет ли она сюда?”

С большой неторопливостью доктор Фелл достал трубку и кисет. Он набил трубку, раскурил ее и с глубоким удовлетворением затянулся, прежде чем заговорить. Затем он сделал размашистый жест и указал на что-то.

- Эта книга? Из-за безобидного названия никто в то время даже не заглянул в нее и не задумался дважды. На самом деле, в нем содержится один из самых тревожных документов в истории человечества: признание Мадлен де ла Палюд, сделанное в Эксе в 1611 году, о ее участии в церемониях колдовства и поклонения сатане. Это было найдено на столике у кровати мисс Дейли. Она

читала ее незадолго до того, как была убита”.

Глава 12

В ТИШИНЕ библиотеки Пейдж отчетливо услышал шаги Молли Фарнли и Берроуза, когда они вошли.

Мюррей прочистил горло. “Что это значит?” - подсказал он. “Разве я не поняла, что мисс Дейли была убита бродягой?”

“Вполне возможно, что так оно и было”.

“Ну и что дальше?”

Первой заговорила Молли Фарнли. “Я пришла сюда, чтобы сказать вам, - сказала она, - что я собираюсь оспорить это нелепое заявление, ваше заявление”, - вся ее энергичная натура отразилась во взгляде, полном холодной неприязни, которым она одарила Гора. - “В конце концов, Нэт Берроуз говорит, что, вероятно, пройдут годы, и мы все проиграем”. наша рубашка, но я могу себе это позволить. А пока самое главное - это то, кто убил Джона. Я объявлю временное перемирие, если вы не возражаете. О чем, как я слышал, вы все говорили, когда мы пришли сюда?”

Группа испытала некоторое облегчение. Но один человек мгновенно насторожился.

- Вы считаете, что у вас есть дело, леди Фарнли? - снова спросил Уэлкин, адвокат Олл. - Я обязан предупредить вас…

- Случай лучше, чем ты можешь себе представить, - парировала Молли, бросив любопытный многозначительный взгляд на Мэдлин. - О чем, как я слышала, вы говорили, когда мы вошли?

Доктор Фелл, теперь охваченный интересом, заговорил извиняющимся тоном.

- Мы как раз сейчас занимаемся довольно важным вопросом, мэм, - сказал он, - и мы были бы очень признательны вам за помощь. На чердаке этого дома все еще есть небольшая комната, в которой хранится коллекция книг по колдовству и смежным предметам? А?

“Да, конечно. Но какое это имеет отношение к делу?”

“Взгляните на эту книгу, мэм. Не могли бы вы с уверенностью

сказать, из этой ли она коллекции?”

Молли подошла к столу. Все уже встали, но она сделала нетерпеливый жест, возмущаясь формальностью.

- Думаю, да. Да, я почти уверена в этом. У всех у них была такая книжная обложка, которой нет ни у одной другой книги: это своего рода значок. Где, скажите на милость, вы раздобыли эту книгу?”

Спросил ее доктор Фелл.

“Но это невозможно!”

“Почему?” - “Потому что из-за этих книг поднялась такая ужасная суматоха. Во всем виноват мой муж; я так и не поняла, почему. Вы знаете, мы были женаты чуть больше года. Ее спокойные карие глаза смотрели в прошлое. Она села на стул, который поставил для нее Берроуз. - Когда я приехала сюда как… как невеста, он отдал мне все ключи от дома, кроме ключа от этой комнаты. Конечно, я сразу же передала их миссис Эппс, экономке, но вы же знаете принцип. Меня это скорее заинтересовало.

- Как в “Синей бороде”? - предположил Гор.

- Пожалуйста, без обиняков, - резко сказала доктор Фелл и с холодной яростью повернулась к заявителю.

- Очень хорошо, - сказала Молли. - В любом случае, я слышала об этом. Мой муж хотел сжечь это - я имею в виду коллекцию. Кажется, когда они оценивали имущество, как раз перед тем, как он вступил во владение им, к ним приехал человек из Лондона, чтобы посмотреть бухгалтерские книги. Он сказал, что эта маленькая коллекция на чердаке стоит тысячи и тысячи фунтов, и чуть не заплясал от восторга, глупый осел. Он сказал, что там были всевозможные раритеты, в том числе кое-что уникальное. Я точно помню, что это было. Это была рукописная книга, которая считалась утерянной в начале девятнадцатого века. Никто не знал, куда она делась. и вот она у нас на чердаке. Ее называли “Красная книга Аппина”. Он сказал, что это должен был быть большой магический фокус с гаремником, и он был настолько волшебным, что каждый, кто его читал, должен был носить на голове железный обруч. Я прекрасно это помню, потому что вчера вечером вы все спорили об этом, а этот человек, - она посмотрела на Гора, - даже не знал, что это было.

- Как и предполагает доктор Фелл, никаких разногласий, - любезно сказал Гор. Но он обратился к Мюррею: “Честная игра, магистр. Я, знаете ли, никогда не слышал о священной книге под таким названием. Но я могу сказать вам, что это такое, и даже могу идентифицировать ее, если она все еще находится наверху. Я расскажу вам об одном из ее достоинств. Говорили, что любой, у кого оно было, знал, к чему приведет любой запрос, еще до того, как спрашивающий открывал рот.

- Должно быть, это было вам очень полезно, - сладко сказала Молли, - прошлой ночью.

- В доказательство того, что я читал книгу, да, также говорилось, что она наделяет силой оживлять неодушевленные предметы, что почти наводит на мысль, что леди Фарнли, должно быть, читала ее сама.

Доктор Фелл постучал набалдашником своей трости по полу, призывая к вниманию. Когда гроза утихла, он благожелательно посмотрел на Молли.

- Хе-хе, - сказал доктор Фелл. - Хе-хе-хе. Насколько я понимаю, мэм, вы не верите в магические свойства Красной книги Аппина или чего-то еще?

- О, такой-то! - Молли произнесла короткое англосаксонское словечко, от которого Мэдлин покраснела.

- Хм, да. Точно. Но что ты нам рассказывал?”

“Ну, так или иначе, мой муж был ужасно расстроен и обеспокоен этими книгами. Он хотел их сжечь. Я сказала, что это не совсем глупо, если ему нужно от них избавиться, почему бы не продать их, и в любом случае, какой от них вред? Он сказал, что они полны эротики и порочности. Молли заколебалась, но продолжила в своей обычной откровенной манере. - Это меня немного заинтересовало, если хочешь знать. Я заглянул в одну или две из них, когда он показывал мне комнату, но там, конечно, не было ничего подобного. Вы никогда в жизни не читали такой ужасно скучной литературы. В ней не было ничего низкого. Там было много многословной чепухи. две линии жизни или что-то в этом роде, и все это с этими забавными “ф” вместо “с”, из-за чего кажется, что автор шепелявил. У меня не возникло никакого интереса к этому. Так что, когда мой муж настоял на том, чтобы это место было заперто, я больше не беспокоилась об

этом и уверена, что с тех пор его никто не открывал".

- Но эта книга, - доктор Фелл постучал по ней пальцем, - была оттуда?

- Да-да, я в этом уверен.

- И ваш муж всегда хранил ключ от этой запертой комнаты. Однако каким-то образом он попал оттуда и оказался во владении мисс Дейли. Хм, - доктор Фелл курил короткими затяжками; теперь он вынул трубку изо рта и глубоко затянулся. - Следовательно, между смертью мисс Дейли и смертью вашего мужа есть какая-то связь. А?

`Но какая связь?"

"Например, мэм, мог ли он сам подарить мисс Дейли книгу?"

"Но я уже говорил вам, что он думал об этих книгах!

- Знаете, мэм, - извиняющимся тоном произнес доктор Фелл, - вопрос был не в этом. А мог ли он? В конце концов, мы слышали, что, когда он был мальчиком - если он был настоящим Джоном Фарнли, как вы утверждаете, - он был очень высокого мнения об этих книгах".

Молли решила не скрывать этого.

"Вы поставили меня в тупик. Если я скажу, что он ненавидел подобные вещи по всем причинам, вы можете возразить, что это слишком сильно меняет дело и доказывает, что он не был Джоном Фарнли. Если я скажу, что он мог подарить книгу Виктории, я не знаю, что вы ответите."

"Все, что нам нужно, - это честный ответ, мэм", - сказал доктор Фелл. "Или, скорее, честное впечатление. Небеса сжалятся над человеком, который пытается рассказать всю правду. Но послушайте: вы хорошо знали Викторию Дейли?"

"Довольно хорошо. Бедняжка Виктория была из тех, кто радуется добрым делам.

- Вам следовало бы сказать, - доктор Фелл сделал неопределенный жест трубкой, - вам следовало бы сказать, что она была из тех, кто глубоко интересуется темой колдовства?

Молли сжала кулаки.

- Но не могли бы вы объяснить мне, пожалуйста, как, черт возьми, связаны все эти разговоры о колдовстве? Допустим, что книга именно об этом - если она взята с чердака, значит, так оно и есть, - доказывает ли это что-нибудь только потому, что она ее читала?

- Поверьте мне, есть и другие доказательства, - мягко сказал доктор Фелл. - Ваша собственная сообразительность, мэм, подтвердит это.

Для вас важнее всего связь мисс Дейли с закрытой библиотекой и этой книгой. Например: ваш муж хорошо ее знал?

- Хм. Я не знаю. Не очень хорошо, как мне показалось.

Доктор Фелл наморщил лоб. “И все же подумайте о его поведении прошлой ночью, как оно было описано мне. Подтвердите это. Появляется претендент на его имущество. Обладание этим имуществом, по праву или неправомерно, является самой важной движущей силой в его жизни. И вот цитадель атакована. Мистер Гор, мистер Уэлкин, со своими убедительными историями и убийственным доказательством в виде отпечатков пальцев, подбираются к нему вплотную. Это правда, что он расхаживает по комнате, но в тот самый момент, когда начинается атака, он, кажется, больше озабочен тем фактом, что в виллидж есть детектив, расследующий смерть Виктории Дейли. Это правда?”

Это было правдой. Пейдж помнила это слишком хорошо. И Молли была вынуждена признать это.

“Итак, мы видим, что ниточка тянется дальше. Давайте попробуем проследить за этой ниточкой, куда бы она ни вела. Меня все больше и больше интересует эта запертая комната на чердаке. Там есть что-нибудь еще, кроме книг?”

Молли задумалась.

- Только этот, механический робот. Я видела его однажды, когда была маленькой девочкой, и он мне очень понравился. Я спросила своего мужа, почему мы не можем отказаться от этого и посмотреть, не сможем ли мы найти способ заставить это работать: “Я люблю вещи больше, чем работу”, но это тоже осталось”.

- А, тот самый механический робот, - повторил доктор Фелл, с хрипом поднимаясь на ноги и проявляя интерес. - Что вы можете нам об этом сказать?

Ответил Кеннет Мюррей, когда Молли покачала головой.

- Итак, доктор, есть вопрос, - сказал Мюррей, удобно устраиваясь в кресле, - вам следовало бы разобраться в нем. Я пытался разобраться в этом много лет назад, и юный Джонни тоже.

“Ну что?”

“Вот все факты, которые я смог раскопать”. Мюррей говорил с нажимом. “Сэр Дадли никогда не позволял мне смотреть на фигуру, и мне приходилось работать со стороны. Он был сконструирован месье Райзеном, органистом из Труа, который изготовил самоиграющий клавесин для Людовика XIV и с большим успехом демонстрировался при дворе Карла II в 1676-77 годах. Это была фигура почти в натуральную величину, сидящая на чем-то вроде небольшой кушетки, и, как говорили, она изображала одну из придворных дам короля: о том, какую именно, спорят. Ее действия восхищали людей того времени. Он сыграл две или три мелодии на цитре (то, что мы сейчас называем цитрой), показал зрителям нос и проделал множество жестов, некоторые из которых, несомненно, были неприличными:”

Не было сомнений, что он сразу же привлек внимание своей аудитории.

“Она была куплена сэром Томасом Фарнли, чей экслибрис вы видите здесь”, - сказал Мюррей. “То ли из-за нескромности автомата, то ли по какой-то другой причине, я так и не смог этого выяснить. Но что-то произошло, о чем все записи хранят гробовое молчание. Это, по-видимому, не объясняет того ужаса, который это вызвало в восемнадцатом веке, хотя такое изобретение не понравилось бы ни сэру Дадли, ни его отцу, ни деду. Предположительно, старина Томас знал секрет, как заставить его работать, но этот секрет никому не передавался. А, юный Джо… Прошу прощения. Сэр Джон?

В его напыщенном и преувеличенно любезном тоне чувствовалось некоторое презрение. Но его интересовали другие вопросы.

- Нет, это не было передано по наследству, - признался Гор. - И это никогда не будет раскрыто. Я знаю, джентльмены. В

молодости я ломал голову над секретом Золотой ведьмы. Я мог бы легко показать вам, почему ни одно из очевидных объяснений не сработает. Если мы… - Он выглядел удивленным. - Во имя всех богов, почему бы нам не подняться и не взглянуть на нее? Я только что подумал об этом. Я в замешательстве. Я придумывал всевозможные отговорки и окольные пути, с помощью которых мог бы прокрасться туда, как делал это раньше. Но почему бы и нет? Почему бы не в самом. открытый дневной свет?

Он стукнул кулаком по подлокотнику кресла, слегка моргая, как будто сам только что вышел. на свет. Инспектор Эллиот вмешался довольно резко.

- Одну минутку, сэр, - сказал Эллиот. - Все это очень интересно, и мы можем обсудить это в другой раз, но я не вижу, имеет ли это какое-либо отношение к…

- Вы уверены? - спросил доктор Фелл.

- Сэр?

“Ты уверен?” - Эй, кто-нибудь, - повторил доктор с большим напряжением, - послушайте! Как выглядит этот автомат?

- Он, конечно, сильно обветшал; по крайней мере, это было двадцать пять лет назад…

- Да, - согласилась Мэдлин Дэйн и вздрогнула. - Не ходи туда. Пожалуйста, скажи, что ты не пойдешь!

- Но почему, черт возьми, ты не пойдешь? - воскликнула Молли.

“я не знаю. Я боюсь.”

Гор снисходительно посмотрел на нее.

- Да, я смутно припоминаю, что это произвело на вас сильное впечатление. Но вы спрашивали, на что это было похоже, доктор. Должно быть, это было невероятно похоже на жизнь, когда все было новым. Каркас, конечно, сделан из железа, но “плоть” - это воск, со стеклянными глазами (одного не хватает) и настоящими волосами. Разложение не улучшило его; он довольно толстый и раньше выглядел несколько неприятно, если представить себе разные вещи. На нем надето или когда-то было парчовое платье. Кисти и пальцы сделаны из окрашенного железа: для игры на цитре и выполнения жестов пальцы длинные, с острыми

суставами, почти как…. Когда-то оно улыбалось, но, когда я видел его в последний раз, улыбка исчезла.

- А Бетти Харботтл, - внезапно сказал доктор Фелл, - Бетти Харботтл, как и Ева, очень любит яблоки.

- Прошу прощения?

- У нее есть, вы же знаете, - настаивал доктор Фелл. - Бетти Харботтл, перепуганная горничная, любит яблоки. Это было первое, на что нам указали, когда мы расспрашивали слуг. Я подозреваю, что наша добрая экономка, миссис Эппс, намекает на это. Клянусь тьмой Элевсина, так оно и было! А вы, - красное лицо доктора сияло от сосредоточенности, когда он, моргая, смотрел на Гора, - минуту назад говорили мне, что у вас был предлог, когда вы хотели посетить логово книг и Золотой ведьмы. Вы ходили в яблочную комнату, расположенную по соседству на чердаке. Кто-нибудь предложит мне варианты того, где была Бетти Харботтл, когда она испугалась, и где прошлой ночью был спрятан тонометр?

Гарольд Уэлкин встал и начал обходить стол, но он был единственным, кто сдвинулся с места. Впоследствии Пейдж вспоминал этот круг лиц в полумраке библиотеки и мимолетное выражение, появившееся на лице одного из них, когда он удивился.

Первым заговорил Мюррей, разглаживая усы.

- Ах да. Да, это, несомненно, интересно. Если я все еще хорошо ориентируюсь в географии, лестница на чердак находится в конце коридора рядом с Зеленой комнатой. Вы предполагаете, что девочку отнесли вниз и поместили в Зеленую комнату?

Доктор Фелл покачал головой. - Я только предполагаю, что мы должны следовать своему слабому разуму или вернуться домой в постель. Каждая ниточка ведет в ту маленькую берлогу. Это сердцевина лабиринта и причина всех беспорядков, как маленькая чаша с жидкостью в доме и Мозг: название более подходящее, чем мы думаем. Нам лучше наведаться туда.

Инспектор Эллиот говорил медленно.

“Я думаю, что мы уже договорились. Вы не возражаете, леди Фарнли?”

“Нет, вовсе нет, за исключением того, что я не знаю, где ключ. О, черт возьми! Взломайте замок. Это новый замок, который повесил мой муж, и если ты думаешь, что это поможет, ты можешь сорвать его, - Молли провела рукой по глазам, изо всех сил сдерживая свои чувства, и снова взяла себя в руки. - Мне идти впереди?

- Спасибо. - оживился Эллиот. - Кто из вас еще бывал в этой комнате? Только мисс Дэйн и мистер Гор? Не могли бы вы двое пройти со мной и доктором Феллом, пожалуйста? И мистером Пейджем. Остальные, пожалуйста, оставайтесь здесь”.

Эллиот и доктор прошли вперед, переговариваясь вполголоса. Затем Молли встала перед ними, делая вид, что она глухая, и поместила их между собой и заявительницей. Пейдж с Мэдлин последовали за ней.

- Если ты не хочешь подниматься?.. обратился он к Мэдлин.

Она сжала его руку. - Нет, пожалуйста. Я хочу подняться. Я действительно хочу, чтобы посмотреть, смогу ли я понять, что происходит. Знаете, боюсь, кое-что из того, что я сказал, ужасно расстроило Молли, но я должен был сказать ей: другого выхода не было. Брайан. Ты же не думаешь, что я кот, правда?”

Он был поражен. Хотя ее полуулыбка высмеяла это предположение, взгляд удлиненных глаз был очень напряженным.

- Боже милостивый, нет! Как тебе пришла в голову эта идея?

- О, ничего особенного. Но на самом деле она его не любила. Она делает все это только потому, что считает, что так и должно быть. Несмотря на все внешние проявления, я говорю вам, что они не подходили друг другу. Он был идеалистом, а она практична. Подожди: я знаю, что он был самозванцем, но ты не знаешь всех обстоятельств, иначе ты бы понял…

- Тогда объясни мне с практической точки зрения, - огрызнулся Пейдж.

- Брайан!

- Я серьезно. Идеалист, на мой взгляд! Если он сделал то, о чем говорят, и что ты сам признаешь, то наш покойный друг был свиньей весом в сто карат, и ты это знаешь. А ты сам, случайно, не был в него влюблен?”

“Брайан! Ты не имеешь права так говорить!”

- Я знаю, что не была, но были ли вы?

- Я не была, - тихо сказала Мадлен и уставилась в пол. - Если бы у вас было острое зрение или вы лучше разбирались в происходящем, вы бы знали, что не стоит задавать этот вопрос. - Она колебалась; было ясно, что она хочет сменить тему. - Что думают обо всем этом доктор Фелл и инспектор?

Он открыл рот, чтобы ответить, и понял, что понятия не имеет.

Он понятия не имел. Они поднялись по широкой, пологой дубовой лестнице этажом выше, прошли по галерее и свернули в коридор налево. Слева была Зеленая комната, за открытой дверью которой виднелась тяжелая мебель для кабинета прошлого века и стены с желтоватыми узорами. Справа были двери двух спален. Коридор вел прямо к окну в конце, выходящему в сад. Пейдж смутно помнил, что лестница, ведущая на чердак, находилась в толще стены в конце коридора, а дверь к ней - в левой стене.

Но он думал не об этом. Несмотря на потрясающую приветливость Фелла и непринужденную откровенность инспектора Эллиота, он понял, что тот ровным счетом ничего не знает. Разумеется, они оба будут болтать до конца света. Но как насчет обычной полицейской работы: отпечатки пальцев здесь, отпечатки ног там, обыск сада Эллиотом или улика, запечатанная в конверт? Да, он знал об этом, потому что при сложившихся обстоятельствах этого вряд ли можно было избежать. Что еще, даже если рассматривать теории? Некоторые утверждения были взяты у определенных людей; что мы должны были думать об этих заявлениях?

В конце концов, это было их дело. И все же это беспокоило его. Новые находки появлялись из того, что он считал старой почвой, как черепа в Бленхейме, и о черепе можно было не подозревать, пока он не попадался на глаза, табличка… Нет, лучше изменить сравнение. Впереди возвышалась огромная спина доктора Фелла, казалось, заполнявшая весь проход.

- В какой палате она находится? - Тихо спросил Эллиот.

Молли указала на дальнюю дверь спальни, через проход от двери на чердак. Эллиот тихонько постучал в дверь, но изнутри донесся слабый приглушенный крик.

- Бетти, - прошептала Мэдлин. - Там?

“да. Они отвели ее в ближайшую спальню. Она не в порядке, - сказала Мэдлин, - она не в очень хорошей форме.

Пейдж начал осознавать все последствия этого. Доктор Кинг открыл дверь спальни, оглянулся и, осторожно прикрыв ее, выскользнул в коридор.

“Нет”, - сказал он. “Вы пока не можете ее увидеть. Сегодня вечером, может быть, завтра или, что более вероятно, послезавтра. Я бы хотел, чтобы успокоительные подействовали. Они не подействуют должным образом.

Эллиот выглядел озадаченным и обеспокоенным. – Да, но, доктор, неужели это не… не…?

- Вы хотели сказать, что это серьезно? - спросил Кинг, опуская свою седую голову, как будто собирался ударить ее. - Боже мой! Извините меня.

Он снова открыл дверь.

“Она что-нибудь сказала?”

“Для вашего блокнота ничего нет, инспектор. Больше половины текста - бред. Хотел бы я узнать, что она видела”.

Он обращался к очень тихой группе. Молли, выражение лица которой изменилось, казалось, изо всех сил старалась придерживаться принятых правил. - Доктор Кинг всю жизнь был другом ее отца, и они не церемонились друг с другом.

- Дядя Нед, я хочу знать. Я бы все сделала для Бетти, и ты это знаешь. Но я никогда не понимала, что это не совсем то, что мы можем назвать серьезным, не так ли? Этого не может быть. Люди пугаются, но это не то же самое, что быть по-настоящему больным? Это не опасно?”

“О, - сказал другой, - это не опасно. Ты красивая, похотливая девушка; никаких нервов, избыток энергии; видишь. что-нибудь, и поделись этим. Да, ты бы так и сделал: Ну, может быть, люди воспринимают это по-разному. Может быть, это была мышь или ветер в трубе. Только я надеюсь, что не столкнусь с этим, что бы это ни было.” Его тон смягчился: “Нет, все будет в порядке. Спасибо, ничем не могу помочь, мы с миссис Эппс справимся

сами. Но, возможно, вам принесут чай”.

Дверь закрылась:

- Да, мои дорогие друзья, - заметил Патрик Гор, держа руки глубоко в карманах, - думаю, я могу с уверенностью сказать, что что-то случилось. Не подняться ли нам наверх?

Он подошел и открыл дверь напротив.

Лестница внутри была крутой, и от нее исходил тот слабый кисловатый запах, который исходит от старого камня, заключенного в стены. Казалось, что вы видите ребра и кости внутри дома, не сглаженные современными ремеслами. Пейдж знал, что помещения для прислуги находятся в другой части дома. Здесь не было окон, и Эллиоту, который шел впереди, пришлось воспользоваться электрическим фонариком. Гор последовал за ним, затем доктор Фелл, затем Молли, а Мэдлин и Пейдж замыкали шествие.

И ничего в этой части чердака не менялось с тех пор, как Иниго Джонс зарисовал свои маленькие окошки и заложил кирпичную кладку камнем. На лестничной площадке пол был так сильно наклонен к лестнице, что неосторожный шаг мог сбить вас с ног. Дубовые балки, слишком массивные для этого помещения, создавали впечатление живописности, передавая только силу, которую можно было поддерживать или сокрушать. Внутрь проник слабый серый свет; воздух был густым, влажным и горячим.

Они нашли нужную дверь в дальнем конце. Это была тяжелая черная дверь, наводившая скорее на мысль о подвале, чем о чердаке. Петли были сделаны в восемнадцатом веке; ручка отсутствовала, а более современный замок давно вышел из употребления; теперь его закрывали крепкая цепочка и висячий замок. Но Эллиот сначала направил луч света не на замок.

Что-то упало на пол и было частично раздавлено при закрытии двери.

Это было недоеденное яблоко.

Глава 13

ИСПОЛЬЗУЯ шестипенсовик в качестве отвертки, Эллиот осторожно открутил скобу, на которой крепилась цепочка

висячего замка. Это заняло много времени, но инспектор работал аккуратно, как плотник. Когда цепочка упала, дверь распахнулась сама по себе.

- Логово Золотой ведьмы, - со смаком произнес Гор и отшвырнул ногой недоеденное яблоко в сторону.

- Спокойно, сэр! - резко сказал Эллиот.

«Что? Как вы думаете, яблоко - это улика?”

“Никогда не знаешь наверняка. Когда мы войдем сюда, пожалуйста, ничего не трогай, пока я не скажу”.

“Когда мы войдем” - это была оптимистичная фраза. Пейдж ожидал увидеть комнату. То, что он обнаружил, было чем-то вроде книжного шкафа площадью не более шести квадратных футов, с покатой крышей, в которой виднелось маленькое, покрытое толстым слоем грязи оконное стекло. На полках было много пустот, где рваная телячья кожа переплеталась с более современными переплетами. Все было покрыто слоем пыли, но это была та тонкая, черноватая, шероховатая пыль чердаков, на которой остается мало поддающихся расшифровке следов. В нее было задвинуто кресло в стиле ранней викторианской эпохи, и сама ведьма, казалось, выпрыгнула на них, когда свет фонарика Эллиота упал внутрь.

Даже Эллиот слегка отпрянул: ведьма не была красавицей. Возможно, когда-то она и была очаровательной чаровницей, но теперь из половины лица выглядывал только один глаз, а другая часть головы была изуродована, как остатки бархатно-парчового платья, которое, возможно, когда-то было желтым. Ее внешность не улучшилась из-за трещин, появившихся на лице.

Если бы она стояла, то была бы похожа на нечто в натуральную величину. Она сидела на продолговатом ящике, когда-то позолоченном и раскрашенном так, что он напоминал кушетку, но не намного шире и глубже, чем она сама, и поднимался от пола на колесиках, которые, очевидно, были более позднего времени, чем сам автомат. Руки были приподняты с шутовским и довольно жутким кокетством. Вся эта приземистая, массивная машина весила, должно быть, двести или триста фунтов.

Мэдлин издала что-то вроде смешка, то ли от волнения, то ли от облегчения.

Эллиот зарычал, а доктор Фелл выругался: Доктор сказал: “Оттенки Удольфо! Это антиклимакс?”; “Сэр?”

“Вы понимаете, что я имею в виду. Эта девушка пыталась проникнуть в комнату Синей Бороды, впервые увидев эту штуку, и он замолчал, подув на кончики своих усов. “нет. Нет, так не пойдет.”

- Боюсь, что нет, - серьезно согласился Эллиот. - то есть с ней что-то случилось здесь. Как она попала внутрь? И кто отнес ее вниз? И где она взяла этот сканер? Вы же не можете сказать мне, что один только вид этой штуки подействовал бы на нее так же сильно, как она, по-видимому, пострадала. Она могла бы закричать или что-то в этом роде. Это могло бы вывести ее из себя. Но ничего подобного, если только у нее не было истерики. Леди Фарнли, а слуги знали об этом манекене?

- Конечно, - сказала Молли. - Никто его не видел, кроме Ноулза и, возможно, миссис Эппс, но они все знали об этом.

- Тогда это даже не стало бы сюрпризом? “Нет”

“Если, как я уже сказал, она была напугана чем-то в этом маленьком домике размером два на четыре дюйма, о чем у нас нет никаких свидетельств”

“Посмотрите туда”, - сказал доктор Фелл, указывая своей палкой.

Луч фонарика заиграл на полу у основания автомата. Он наткнулся на ворох смятого белья, который, когда Эллиот поднял его, оказался фартуком горничной с оборками. Несмотря на то, что его недавно постирали, на нем виднелись пятна пыли и грязи, а в одном месте виднелись две короткие рваные прорехи. Доктор Фелл взял его у инспектора и протянул Молли.

` Бетти?” он сказал.

Молли изучила табличку с еще более мелким именем, написанным чернилами, пришитую к подолу фартука, и кивнула.

- Остановитесь немного! - попросил доктор Фелл, закрывая глаза. Он начал расхаживать взад-вперед у двери, надевая очки, словно для того, чтобы они не упали. Когда он снова убрал руку, его лицо было мрачным. - Хорошо. Я расскажу тебе, мой мальчик. Я не могу этого доказать, как не смог бы доказать историю с яблоком и яблочной комнатой. Но я могу рассказать вам, что

произошло в том книжном шкафу, так же точно, как если бы я сам это видел. Это уже не просто рутина: в данном случае важнее всего, чтобы мы точно знали, когда именно - между обеденным перерывом и четырьмя часами дня - эта девушка была напугана, и что в это время здесь делали другие люди.

- Потому что, дружище, убийца был здесь, в этом книжном шкафу. Бетти Харботтл нашла его здесь. Я не знаю, что делал убийца, но было жизненно важно, чтобы никто не узнал, что он здесь был. Что-то случилось. После этого он воспользовался передником девушки, чтобы стереть с пыли возможные следы ног, отпечатки пальцев, вообще какие-либо отметины. Он отнес или потащил ее вниз по лестнице. Он вложил ей в руку бесполезный тонометр, который украл накануне вечером. А потом он ушел, как и все они, оставив фартук аккуратно лежать посреди комнаты. А?"

Эллиот поднял руку.

"Спокойно, сэр. Не так быстро". Он задумался. - Боюсь, на это есть два серьезных возражения.

"Какие?"

"Первое. Если было так важно скрыть тот факт, что он был в этой маленькой комнате и делал то, что делал, то как он заметал следы, просто перемещая потерявшую сознание девушку из одного места в другое? Он не препятствовал раскрытию, а только откладывал его. Девушка жива. Она поправится. И она расскажет, кто был здесь и что он делал - если вообще что-нибудь делал."

- По-видимому, это проблема, - сказал доктор Фелл. - По-видимому, проблема в золоте. И все же, знаете ли, - он говорил с некоторой горячностью, - я не удивлюсь, если ответ на это кажущееся противоречие и есть решение нашей проблемы. Что это за другое возражение?"

"Бетти Харботтл не пострадала. Физически она не пострадала. Она была в таком состоянии из-за того, что испугалась чего-то, что увидела. Однако все, что она могла увидеть, - это то, что обычный человек делал то, чего ему делать не следовало. Это неразумно, сэр; девушки в наши дни довольно суровы - что же тогда могло довести ее до такого состояния?

Доктор Фелл посмотрел на него.

"Что-то, что сделал автомат", - ответил он. "Предположим, он

сейчас протянет руку и возьмет вас за руку?

Сила внушения такова, что каждый человек в группе отшатнулся. Шесть пар глаз уставились на изуродованную голову и любопытные руки манекена. Их было бы неприятно брать в руки или трогать. Ничто в этой фигуре, от покрытого плесенью платья до потрескавшегося воскового лица, не было бы приятным на ощупь.

Эллиот откашлялся.

- Вы хотите сказать, что он заставил манекен работать?

“Он не заставлял это работать”, - вставил Гор. “Я думал об этом много лет назад: то есть, он не заставлял это работать, если только в мое время в него не была встроена какая-нибудь электрическая система или другой трюк. Черт возьми, джентльмены, девять поколений Фарнли пытались понять, как это работает. И я сделаю вам выгодное предложение. Я заплачу тысячу фунтов тому, кто сможет показать мне, как это работает.”

- Мужчина или женщина? - переспросила Мэдлин. Пейдж видела, что она с трудом сдерживает смех, но Гор говорил с отчаянной серьезностью.

- Мужчина или женщина, или ребенок, или кто угодно другой. Мужчине или женщине, которые смогут заставить его работать без современных ухищрений и в тех же условиях, что и двести пятьдесят лет назад”.

- Предложение достаточно щедрое, - бодро сказал доктор Фелл. - Что ж, выкатывайте ее, и давайте посмотрим на нее.

С некоторым усилием Эллиот и Пейдж взялись за железный ящик, на котором сидел манекен, и вытащили его из книжного шкафа, с грохотом перекинув через подоконник. Она дернула головой и задрожала; Пейдж подумала, не отвалятся ли волосы. Однако колеса двигались на удивление легко. С тяжелым скрипом и легким дребезжанием они вытолкнули ее на свет, падавший из окна у верхней площадки лестницы.

“Продолжайте. Продемонстрируйте, - сказал доктор Фелл.

Гор провел тщательный осмотр. - Начнем с того, что вы обнаружите, что корпус этой штуки полон часового механизма. Я не специалист по механике и не могу сказать, все ли колеса и

тому подобное оригинальные, или они были установлены для пущего эффекта, я подозреваю, что большинство из них - муляжи, даже если некоторые из них настоящие. В любом случае, суть в том, что кузов полностью заполнен. В задней части есть большое окно. Если оно все-таки откроется, просунь руку и… о, ты поцарапаешься, да?

Лицо Гора потемнело, и он отдернул руку. Поглощенный своим занятием, он слишком близко подошел к острым пальцам автомата; из-за кривой царапины на тыльной стороне ладони выступила кровь. Он поднес ее ко рту.

`Мои старые добрые часы-кишки", - сказал он. "Мои верные старые часы-кишки! Мне следовало бы расквасить тебе все лицо.

"Не надо!" - воскликнула Мадлен.

Его это позабавило. "Как пожелаешь, малышка. В любом случае, инспектор, не могли бы вы покопаться в бумагах?" Что я хочу установить, так это то, что в кузове их полно и что никто не мог там спрятаться".

Эллиот был серьезен, как всегда. Стекла в окне с задней стороны уже давно не было; с помощью фонарика он осмотрел механизм и пошарил внутри. Что-то, казалось, испугало его, но он только сказал:

"Да, так и есть, сэр. Здесь ни для чего нет места. Вы имеете в виду, что было высказано предположение, что кто-то прячется в этой штуке и управляет ею?"

"Это единственное предположение, на которое можно было решиться. Итак. Это заботится о самом автомате. Единственная его часть, как вы можете сами видеть, - это кушетка, на которой она сидит. Смотрите."

На этот раз ему пришлось труднее. Слева от передней части дивана была маленькая ручка; Пейдж увидел, что вся передняя часть открывается, как маленькая дверца на петлях. После некоторых манипуляций ему удалось открыть дверцу. Внутренняя часть ящика, из голого железа, сильно изъеденного ржавчиной, была меньше трех футов в длину и не более восемнадцати дюймов в высоту.

Гор просиял от удовольствия.

“Вы помните, - сказал он, - объяснение, которое было дано для автомата Мельцеля, играющего в шахматы? Фигурка стояла на нескольких больших ящиках, каждый из которых имел свою маленькую дверцу. Перед началом демонстрации шоумен открыл эти двери, чтобы показать, что никакого обмана не было. Однако поговаривали, что внутри прятался маленький ребенок, который ловко перебирался из одного отсека в другой; и эти движения были настолько синхронны с искусными манипуляциями с дверями, что зрители поверили, будто увидели всю пустоту внутри.

“Что-то подобное говорилось здесь о ведьме. Но зрители написали, что этого не могло быть. Мне не нужно указывать на то, что, во-первых, это должен быть очень маленький ребенок, а, во-вторых, ни один экспонент не сможет объехать всю Европу с ребенком и остаться незамеченным.

“Но в “ведьме” есть только одно маленькое помещение и одна дверь. Зрителям было предложено почувствовать себя в пространстве и убедиться, что это не обман. Большинство из них так и сделали. Фигура стояла сама по себе, на большом расстоянии от земли, на ковре, предоставленном ведущим. И все же, несмотря на то, что не было никаких средств, с помощью которых она могла бы оживиться, по команде наша жизнерадостная леди получала цитру, играла любую мелодию, название которой выкрикивали зрители, возвращала цитру, общалась со зрителями с помощью немого шоу и выполняла другие трюки, подходящие по характеру. ко времени. Вас удивляет, что мой уважаемый предок был в восторге? Но меня всегда интересовало, что заставило его изменить свое мнение, когда он узнал секрет.

Гор перестал вести себя высокомерно.

“А теперь расскажите мне, как это работало”, - добавил он.

- Ах ты, маленькая обезьянка! - воскликнула Молли Фарнли. Она говорила самым милым тоном, но руки ее были сжаты в кулаки. - Ты всегда будешь прыгать, что бы ни случилось? Разве ты не довольна? Не хотела бы ты поиграть в поезда или солдатиков? Боже мой, Брайан, иди сюда, я этого не вынесу. И вы тоже - и вы, офицер полиции, возитесь с манекеном, ползаете вокруг него, как дети, когда… Неужели вы не понимаете, что прошлой ночью был убит человек?”

- Очень хорошо, - сказал Гор. - Давайте сменим тему. Тогда, для разнообразия, расскажите мне, как это было сделано.

я полагаю, вы скажете, что это, конечно, было самоубийство.

- Мадам, - сказал Гор с жестом отчаяния, - не имеет значения, что я говорю. В любом случае кто-нибудь обязательно вцепится мне в горло. Если я скажу, что это было самоубийство, на меня нападут A, B и C. Если я скажу, что это было убийство, на меня нападут D, E и F. Я не утверждал, что это был несчастный случай, хотя бы для того, чтобы не навлечь на себя гнев Джи, Эйч и меня.

“Это, без сомнения, очень умно. Что вы скажете, мистер Эллиот?”

Эллиот говорил искренне.

“Леди Фарнли, Я всего лишь пытаюсь сделать все, что в моих силах, в самом сложном деле, в которое меня когда-либо втягивали, и которому не помогает ваше отношение. Вы должны это понимать. Если вы задумаетесь хотя бы на минуту, то поймете, что эта машина имеет самое непосредственное отношение к делу. Я только прошу вас не говорить так грубо. Потому что с машиной нужно сделать еще кое-что.

Он положил руку на плечо пациента.

“Я не знаю, является ли часовой механизм внутри этого устройства муляжом или нет, как говорит мистер Гор. Я бы хотел попробовать это у себя в мастерской и выяснить. Я не знаю, можно ли ожидать, что механизм все еще будет работать по прошествии двухсот лет, хотя, если часы по прошествии этого времени все еще будут идти, почему бы и нет? Но это я выяснил, когда заглянул в заднюю часть. Механизм в этих часах был недавно смазан.”

Молли нахмурилась.

Последовала пауза. Инспектор Эллиот. обернулся. Он был так удивлен, что забыл, что они разговаривают при свидетелях.

“Спокойно, сэр! Вы не можете так говорить. Наши доказательства…”

“Я действительно это имею в виду. Наши доказательства того не стоят”.

“Но”

- О Господи, почему я не подумал об этом раньше! - с жаром воскликнул доктор Фелл. - Этот случай мне по сердцу, и я только сейчас придумал решение. Эллиот, мальчик мой, в “Висячей карте” не было никаких зловещих сборищ. Не было ни игры на свирели, ни ночных гулянок. Целая группа солидных людей из Кента не была вовлечена ни в какие подобные безумные розыгрыши. Это была одна из тех вещей, которые не давали мне покоя, когда вы начали собирать свои доказательства, и теперь я вижу мрачную правду. Эллиот, во всем этом деле есть одна продажная душа, и только одна. Все, от моральной жестокости до убийства, - дело рук одного человека. Я рассказываю вам всю правду бесплатно”.

Мюррей и Берроуз присоединились к группе, их шаги поскрипывали.

“Вы, кажется, взволнованы”, - сухо сказал Мюррей.

Доктор выглядел извиняющимся.

“Ну, я немного взволнован. Я еще не во всем разобрался. Но я вижу, что это только начало, и скоро мне будет что сказать. Это… э-э-э… вопрос мотивов. - Он уставился куда-то вдаль, и в его глазах появился слабый огонек. - Кроме того, это довольно необычно. Я никогда раньше не слышал об этом трюке. Скажу вам откровенно, сатанизм сам по себе - это честный и прямолинейный бизнес по сравнению с интеллектуальными удовольствиями, изобретенными одним человеком. Извините, джентльмены и леди. Есть кое-что, на что мне хотелось бы взглянуть в саду. Продолжайте, инспектор.

Он протопал к лестнице, прежде чем Эллиот разбудил его. Эллиот, не обращая ни на что внимания, оживился.

- Итак, приступим. Да? Вы что-то хотели, мистер Мюррей?

“Я хотел посмотреть на автомат”, - резко ответил тот. “Я, как я заметил, остался в стороне от этого дела”,

с тех пор, как я предъявил документы, удостоверяющие мою личность, и перестал представлять какую-либо ценность. Так вот она, ведьма. И вот что: вы не возражаете, если я взгляну на это?

Он взял деревянную коробку, погремел ею и поднес поближе к

слабому, покрытому пылью свету, падавшему из окна. Эллиот внимательно посмотрел на него.

- Вы когда-нибудь видели что-нибудь из этого раньше, сэр?

Мюррей покачал головой. - “Я слышал об этой пергаментной маске. Но я никогда ее не видел. Мне было интересно…”

И именно тогда автомат пошевелился.

Пейдж и по сей день клянется, что никто его не толкал. Это может быть правдой, а может и нет. Семь человек толклись вокруг него на скрипучем полу, который плавно спускался к лестнице. Но свет из окна был очень тусклым, и Мюррей, стоя спиной к ведьме, привлекал их внимание экспонатом, который он держал в правой руке. Шевельнулась ли рука, нога, плечо - этого никто не знал. Чего они не увидели, так это того, что сгнивший манекен дернулся вперед с неожиданной быстротой, как автомобиль, сорвавшийся с тормозов. Что они увидели, так это трехсотфунтовый груз гремящего железа, вылетевший за пределы досягаемости и покатившийся, как пушечный лафет, к лестнице. Они услышали скрежет колес, стук трости доктора Фелла по ступенькам и крик Эллиота:

“Ради бога, уберите это ниже!”

Затем раздался грохот, когда он перевернулся.

Пейдж дошла до этого места. Его пальцы сжимали железный ящик, и с таким же успехом он мог пытаться остановить убегающий пистолет; но он держал его вертикально, хотя тот мог полететь кубарем - из стороны в сторону, сметая всю лестницу в безумном падении и сокрушая все на своем пути. Черный груз не сдвинулся с места. Спускаясь по первой ступеньке, Пейдж увидел, что доктор Фелл смотрит вверх. Он увидел дневной свет, падающий из открытой двери у подножия лестницы. Он увидел, как доктор Фелл, не в силах сдвинуться ни на дюйм в этом замкнутом пространстве, вскинул руку, словно защищаясь от удара. Он увидел, как в аду столкновений черная фигура пронеслась на расстоянии волоса от него.

Но он увидел больше; больше, чего никто не мог предвидеть. Он увидел, как автомат вылетел из открытой двери и приземлился в проходе внизу. При ударе одно из его колес отломилось, но инерция была слишком велика. Дернувшись один раз, он налетел на дверь прямо напротив, через коридор, и дверь распахнулась.

Пейдж, спотыкаясь, спустился по лестнице. Ему не нужно было слышать крик из комнаты напротив. Он вспомнил, кто был в этой комнате, и почему Бетти Харботтл была там, и кто только что зашел к ней в гости. В тишине, наступившей после того, как автомат был остановлен, послышались негромкие звуки. Через некоторое время он отчетливо услышал скрип петель, когда доктор Кинг открыл дверь спальни, и лицо врача стало белым, как бумага. Он сказал

“Ты, дьявол, что ты наделал?”

III Пятница, 31 июля, ВОССТАНИЕ ВЕДЬМЫ

Машина, о которой я думаю, есть ли сатанизм, есть ли ложь; агитатор за то, чтобы узнать, существует ли мир, его внешние видения, его дочерние структуры, вопрос о вас; Демон не может быть рядом с вами.

признаки, присущие людям, совершающим преступления, связанные с их присутствием; они могут быть использованы для поддержания связи, проживания в доме Элизы, а также для возбуждения и подстрекательства к совершению необъяснимых преступлений.

Дж. К. ГЮИСМАНС, Ла-Бас

Глава 14

КОРОНЕРСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ в отношении сэра Джона Фарнли состоялось на следующий день и произвело сенсацию, от которой у всех журналистов Великобритании сорвало крышу.

Инспектор Эллиот, как и большинство полицейских, не любит расследования. Это сделано по практическим соображениям. Брайан Пейдж не любит их по художественным соображениям, потому что вы никогда не узнаете ничего, чего не знали раньше, потому что редко случается что-то сенсационное, и потому что вердикт, каким бы он ни был, не приближает вас к разгадке больше, чем раньше.

Но это дознание, состоявшееся утром в пятницу, 31 июля, по его признанию, прошло не по плану. Вердикт о самоубийстве, конечно, был предрешен заранее. И все же это было достаточно зрелищно, чтобы вызвать первоклассный скандал еще до того, как первый свидетель успел произнести десять слов, и закончилось все так, что инспектор Эллиот был ошеломлен.

Пейдж, пивший за завтраком очень черный кофе, произнес непристойную благодарность за то, что им не пришлось заниматься еще одним расследованием событий предыдущего дня. Бетти Харботтл не была мертва. Но после того, как она увидела ведьму во второй раз, у нее это почти прошло, и она все еще была не в состоянии говорить. После этого бесконечные расспросы Эллиота пошли по замкнутому кругу. “Это ты ее толкнул?” - Клянусь, я этого не делал; я не знаю, кто это сделал; мы шли по неровному полу, и, возможно, никто этого не делал.

Эллиот подвел итог, когда они с доктором Феллом допоздна беседовали за трубками и пивом. Пейдж отвез Мэдлин домой, заставил ее что-нибудь поесть, унял угрозу истерики и попытался обдумать тысячу вещей одновременно, после чего выслушал заключение инспектора.

“Мы побеждены”, - коротко сказал он. “Мы ничего не можем доказать, и все же посмотрите на череду событий, которые у нас есть! Виктория Дейли убита: возможно, бродягой, возможно, нет, но есть признаки другой грязной работы, которую нам нет необходимости обсуждать сейчас. Это было год назад. Сэр Джон Фарнли умирает с перерезанным горлом. Бетти Харботтл каким-то образом подвергается “нападению” и спускается с чердака; ее порванный фартук находят в книжном шкафу наверху. Фломастер исчезает и возвращается. В конце концов, была предпринята преднамеренная попытка убить вас, столкнув этот механизм вниз, попытка, которой вы избежали только благодаря одному свистку и милости Божьей”.

- Поверьте, я ценю это, - пробормотал доктор Фелл, чувствуя себя неловко. “Это был один из худших моментов в моей жизни, когда я оглянулся и увидел, как эта огромная сила падает на меня. Это была моя собственная вина. Я слишком много болтал. И все же…”

Эллиот вопросительно посмотрел на него.

- Тем не менее, сэр, это показало, что вы на верном пути. Убийца знал, что вам известно слишком много. Что касается того, что это за след, если у вас есть какие-то идеи, сейчас самое время рассказать мне. Вы же знаете, меня отзовут в город, если ничего не предпримут.

- О, я вам быстро все объясню, - проворчал доктор Фелл. - Я не строю загадок. Но даже если я вам скажу, и даже в том случае, если я окажусь прав, это все равно ничего не докажет. Кроме того,

я не уверен еще в одном. Я, конечно, очень польщен. Но я не уверен, что автомат был спущен вниз с целью, как это поэтично называется, “стереть меня с лица земли”.

“Тогда с какой целью? Это не могло быть просто для того, чтобы снова напугать девушку, сэр. Убийца не мог знать, что он врежется в дверь спальни.

- Я знаю, - упрямо сказал доктор Фелл и взъерошил свою густую копну волос с проседью. - И все же… и все же доказательство…

- Именно это я и имею в виду. Вот все эти моменты, последовательность событий, и я не могу доказать ни одного из них! Ни одной вещи, которую я мог бы передать своему начальнику и сказать: “Вот, возьмите это”. Ни одной улики, которую нельзя было бы истолковать по-другому. Я даже не могу доказать, что эти события каким-либо образом связаны, и в этом-то вся загвоздка. А теперь возьмем завтрашнее расследование. Даже улики полиции должны быть достаточными для вынесения вердикта о самоубийстве”

“Вы не могли бы отложить дознание?”

“конечно. Обычно именно это я и делаю, и продолжаю откладывать рассмотрение до тех пор, пока у нас не появятся доказательства убийства или пока нам не придется вообще закрыть дело. Но есть последняя и самая большая загвоздка. На что я могу надеяться при нынешнем положении дел, если проведу дополнительное расследование? - Мой суперинтендант почти убежден, что смерть сэра Джона Фарнли была совершена в результате самоубийства, как и окружной прокурор, когда они узнали, что на складном ноже, найденном сержантом Бертоном в живая изгородь

Это была новость для Пейджа, последний гвоздь в крышку гроба самоубийцы.

“- на этом все”, - подтвердил Эллиот. “Что еще я могу поискать?”

“Бетти Харботтл”, - предложил Пейдж.

- Хорошо, предположим, она придет в себя и расскажет свою историю? Предположим, она скажет, что видела кого-то в том книжном шкафу? Что он делал? И что из этого? Как это связано с самоубийством в саду? Где твои доказательства, парень? Что-нибудь о фломастере? Что ж, никогда не высказывалось

предположения, что фломастер принадлежал покойному, так к чему вы ведете эту аргументацию? Нет. не смотрите на это здраво, сэр, посмотрите на это с юридической точки зрения. Ставлю сто против одного, что в конце сегодняшнего дня они отзовут меня, и дело будет закрыто. Мы с вами знаем, что здесь орудует убийца, который действует так ловко, что может продолжать в том же духе, пока кто-нибудь его не остановит. И, очевидно, никто не может этому помешать".

"Что ты собираешься делать?"

Эллиот проглотил полпинты пива, прежде чем ответить.

- Как я уже сказал, есть только один шанс: провести тщательное расследование. Большинство наших подозреваемых дадут показания. Есть небольшая вероятность, что кто-то под присягой оговорит себя. Признаю, надежды мало, но такое уже случалось, помните, дело медсестры Уоддингтон? и это может повториться. Это последняя надежда полиции, когда больше ничего не помогает".

"Будет ли коронер играть в вашу игру?"

- Интересно, - задумчиво произнес Эллиот. - Этот парень, Берроуз, что-то замышляет, я это знаю. Но он не хочет обращаться ко мне, и я не могу добиться от него никаких изменений. Он по какому-то поводу обратился к коронеру. Насколько я понимаю, коронеру не особенно нравился Берроуз, не особенно нравился покойный Фарнли, и он сам считает, что это самоубийство. Но он будет играть честно, и они все вместе выступят против аутсайдера, то есть меня. Ирония заключается в том, что сам Берроуз хотел бы доказать убийство, поскольку вердикт о самоубийстве более или менее доказывает, что его клиент был самозванцем. Все это превратится в один веселый репортаж о пропавших наследниках, с единственным возможным вердиктом: самоубийство, мой отзыв и закрытие дела".

- Ну-ну, - успокаивающе сказал доктор Фелл. "Кстати, где сейчас автомат?"

"Сэр?"

Эллиот очнулся от недовольства и уставился на собеседника.

"Автомат?" повторил он. "Я запихнул его в шкаф. После того, как его хорошенько потрепали, он теперь ни на что не годен, кроме

как на металлолом. Я собирался взглянуть на него, но сомневаюсь, что мастер-механик смог бы разобраться в его работе сейчас."

- Да, - сказал доктор Фелл, со вздохом беря свечу из спальни. - Вот почему убийца столкнул ее вниз.

Пейдж провел беспокойную ночь. На следующий день у него было много дел, помимо дознания. Нэт Берроуз, размышлял он, был не таким человеком, каким был его отец; даже такие вопросы, как организация похорон, приходилось перекладывать на Пейджа. Оказалось, что Берроуз был занят каким-то другим аспектом проблемы. Также встал вопрос о том, как оставить Молли "одну" в доме, где царила сомнительная атмосфера, и тревожные новости о том, что слуги угрожали уйти чуть ли не всем скопом.

Эти события сменились сквозь сон ярким солнечным днем и жарой. Скопление автомобилей началось к девяти часам. Он никогда не видел в Мэллингфорде столько машин; пресса и внешний мир съехались в таком количестве, что он осознал, какой огромный шум подняло это дело у их ворот. Это разозлило его. Это, по его мнению, никого больше не касается. Почему они не установили качели и карусели и не продают хот-доги? Они наводнили "Быка и мясника", в чьем "зале" - чем-то вроде длинного сарая, построенного для веселья сборщиков хмеля, - должно было состояться дознание. Солнечный свет отражался в объективах множества фотокамер на дороге. Там были женщины. Собака старого мистера Раунтри погналась за кем-то по дороге к дому майора Чэмберса и все утро истошно лаяла, и ее никак не могли утихомирить.

Жители округа отнеслись к этому без комментариев. Они не приняли ничью сторону. В сельской жизни каждый человек в чем-то зависит от другого, отдавая и получая; в таком случае, как этот, вам тоже нужно было подождать и посмотреть, что произойдет, чтобы все было разумно и комфортно, каким бы ни был приговор. Но из внешнего мира донесся шум: "ПОТЕРЯННЫЙ НАСЛЕДНИК УБИТ" ИЛИ "МОШЕННИЧЕСТВО с ПОТЕРЯННЫМ НАСЛЕДНИКОМ?", и в одиннадцать часов жаркого утра началось дознание.

Длинный, низкий, мрачный сарай был битком набит. Пейдж почувствовал уместность накрахмаленного воротничка. Коронер, прямолинейный адвокат, твердо решивший не допускать глупостей со стороны Фарнли, сидел за широким столом,

заваленным бумагами, слева от него было кресло для свидетелей.

Прежде всего, леди Фарнли, вдова, дала показания об опознании тела. Даже это - как ничтожнейшая из формальностей - было поставлено под сомнение. Молли едва успела заговорить, как поднялся мистер Гарольд Уэлкин в сюртуке и с цветами гардении, выступая от имени своего клиента. Мистер Уэлкин заявил, что он вынужден опротестовать это опознание по чисто техническим причинам, поскольку покойный на самом деле не был сэром Джоном Фарнли; и поскольку поскольку этот вопрос имел первостепенное значение для определения того, покончил ли покойный с собой или был убит, он почтительно попросил разрешения довести его до сведения коронера.

Последовал долгий спор, в ходе которого коронер, которому помогал холодный и возмущенный Берроуз, вполне обоснованно насел на мистера Уэлкина. Но Уэлкин, не выдержав, вспотел от удовольствия. Он высказал свою точку зрения. Он задавал темп. Он обрисовал реальные условия битвы, и все это знали.

Это также вынудило Молли обсудить этот вопрос в ответ на вопросы коронера о душевном состоянии покойного. Он хорошо с ней обращался, но был полон решимости разобраться в этом деле, и Молли выглядела очень расстроенной. Пейдж начала осознавать положение дел, когда коронер, вместо того чтобы в следующий раз предоставить показания по поводу обнаружения тела, вызвал Кеннета Мюррея. Вся история выплыла наружу, и, несмотря на мягкую твердость Мюррея, самозванство покойного стало очевидным, как отпечаток пальца. Берроуз боролся на каждом шагу, но добился лишь того, что разозлил коронера.

Доказательства обнаружения тела были предоставлены Берроузом и Пейджем. (Собственный голос последнего показался ему неверным.) Затем было назначено медицинское освидетельствование. Доктор Теофилус Кинг показал, что в ночь на среду, 29 июля, он отправился в Фарнли Клоуз в ответ на телефонный звонок детектива-сержанта Бертона. Он произвел предварительный осмотр и установил, что мужчина мертв. На следующий день тело было доставлено в морг, и по указанию коронера он провел вскрытие, чтобы установить причину смерти.

Коронер: Теперь, доктор Кинг, не могли бы вы описать раны на горле покойного?

Врач: На теле были три довольно неглубокие раны,

начинающиеся на левой стороне горла и заканчивающиеся под углом правой челюсти в направлении немного вверх. Две раны пересекались.

Вопрос: Оружие было нанесено поперек горла слева направо?

О: Это так.

В: Было бы именно так с оружием в руках, если бы человек покончил с собой?

О: Если бы этот человек был правшой, то да.

В: Был ли покойный правшой?

О: Насколько мне известно, так оно и было.

В. Следует ли вам утверждать, что покойный не мог сам нанести себе такие раны?

О: Вовсе нет.

В: Исходя из характера ран, доктор, каким оружием, по вашему мнению, они были нанесены?

О: Я бы сказал, что это неровное лезвие длиной около четырех-пяти дюймов. Было сильно повреждено ткани. В данном случае трудно сказать точно.

В: Мы очень ценим это, доктор. Сейчас я приведу доказательства того, что в живой изгороди, примерно в десяти футах слева от покойного, был найден нож с лезвием, похожим на то, которое вы описали. Вы видели нож, о котором я говорю?

О: У меня есть.

В: По вашему мнению, мог ли нож, о котором идет речь, нанести такие раны, которые вы описали, на горло покойной?

О: По моему мнению, это было возможно.

В: Наконец, доктор, я подхожу к вопросу, к которому следует отнестись с некоторой осторожностью. Мистер Натаниэль Берроуз показал, что за мгновение до падения покойный стоял на краю бассейна спиной к дому. Мистер Берроуз не может определенно сказать, был ли покойный в это время один, хотя я настаивал на том, чтобы он это сделал. Итак, в том случае - я говорю “в том

случае", - что погибший был один, мог ли он отбросить оружие от себя на расстояние, скажем, десяти футов?

Ответ: Это вполне в пределах физических возможностей.

В: Давайте предположим, что в правой руке у него было оружие. Могло ли это оружие быть брошено в левую руку?

О: Я не берусь строить предположения относительно конвульсий умирающего человека: я могу только сказать, что такое физически возможно.

После такого своевольного решения история Эрнеста Уилбертсона Ноулза не оставила сомнений. Все знали Ноулза. Все знали, что ему нравится, что ему не нравится, его характер. На протяжении десятилетий все видели, что в нем нет лукавства. Он рассказал о виде, открывшемся из окна, о человеке, одиноко лежащем в замкнутом круге из песка, о невозможности убийства.

В: Но уверены ли вы в том, что видели, как покойный покончил с собой?

О: Боюсь, что да, сэр.

В: Тогда как вы объясните тот факт, что нож, который он держал в правой руке, был брошен влево, а не вправо?

О: Я не уверен, что смогу правильно описать жесты покойного джентльмена, сэр. Сначала я думал, что смогу, но потом подумал и не уверен. Все произошло так быстро, что его жесты могли означать что угодно.

В: Но вы же не видели, как он выбросил нож?

О: Да, сэр, у меня сложилось впечатление, что я так и сделал.

- УХ ТЫ! - раздался голос среди зрителей. Это прозвучало так, словно Тони Уэллер выступал с галерки. И на самом деле это был доктор Фелл, который на протяжении всего заседания, хрипя, спал, а его красное лицо дымилось от жары.

"Я буду хранить молчание в

в этой комнате", - крикнул коронер.

На перекрестном допросе, проведенном Берроузом в качестве адвоката вдовы, Ноулз сказал, что не стал бы клясться, что видел,

как покойный бросил нож. У него было хорошее зрение, но не настолько. И его очевидная искренность манер сохранила симпатии присяжных. Ноулз признал, что говорил только под впечатлением, и допустил (незначительную) возможность ошибки, с чем Берроузу пришлось смириться.

За этим неизбежно последовали “улики полиции, свидетельствующие о передвижениях покойного, и облава. В этом душном сарае, где ряды карандашей двигались, как паучьи лапки, в практических целях было установлено, что покойник был самозванцем. Взгляды были брошены на Патрика Гора, настоящего наследника. Быстрые взгляды. Оценивающие взгляды. Нерешительные взгляды. Даже дружеские взгляды, под которыми он оставался вежливым и бесстрастным.

- Господа присяжные, - сказал коронер, - есть еще один свидетель, которого я попрошу вас выслушать, хотя я и не знаком с характером показаний этого свидетеля. По просьбе мистера Берроуза и по ее собственному желанию свидетельница присутствует здесь, чтобы сделать важное заявление, которое, я надеюсь, поможет вам в выполнении вашего нелегкого долга. Поэтому я вызываю мисс Мэдлин Дейн.

Пейдж села.

В зале суда возникло недоуменное движение, репортеры с интересом наблюдали за настоящей красотой Мэдлин. Сам Пейдж понятия не имел, что она здесь делала, но это его встревожило. Ее пропустили к свидетельскому месту, где коронер вручил ей Книгу, и она произнесла присягу взволнованным, но ясным голосом. Как будто для того, чтобы скрыть траур, она была одета в темно-синее платье и темно-синюю шляпу под цвет ее глаз. Ощущение, что она из гофрированного железа, исчезло. Самоуверенность присяжных из гофрированного железа ослабла. На самом деле они не смотрели на нее, но Пейдж чувствовала, что это не за горами. Даже коронер проявил внимание. Среди мужского населения Мэдлин была фавориткой, у нее было мало конкурентов. Во время следствия царило приятное чувство.

“Я снова вынужден настаивать на соблюдении тишины в этом зале!” - сказал коронер. “Теперь, пожалуйста, назовите свое имя”.

“Мадлен Элспет Дейн”.

“Ваш возраст?”

“Тридцать пять лет”.

“Ваш адрес, мисс Дейн?”

“Монплезир, недалеко от Фреттендена”.

- Итак, мисс Дэйн, - сказал коронер отрывисто, но мягко, - я полагаю, вы хотели сделать заявление относительно покойного? В чем суть показаний, которые вы хотите дать?

- Да, я должен вам сказать. Только вот так трудно понять, с чего начать.

- Возможно, я смогу помочь мисс Дэйн, - сказал Берроуз, поднимаясь на ноги с чувством собственного достоинства. - Мисс Дэйн, это было…

- Мистер Берроуз, - рявкнул коронер, теряя всякий контроль над собой, - вы постоянно прерывали судебное разбирательство, проявляя неуважение к вашим и моим правам, чего я не могу и не буду терпеть. Вы имеете право задать свидетельнице вопросы, когда я закончу ее допрашивать, но не раньше. А пока вы будете хранить молчание или покинете зал суда. Хрррр! Гм. Сейчас, мисс Дейн?”

“Пожалуйста, не ссорьтесь”.

- Мы не ссоримся, мадам. Я выражаю должное уважение к этому суду, собравшемуся, чтобы определить, как погибший встретил свою смерть, и уважение, которое, что бы ни говорили об этом некоторые источники, - тут его взгляд обратился к репортерам, - я намерен всячески поддерживать. Итак, мисс Дейн?

- Это о сэре Джоне Фарнли, - серьезно сказала Мэдлин, - и о том, был ли он сэром или нет. Джон Фарнли. Я хочу объяснить, почему ему так не терпелось встретиться с истцом и его адвокатом; и почему он не выпроводил их из дома; и почему ему так хотелось, чтобы у него сняли отпечатки пальцев; о, и все то, что может помочь вам принять решение о его смерти.”

“Мисс Дэйн, если вы просто хотите высказать свое мнение о том, был ли покойный сэром Джоном Фарнли, боюсь, я должен сообщить вам…”

“Нет, нет, нет. Я не знаю, был ли он сэром. Но в этом-то и весь ужас. Понимаете, он и сам не знал…”

Глава 15

СУДЯ по ОЖИВЛЕНИЮ в полутемном сарае, начинало казаться, что это может стать сенсацией дня, даже если никто не знал, что это значит. Коронер прочистил горло, его голова повернулась, как у марионетки.

- Мисс Дэйн, это не суд, это расследование, и поэтому я могу позволить вам давать любые показания, какие вы пожелаете, при условии, что они будут иметь какое-то отношение к делу и помогут нам. Не будете ли вы так любезны объяснить, что вы имеете в виду?

Мэдлин глубоко вздохнула.

- Да, если вы позволите мне объяснить, вы поймете, насколько это важно, мистер Уайтхаус. Трудно сказать при всех вас, как он пришел к тому, чтобы рассказать мне об этом. Но ему, знаете ли, нужно было кому-то довериться. Он был слишком привязан к леди Фарнли, чтобы признаться ей в этом; в этом была часть проблемы; и иногда это так его беспокоило, что вы, наверное, заметили, каким больным он выглядел. И я полагаю, что мне можно довериться без опаски, - она наморщила лоб, наполовину кривясь, наполовину улыбаясь. - Так вот как это было.

- Да, да? Как все прошло, мисс Дэйн?

- Вы позволили им рассказать все о встрече позавчера вечером, на которой они спорили о наследстве и снимали отпечатки пальцев, - продолжила Мэдлин, вероятно, неосознанно поддавшись на уговоры. - Меня там не было, но я узнала обо всем от своего друга, который там был. Он сказал, что больше всего его поразила абсолютная уверенность обоих заявителей, вплоть до снятия отпечатков пальцев и после этого. Он сказал, что единственный раз, когда бедный Джон - прошу прощения, сэр Джон вообще улыбнулся или почувствовал облегчение, - это когда истец рассказывал о том ужасном происшествии на “Титанике” и о том, как его ударили моряцким молотком.

“Да, ну и что?”

“Вот что сказал мне сэр Джон несколько месяцев назад. После крушения “Титаника”, будучи мальчиком, он очнулся в больнице в Нью-Йорке. Но он не знал, что это был Нью-Йорк и что это был “Титаник”. Он не знал, где находится, или как сюда попал, или даже кто он такой. У него было сотрясение мозга после того, как

он случайно или намеренно получил несколько ударов по голове во время крушения корабля, и он страдал от так называемой амнезии, вы понимаете, что я имею в виду?"

"Прекрасно, мисс Дэйн. Продолжайте".

- Они сказали ему, что по одежде и документам его опознали как Джона Фарнли. В больнице у его кровати стоял мужчина, который сказал, что он двоюродный брат его матери - о, это неудачно сказано, но вы понимаете, что я имею в виду, - и посоветовал ему идти спать и поправляться.

"Но вы же знаете, что представляют собой мальчики в этом возрасте. Он был очень напуган и ужасно переживал. Ведь он ничего не знал о себе. И, что хуже всего, как и все мальчики в этом возрасте, он не осмеливался никому рассказать, опасаясь, что он сумасшедший, или с ним что-то не так, или его могут посадить в тюрьму.

- Так ему казалось. У него не было никаких оснований полагать, что он не был тем самым Джоном Фарнли. у него не было никаких оснований полагать, что они не говорили правду во всем, что рассказывали ему о нем самом. У него остались смутные воспоминания о крике или замешательстве, что-то связанное с открытым воздухом или холодом, но это было все, что он мог вспомнить. Поэтому он никому об этом не сказал ни слова. Он притворился своему двоюродному брату мистеру Ренвику из Колорадо, что помнит все. Мистер Ренвик ни о чем не подозревал.

"Он хранил этот маленький секрет долгие годы. Он продолжал читать свой дневник и пытался восстановить события в памяти. Он рассказывал мне, что иногда часами сидел, прижав руки к голове, сосредоточившись. Иногда ему казалось, что он смутно помнит какое-то лицо или событие, как будто что-то видишь под водой. Потом ему снова начинало казаться, что что-то не так. Единственное, что он извлек из всего этого, - скорее фраза, чем образ, - это петля, изогнутая петля".

Зрители сидели под железной крышей, как манекены. Бумаги не шелестели. Никто не перешептывался. Пейдж почувствовал, что воротничок у него намок, а сердце стучит, как часики. В окна лился дымчатый солнечный свет, и Мэдлин подмигнула ему краем глаза.

- Петля погнулась, мисс Дейн?

“да. Я не знаю, что он имел в виду. Он тоже.

- Продолжайте, пожалуйста.

“В те первые годы в Колорадо он боялся, что его посадят в тюрьму, если что-то пойдет не так и они узнают об этом. Почерк у него был никудышный, потому что два пальца у него были почти раздавлены во время аварии, и он никогда не мог как следует держать ручку. Он боялся написать домой, поэтому так и не сделал этого. Он даже боялся пойти к врачу и спросить, не сошел ли он с ума, опасаясь, что врач может донести на него.

“Конечно, со временем это стало слабее. Он убедил себя, что это несчастье, которое случается с некоторыми людьми, и так далее. Была война и все такое. Он проконсультировался у психиатра, который после множества психологических тестов сказал ему, что он действительно Джон Фарнли и что ему не о чем беспокоиться. Но ужас тех лет никогда не покидал его, и даже когда он думал, что забыл об этом, ему это снилось.

“Потом все это возродилось, когда бедный Дадли умер и унаследовал титул и поместье. Ему пришлось переехать в Англию. Он был… как бы это сказать? - интересовался наукой. В конце концов, он решил, что должен вспомнить. Но это было не так. Вы все знаете, как он бродил по округе, словно призрак, бедный старый призрак, который даже не знал, призрак ли он на самом деле. Вы знаете, каким нервным он был. Ему здесь нравилось. Он любил каждый акр и ярд этого места. Имейте в виду, он не сомневался, что он Джон Фарнли. Но он должен был ЗНАТЬ.

Мэдлин прикусила губу.

Ее сияющие, теперь уже довольно суровые глаза блуждали по зрителям.

“Я обычно разговаривала с ним и пыталась успокоить его. Я просила его не думать слишком много, тогда, возможно, он вспомнит. Я обычно устраивала так, чтобы это напоминало ему о чем-то, и заставляло его думать, что он вспомнил это сам. Может быть, где-то далеко вечером граммофон заиграет “К тебе, прекрасная леди”, и он вспомнит, как мы танцевали под эту мелодию в детстве. Может быть, это будет какая-нибудь деталь интерьера. В библиотеке есть что-то вроде шкафа с книжными

полками, встроенного в стену у окон, и вместо того, чтобы быть просто шкафом, в нем есть дверца, которая раньше открывалась в сад. Она все равно откроется, если вы найдете правильную защелку. Я убедил его найти правильный улов. Он сказал, что после этого несколько ночей спал спокойно.

“Но он все равно должен был знать. Он сказал, что был бы не так уж и против, если бы только мог знать, даже если бы оказалось, что он не Джон Фарнли. Он сказал, что больше не был необузданным подростком. Он сказал, что может спокойно смотреть на это, и было бы лучше всего на свете просто узнать правду”.

“Он поехал в Лондон и побывал еще у двух врачей, я это знаю. Вы можете видеть, как он волновался, когда даже пошел к человеку, который, как предполагалось, обладал экстрасенсорными способностями, - ужасному маленькому человечку по имени Ариман с Хаф-Мун-стрит, - который тогда был в моде. Он повел за собой целую толпу людей под предлогом того, что хотел, чтобы наши судьбы изменились, и делал вид, что смеется над этим. Но он рассказал этой гадалке все о себе”.

“Тем не менее, он продолжал бродить по этому месту. Он часто говорил: “Что ж, я хороший управляющий”, и вы знаете, что так оно и было. Он тоже часто ходил в церковь; ему больше всего нравились церковные гимны; и иногда, когда они играли “Пребудь со мной”, - в общем, когда он был рядом с церковью и смотрел на стены, он говорил, что если когда-нибудь у него будет возможность..”

Мэдлин замолчала.

Ее грудь приподнялась от глубокого вздоха. Ее взгляд был прикован к передним рядам, а пальцы, лежавшие на подлокотниках кресла, были крепко сжаты. В то время в ней чувствовались страсть и мистицизм, глубокие, как корни, и сильные, как сердца; но, в конце концов, она была всего лишь женщиной, которая, как могла, защищалась в жарком и душном сарае.

“Мне так жаль”, - выпалила она. - Возможно, лучше не говорить об этом; в любом случае, это нас не касается. Извините, если я отнимаю у вас время, рассказывая о вещах, которые не имеют значения.

- Прошу соблюдать тишину, - сказал коронер, обернувшись на нарастающий шорох. - Я не уверен, что вы занимаете наше время тем, что не имеет значения. У вас есть еще что сказать присяжным?

“Да”, - сказала Мэдлин, поворачиваясь и глядя на них. “И еще кое-что”.

“Что именно?”

“Когда я услышала о претенденте на наследство и его адвокате, я поняла, о чем думал Джон. Теперь вы знаете, что было у него на уме все это время. Вы можете следить за каждым шагом его мыслей и каждым сказанным им словом. Теперь вы знаете, почему он улыбнулся и почему испытал почти непомерное облегчение, когда услышал рассказ истца о моряцком молотке и ударах по голове во время крушения “Титаника”. Потому что именно он страдал от сотрясения мозга и потери памяти, которая длилась двадцать пять лет.

“Пожалуйста, подождите! Я не утверждаю, что история истца не соответствует действительности. Я не знаю и не претендую на то, чтобы принимать решение. Но сэр Джон - тот, кого вы называете покойным, как будто его никогда и не было на свете, - должно быть, почувствовал огромное облегчение, услышав то, что, по его мнению, никак не могло быть правдой. Он увидел, что его мечта наконец-то сбылась, что его личность должна быть установлена. Теперь вы знаете, почему он с радостью согласился на тест по отпечаткам пальцев. Вы знаете, почему он был таким нетерпеливым. Вы знаете, почему он едва мог дождаться, почему он был весь на нервах, чтобы узнать результат.

Мэдлин вцепилась в подлокотники кресла.

- Пожалуйста. Возможно, я глупо все это излагаю, но, надеюсь, вы меня понимаете. Доказать что-то тем или иным способом было единственной целью его жизни. Если бы он был сэром Джоном Фарнли, он был бы счастлив до конца своих дней. Если бы это было не так, это не имело бы такого большого значения, если бы он действительно знал. Это все равно что выиграть в футбольном матче. Вы ставите на это свои шесть пенсов. Вы думаете, что, возможно, выиграли тысячи и тысячи фунтов. Ты почти уверен в этом, ты можешь поклясться, что это правда. Но ты не можешь быть уверен, пока не придет телеграмма. Если она не придет, ты думаешь: “Ну, вот и все, и забудь об этом”. Что ж, это Джон

Фарнли. Это был его футбольный бассейн. Множество акров того, что он любил: это был его футбольный бассейн. Уважение, почет и крепкий сон по ночам навсегда: это был его футбольный бассейн. Конец пыткам и начало будущего: это был его футбольный бассейн. Теперь он верил, что победил. А теперь люди пытаются сказать вам, что он покончил с собой. Не думайте так ни на минуту. Вам виднее. Можете ли вы поверить, осмелитесь ли вы поверить, что он намеренно перерезал себе горло за полчаса до того, как узнал результат?"

Она закрыла глаза рукой.

Поднялся настоящий переполох, который коронер подавил. Мистер Гарольд Уэлкин вскочил на ноги. Пейдж заметил, что его лоснящееся лицо слегка побледнело, а говорил он так, словно бежал.

- Мистер коронер. В качестве особого извинения, все это, без сомнения, очень интересно, - едко произнес он. - Я не буду настолько дерзок, чтобы напоминать вам о ваших обязанностях. Я не буду настолько дерзок, чтобы указать на то, что за последние десять минут не было задано ни одного вопроса. Но если эта леди полностью закончила свое замечательное заявление, которое, если оно соответствует действительности, указывает на то, что покойный был еще большим самозванцем, чем мы полагали, я, как адвокат настоящего сэра Джона Фарнли, попрошу разрешения на перекрестный допрос.

- Мистер Уэлкин, - сказал коронер, снова поворачивая голову, - вы будете задавать вопросы, когда я разрешу, а до тех пор храните молчание. А теперь, мисс Дэйн, - пожалуйста, позвольте ему задавать вопросы, - сказала Мэдлин. - Я помню, что видел его в доме этого ужасного маленького египтянина, Аримана, на Хаф-Мун-стрит.

Мистер Уэлкин достал носовой платок и вытер лоб.

И вопросы были заданы. Коронер подвел итог. А инспектор Эллиот удалился в другую комнату и в одиночестве станцевал сарабанду. И присяжные, передав дело на рассмотрение полиции, вынесли вердикт об убийстве, совершенном неизвестным лицом или лицами.

Глава 16

ЭНДРЮ МАК-ЭНДРЮ ЭЛЛИОТ поднял бокал с весьма сносным

“хоком” и осмотрел его.

- Мисс Дэйн, - заявил он, - вы прирожденный политик. Нет, я скажу “дипломат”, это звучит лучше, не знаю почему. Идея с футбольными бассейнами была просто гениальной. Это донесло до присяжных суть дела с такой же очевидностью, как шесть пенсов и два промаха.. Как вы додумались до этого?”

В долгих теплых лучах заходящего солнца Эллиот, доктор Фелл и Пейдж ужинали с Мэдлин в ресторане с неудачным названием “Монплезир”, но очень уютном. Стол стоял у французских окон столовой, а французские окна выходили в густой сад, заросший лаврами. В конце сада был яблоневый сад площадью в два акра. В одном направлении через сад шла тропинка к тому, что раньше принадлежало полковнику Мардейлу. В другом месте она пересекала ручей и поднималась вверх по Висячей карте, склон которой, усаженный деревьями, темнел на фоне вечернего неба слева от фруктового сада. Если вы пройдете по последнему пути вверх по карте, перелезете через ее обочину и снова спуститесь, то окажетесь в задних садах Фарнли Клоуз.

Мэдлин жила одна, у нее была женщина, которая приходила днем готовить и “убирать”. Это был аккуратный маленький домик, украшенный яркими принтами в стиле милитари, которые достались ей в наследство от отца, полный меди и бойких часов. Он стоял довольно уединенно, ближайшим домом был дом несчастной Виктории Дейли, но Мэдлин никогда не возражала против уединения.

Теперь она сидела во главе стола у открытых окон, за полированным деревом и серебром, в сумерках, которые были недостаточно темны для того, чтобы зажечь свечи на обеденном столе. На ней было белое платье. Массивные низкие дубовые балки столовой, оловянная посуда и бойкие часы - все это было для нее фоном. Когда ужин закончился, доктор Фелл закурил гигантскую сигару; Пейдж прикурил сигарету для Мэдлин; и в ответ на вопрос Эллиота Мэдлин рассмеялась при свете спички.

“О футбольных клубах?” повторила она. Она тоже слегка покраснела. - На самом деле, я об этом не подумала. Это был Нат Берроуз. Он записал это и заставил меня повторить все дословно, как наизусть. О, каждое мое слово было правдой. Я ужасно переживала. С моей стороны было ужасно дерзко вести себя так перед всеми этими людьми; и каждую секунду я боялась, что бедный мистер Уайтхаус остановит меня; но Нат сказал, что это

абсолютно единственный выход. После этого я поднялась наверх в “Бык и мясник”, устроила истерику, поплакала и почувствовала себя лучше. Это было ужасно с моей стороны?

Они, конечно, уставились на нее.

“Нет, - совершенно серьезно сказала доктор Фелл, - это было замечательное представление. Но, о Боже! Берроуз тренировал тебя? Вау!”

“Да, он провел здесь половину прошлой ночи, занимаясь этим”. - “Берроуз? Но когда он был здесь?” - удивленно спросил Пейдж. “Я привез тебя домой”.

“Он пришел сюда после того, как ты ушел. Он был полон того, что я только что рассказал Молли, и ужасно взволнован.

- Знаете, джентльмены, - прогрохотал доктор Фелл, задумчиво затягиваясь большой сигарой, - мы не должны недооценивать нашего друга Берроуза. Пейдж давным-давно сказал нам, что он был не слишком умным парнем. В начале всего этого цирка Уэлкин, казалось, водил его за нос; но все это время психологически - черт бы побрал это слово - он вел расследование именно так, как хотел. Естественно, он будет бороться. Естественно, для фирмы “Берроуз энд Берроуз” будет иметь большое значение, сохранят ли они управление поместьем Фарнли. И он боец. Когда и если дело Фарнли против Гора когда-нибудь дойдет до суда, оно должно стать сенсацией”.

Эллиот столкнулся с чем-то еще.

- Послушайте, мисс Дэйн, - упрямо сказал он. - Я не отрицаю, что вы оказали нам хорошую услугу. Это победа, пусть только внешняя и опубликованная в газетах. Теперь дело не будет закрыто официально, даже если прокурор будет рвать на себе волосы и клянчить, что присяжные были сборищем тупоголовых мужланов, очарованных красивой женщиной из скорой помощи. Но что я хочу знать, так это почему ты не обратился ко мне со всей этой информацией в первую очередь. Я не зануда. Я… э-э-э… не такой уж плохой товарищ, если можно так выразиться. Почему ты мне ничего не сказал?”

Самым странным и почти комичным во всем этом, подумал Пейдж, было то, что он казался задетым за живое.

“Я хотела”, - сказала Мэдлин. “Честно говоря, я хотела. Но

сначала я должна была рассказать Молли. Тогда Нэт Берроуз заставил меня поклясться, что я ни словом не обмолвлюсь об этом полиции до окончания расследования. Он говорит, что не доверяет полиции. Кроме того, он работает над теорией, которая должна доказать… - Она замолчала, прикусив губу, и сделала извиняющийся жест сигаретой. - Ты же знаешь, каковы некоторые люди.

- И все же, на чем мы остановились? - спросил Пейдж. - После сегодняшнего утра мы снова начали гадать, кто из них настоящий наследник? Если Мюррей поклянется, что это Гор, и если они не опровергнут доказательства по отпечаткам пальцев, то, похоже, на этом все закончится. По крайней мере, я так думал. “Сегодня утром, раз или два, я не был в этом так уверен. Некоторые намеки и недомолвки - ты сам их делал - казалось, были связаны со старым добрым Уэлкином”.

Что Брайан! Я сказал только то, что Нат велел мне сказать. Что вы имеете в виду?”

“Ну, возможно, что все претензии на наследство были сфабрикованы самим Уэлкином. Уэлкин, солиситор “призраков” и адвокат спиритуалистов. Уэлкин, который собирает друзей-тусовщиков и, возможно, собрал Гора, как он собрал Аримана, мадам Дюкен и остальных. Я сказал, что, когда мы познакомились с Гором, он был кем-то вроде шоумена. Уэлкин, который сказал, что видел привидение в саду во время убийства. Уэлкин, который в момент убийства находился всего в пятнадцати футах от жертвы, а между ними было только стекло. Уэлкин…”

- Но, Брайан, ты же не подозреваешь мистера Уэлкина в убийстве?

- Почему бы и нет? - сказал доктор Фелл.

- Я сказал, - вмешался доктор, хмуро разглядывая свою сигару, - что он был самым интересным человеком в группе.

- Обычно это сводится к одному и тому же, - мрачно заметил Пейдж. - Каково ваше истинное мнение, Мэдлин, о настоящем наследнике? Вчера вы сказали мне, что считаете покойного Фарнли самозванцем. Так ли это на самом деле?

“да. Я делаю. Но я не понимаю, как кто-то мог удержаться от жалости к нему. Он не хотел быть самозванцем, разве вы не понимаете? Он только хотел знать, кто он такой. Что касается

мистера Уэлкина, то он никак не мог быть убийцей. Он был единственным из нас, кто не был на чердаке, когда… Ну, мне кажется, ужасно говорить об этом после ужина и в погожий вечер, но кого не было на чердаке, когда упала эта машина".

"Зловеще", - сказал доктор. "Очень зловеще".

"Вы, должно быть, ужасно храбрая, - сказала Мадлен со всей серьезностью, - если смеетесь над тем, что этот железный идол рухнул"

- "Моя дорогая юная леди, я не храбрая. Дул сильный ветер, и я почувствовала себя плохо. После этого я, подобно святому Петру, начал сыпать проклятиями. Потом я начал шутить. Ппц. К счастью, я начал думать о той девушке в соседней комнате, у которой нет моей подушки, чтобы поддержать ее. И я сам дал великую клятву… - Его кулак завис над столом, казавшийся огромным в полумраке. У них создалось впечатление, что за шутками и рассеянностью скрывается опасная сила, сила, которая может свалить и сковать.. Но он не опустил кулак. Он смотрел в темнеющий сад и продолжал спокойно курить.

- Тогда на чем мы стоим, сэр? - спросил Пейдж. - Теперь вы поняли, что можете нам доверять?

Ему ответил Эллиот. Эллиот взял сигарету из пачки на столе. Он закурил, осторожно чиркнув спичкой. В свете спички выражение его лица снова стало оживленным и бесстрастным, но как будто в нем был намек, который Пейдж не мог истолковать

- Нам скоро нужно отправляться в путь, - сказал инспектор. Бертон отвезет нас в Пэддок-Вуд, а мы с доктором Феллом отправимся десятичасовым поездом в город. У нас совещание с мистером Белчестером в Скотленд-Ярде. У доктора Фелла есть идея.

- О том, что… что делать… здесь? - Нетерпеливо спросила Мэдлин.

- Да, - сказал доктор Фелл. Некоторое время он продолжал курить с сонным видом. - Мне было интересно. Возможно, было бы лучше, если бы я высказал несколько неубедительных предположений. Например, сегодняшнее расследование преследовало двойную цель. Мы надеялись на вердикт об убийстве и на то, что один из свидетелей допустит ошибку. Мы вынесли вердикт об убийстве, и кто-то допустил ошибку.

“Это был тот момент, когда вы сказали “вау” вслух?”

“Я много раз говорил “вау”, - серьезно ответил доктор. “Про себя. За определенную цену мы с инспектором расскажем вам, что заставило нас обоих воскликнуть “вау” или хотя бы намекнуть на это. Я говорю: за определенную цену. В конце концов, вы должны сделать для нас то же, что вы сделали для мистера Берроуза, и под тем же залогом секретности. Минуту назад вы сказали, что он работает над теорией, чтобы что-то доказать. Какую теорию? И что он хочет доказать?”

Мэдлин пошевелилась и затушила сигарету. В полумраке она выглядела спокойной и опрятной в белом, ее короткая шея возвышалась над платьем с глубоким вырезом. Пейдж навсегда запомнила ее в этот момент: светлые волосы, уложенные в подобие локонов над ушами, широкое лицо, еще более смягченное и воздушное в сумерках, медленно закрывающиеся глаза. Снаружи слабый ветерок шевелил ветви лавров. На западе, над садом, низкое небо было прозрачным, желто-оранжевым, как хрупкое стекло, но над массивной картой виднелась звезда. Казалось, что комната отступила, как будто чего-то ждала. Мэдлин положила руки на стол и, казалось, попыталась отстраниться.

“Я не знаю”, - сказала она. “Люди приходят и рассказывают мне такие вещи. Они думают, что я умею хранить секреты; Я выгляжу как человек, который умеет хранить секреты; и я могу. Теперь мне кажется, что из меня вытянули все секреты, и я чувствую себя так, словно совершил что-то неприличное из-за всех этих сегодняшних разговоров”.

“И что?” - подсказал доктор Фелл,

- Тем не менее, вы должны это знать. Вы действительно должны это знать: Нат Берроуз подозревает кого-то в убийстве и надеется, что сможет это доказать.” “И он подозревает?..”

“Он подозревает Кеннета Мюррея”, - сказала Мэдлин.

Тлеющий кончик сигареты Эллиота замер в воздухе.

Затем Эллиот ударил ладонью по столу. “Мюррей! Мюррей?”

“Почему, мистер Эллиот?” - спросила Мэдлин, открывая глаза. “Вас это удивляет?”

Голос инспектора оставался бесстрастным. - Мюррей - последний человек, которого следует подозревать, как в прямом смысле этого слова, так и в том, что доктор называет детективной историей. Он был человеком, за которым все наблюдали. Даже если это была всего лишь шутка, он был именно тем человеком, о котором они все думали, как о жертве. Берроуз, черт возьми, слишком умен! - Прошу прощения, мисс Дэйн, следите за языком. Нет. И еще раз нет. Есть ли у Берроуза какие-то основания так думать, кроме того, что он считает себя умным? Да ведь у этого человека алиби размером с дом!"

"Я ничего не понимаю, - сказала Мэдлин, наморщив лоб, - потому что он мне ничего не сказал. Но в том-то и дело. У него действительно есть алиби? Я передаю вам только то, что рассказал мне Нэт. Нэт говорит, что, если верить уликам, за ним никто не наблюдал, кроме этого мистера Гора, который стоял у окон библиотеки."

Инспектор и доктор Фелл обменялись взглядами. Они ничего не сказали.

"Продолжайте, пожалуйста".

"Помните, я упоминал сегодня на дознании о маленьком шкафу, встроенном в стену библиотеки, похожем на тот, что находится на чердаке? Тот, в котором есть дверь, ведущая в сад, если вы найдете источник?"

- Да, - довольно мрачно сказал доктор Фелл. - Хм. Мюррей сам упомянул нам об этом месте, когда сказал, что зашел туда во время своего дежурства, чтобы сменить поддельный планшет на настоящий, чтобы его не было видно из окон. Я начинаю понимать."

"да. Я рассказал об этом Нэту, и он был ужасно заинтересован. Он сказал, чтобы я обязательно упомянул об этом, чтобы это могло попасть в архив. Если я его вообще понял, он говорит, что вы концентрируете свое внимание не на том человеке, он говорит, что все это - сфабрикованный заговор против бедного Джона. Он говорит, что из-за того, что у этого "Патрика Гора" острый язык и он интересный собеседник, вы приняли его за лидера группы. Но Нат утверждает, что мистер Мюррей и есть настоящий - как там это ужасное слово, которое они используют в триллерах -?

- Гениальный ум?

И это все. О банде. О банде, состоящей из Гора, Уэлкина и Мюррея; Гор и Уэлкин - марионетки, у которых не хватило бы смелости совершить настоящее преступление.”

“Продолжайте”, - сказал доктор Фелл с любопытством в голосе.

“Нат был очень взволнован, когда объяснял это. Он указывает на довольно странное поведение мистера Мюррея на протяжении всего этого. Ну, конечно, я… я бы не знал об этом. Я мало с ним общался. Он действительно кажется немного не таким, как в прежние времена, но я знаю, что все мы, должно быть, такие же.

У бедного Нэта даже есть теория о том, как мог сработать этот план. Мистер Мюррей поддерживал связь с сомнительным адвокатом (мистером Уэлкином). Мистер Уэлкин был в состоянии сообщить ему через одну из гадалок своих клиентов, что сэр Джон Фарнли страдает потерей памяти и психическими расстройствами из-за сами знаете чего. Итак, Мюррей, старый наставник, решил представить самозванцу поддельные документы: через Уэлкина он нашел подходящего самозванца (Гора) среди клиентов Уэлкина. Мюррей в течение шести месяцев обучал его всем тонкостям. Нэт говорит, что именно поэтому манера Гора говорить и вести себя так похожа на манеру Мюррея: по словам Нэта, вы заметили это, доктор Фелл.”

Доктор уставился на нее через стол.

Он положил локти на стол и обхватил голову руками, так что Пейдж не могла понять, о чем он думает. Воздух, проникавший в открытые окна, был очень теплым и насыщенным ароматами, и все же доктор Фелл поежился.

- Продолжай, - снова попросил Эллиот.

- Нэт считает, что произошедшее ужасно, - ответила Мэдлин, снова закрывая глаза. - Я могла это видеть, даже если бы не хотела этого видеть. Бедного Джона, который никогда никому не причинял вреда, пришлось убить, чтобы некому было оспорить их притязания, и чтобы это

следует полагать, что он покончил с собой. Так же, как большинство людей верят в то, что вы знаете.

“Да”, - сказал Эллиот. “Так же, как большинство людей верят в то, что он покончил с собой”.

“Уэлкин и Гор, люди из опилок, которым не хватило смелости, сыграли свою роль. Видите ли, они охраняли дом с двух сторон. Уэлкин был в столовой. Гор должен был следить за окнами библиотеки по двум причинам: во-первых, чтобы подтвердить алиби Мюррея; и, во-вторых, чтобы никто другой не мог заглянуть в окно, пока мистера Мюррея не было в библиотеке.

“Они преследовали бедного Джона, как… ну, вы понимаете. У него не было ни единого шанса. Когда они узнали, что он в саду, мистер Мюррей вышел очень тихо. Он крупный мужчина. Он поймал Джона и убил его. Он не делал этого до последнего момента. То есть они надеялись, что Джон сломается и признается, что потерял память и, возможно, не является настоящим наследником. Тогда им, возможно, не пришлось бы его убивать. Но он этого не сделал. И они так и сделали. Но мистеру Мюррею пришлось объяснять, почему он так долго “сравнивал отпечатки пальцев”. Поэтому он придумал историю о том, как он жонглировал отпечатками пальцев, украл один из них и позже вернул его. И Нат говорит, - закончила она, затаив дыхание, глядя на доктора Фелла, - он говорит, что вы упали прямо в их ловушка, как и планировал мистер Мюррей.”

Инспектор Эллиот аккуратно затушил сигарету.

- И это все, да? Делает ли это “мистер Берроуз объяснил, как Мюррей совершил убийство, не замеченный Ноулзом и практически на глазах у самого Берроуза?

Она покачала головой.

- Он не сказал мне об этом. Либо он не хотел, либо он еще не разобрался в этом.

- Он еще не разобрался в этом, - сказал доктор Фелл глухим голосом. - Небольшое замедление мозговой деятельности. Немного опоздал с домашним заданием. О, моя древняя шляпа. Это ужасно.”

В очередной раз за этот день Мэдлин уговорила себя учащенно дышать. Это было так, словно она сама, после сильного нервного напряжения, была тронута тем ветром из сада или ощущением ожидания, доносившимся из дома.

“Что вы об этом думаете?” - спросила она.

Доктор Фелл задумался.

“В этом есть недостатки. Серьезные недостатки”.

- Это не имеет значения, - сказала Мэдлин, глядя прямо на него. - Я и сама не думаю, что верю в это. Но я рассказала вам то, что вы хотели знать. Какие намеки вы собирались дать нам о том, что произошло на самом деле?

Он с любопытством посмотрел на нее, как будто задаваясь вопросом.

- Вы нам все рассказали, мэм?

- Все, что я могу или на что осмеливаюсь. Не спрашивай меня больше. Пожалуйста.”

- И все же, - возразил доктор Фелл, - рискуя показаться еще более загадочным, я задам вам еще один вопрос. Вы очень хорошо знали покойного Фарнли. Вопрос опять-таки туманный и психологический, но ответьте на следующий вопрос, и вы приблизитесь к истине. Почему Фарнли беспокоился в течение двадцати пяти лет? Почему он был подавлен слепотой своей памяти? Большинство людей на какое-то время испытали бы беспокойство, но это не оставило бы такого ужасающего шрама в его сознании. Мучили ли его, например, воспоминания о преступлении или зле?”

Она кивнула. “Да, я думаю, что так оно и было. Я всегда думал, что он был похож на тех старых пуритан из книг, которые были воспитаны в духе времени”.

“Но он не мог вспомнить, о чем шла речь?”

“Нет, кроме этого изображения кривой петли”.

Пейджу показались неприятными сами эти слова. Казалось, они должны были что-то передать или на что-то намекнуть. Что такое изогнутая петля? - Или, если уж на то пошло, прямая петля?

“Своего рода вежливый вариант расшатанного винта”. он спросил.

- Н-нет, я так не думаю. Я имею в виду, это не было фигурой речи. Иногда ему казалось, что он видит петлю; петлю на двери; белую петлю. Когда он смотрел, она становилась кривой и как-то провисала или трескалась. Он сказал, что это запомнилось ему так же, как когда болеешь, обращаешь внимание на рисунок на обоях.

- Белая петля, - сказал доктор Фелл. Он посмотрел на Эллиота. - Это немного портит впечатление, мой мальчик, а? “Да, сэр”.

Доктор протяжно шмыгнул носом.

“Очень хорошо. Теперь давайте посмотрим, есть ли во всем этом хоть какие-то намеки на правду. Я приведу вам несколько примеров”.

“Сначала. С самого начала было много разговоров о том, кого били или не били по голове так называемым “моряцким деревянным молотком”. Этот факт вызвал большое любопытство, но очень мало - о самом молотке. Где кто-нибудь раздобыл такое приспособление? Как его вообще можно было достать? Морякам на борту современных механизированных судов от такого предмета было бы мало проку. Я могу вспомнить только одну вещь, соответствующую описанию.”

“Вы, наверное, видели такие молоточки, если пересекали Атлантику. По одному такому молоточку висит на каждой из стальных дверей, которые установлены через равные промежутки вдоль проходов под палубами современного лайнера. Эти стальные двери водонепроницаемы или должны быть таковыми. В

случае бедствия они могут быть закрыты, образуя ряд переборок или отсеков, защищающих от затопления водой. А молоток у каждой двери - мрачное напоминание - предназначен для использования стюардом в качестве оружия в случае паники и панического бегства пассажиров. Как вы помните, “Титаник” славился своими водонепроницаемыми отсеками.”

- Ну и что? - спросил Пейдж, когда доктор замолчал. - И что из этого?

- Вам это ни о чем не говорит?

“нет.”

- Второй момент, - сказал доктор Фелл. - Этот интересный автомат, Золотая ведьма. Выясните, что заставляло автомат работать в семнадцатом веке, и вы узнаете главный секрет этого дела”.

“Но это не имеет никакого смысла!” - воскликнула Мэдлин. “По крайней мере, я имею в виду, что это не имеет никакого отношения к тому, о чем я думала. Я думал, вы думаете о том же, о чем и я, и теперь…

Инспектор Эллиот посмотрел на часы. “Нам придется поторопиться, сэр”, - сказал он ровным голосом, - “если мы хотим успеть на этот поезд и по пути еще заехать на вокзал”.

“Не уходите”, - резко сказала Мэдлин. “Не уходите. Пожалуйста. Вы ведь не станете этого делать, правда, Брайан?”

- Я подумал, что нам следует поговорить об этом, мэм, - сказал ей доктор Фелл очень тихим голосом. - Что именно не так?

- Я боюсь, - сказала Мэдлин. “Наверное, именно поэтому я так много говорил”.

Осознание чего-то необычного в ней и причина этого стали для Брайана Пейджа своего рода шоком:

Доктор Фелл положил сигару на блюдце своей кофейной чашки. Очень осторожно чиркнув спичкой, он наклонился и зажег свечи на столе. Четыре золотистых язычка пламени изогнулись, а затем равномерно разгорелись в теплом неподвижном воздухе; казалось, они парят над свечами, словно лишенные тела. Сумерки снова опустились на сад. В уютном уголке на краю кровати в

глазах Мэдлин отражался свет свечи; они были спокойными, но расширенными. Казалось, что в страхе сквозило ожидание.

Доктор казался встревоженным. “Боюсь, мы не сможем остаться, мисс Дэйн. Мы вернемся завтра, но нам нужно закончить кое-какие дела в городе. И все же, если Пейдж сможет…”

“Ты ведь не бросишь меня, Брайан?” Простите, что я такой дурак и беспокою вас…

- Боже милостивый, конечно, я вас не брошу! - взревел Пейдж, испытывая такое яростное желание защитить, какого он никогда раньше не испытывал. - Я устрою скандал. Я не подпущу тебя дальше, чем на расстояние вытянутой руки, до утра. Не то чтобы тебе было чего бояться.”

“Вы не забыли о дате?”

“О дате?”

“Годовщина. 31 июля. Сегодня вечером, ровно год назад, умерла Виктория Дейли”.

- А еще, - добавил доктор Фелл, с любопытством глядя на них обоих, - это еще и канун Рождества Христова. Такой хороший шотландец, как Эллиот, расскажет вам, что это такое. Это ночь одного из Великих шабашей, и в этот вечер силы из преисподней торжествуют. Хм. Ха. Хорошо. Я веселый зануда, да?”

Пейдж обнаружил, что озадачен, нервничает и злится.

“Так и есть”, - сказал он. “Какой смысл забивать людям головы всякой ерундой? Мэдлин и так достаточно расстроена. Она играла в чужие игры и делала что-то для других людей, пока не выбилась из сил. Что, черт возьми, вы имеете в виду, пытаясь усугубить ситуацию? Здесь нет никакой опасности. Если я увижу, что здесь что-то болтается, я сверну ему шею, а потом спрошу разрешения у полиции.

“прости”. - сказал доктор Фелл. Мгновение он стоял, глядя вниз со своего огромного роста усталыми, добрыми, слегка встревоженными глазами. Затем он взял со стула свой плащ, широкополую шляпу и трость с набалдашником.

- Спокойной ночи, сэр, - сказал Эллиот. - Если я правильно ориентируюсь в местности, мы можем пойти по этой тропинке

налево от сада, пройти через лес и спуститься к Фарнли-Клоуз с другой стороны? Это правильно?

“да.”

- Что ж… э-э… тогда спокойной ночи. Еще раз спасибо вам за все, мисс Дэйн, за очень приятный и поучительный вечер. И просто будьте начеку, мистер Пейдж.

“да. И следите за привидениями в лесу, - крикнул Пейдж им вслед.

Он стоял у французского окна и смотрел, как они идут по саду среди лавров. Ночь была очень теплая, и ароматы сада были густыми и расслабляющими. На востоке, на фоне пологого неба, загорались звезды, но они мерцали тускло, словно искаженные сильной жарой. Беспричинный гнев Пейджа нарастал.

- Кучка старух, - сказал он. - Пытаются…

Он обернулся и увидел, как на лице Мэдлин промелькнула улыбка. Она снова была спокойна, но выглядела раскрасневшейся.

- Прости, что выставляю себя на посмешище, Брайан, - мягко сказала она. - Я знаю, что никакой опасности нет.’

Она получила чаевые. “Извините, я отойду на минутку? Я хочу подняться наверх и припудрить носик. Я не задержусь ни на секунду”.

“Куча пожилых женщин. Пытаюсь…”

Оставшись один, он осторожно закурил сигарету. Спустя очень короткое время он смог посмеяться над собственным раздражением и почувствовал себя лучше. Напротив, вечер наедине с Мэдлин был одной из самых приятных вещей, которые он мог себе представить. Коричневый мотылек промелькнул в окне и устремился к одному из огоньков; он отмахнулся от него и отодвинулся, когда тот пролетел мимо его лица.

Это маленькое пятнышко света свечей было очень успокаивающим и приятным, но с таким же успехом можно было бы дать им побольше света. Он подошел к выключателю. Приглушенные настенные светильники подчеркивали изящество комнаты и узор на ситце. Странно, подумал он, насколько четким

и отчетливым может быть тиканье часов. В комнате их было двое; они не соперничали друг с другом, но каждый из них восполнял те удары, которых недоставало другому, и производил что-то вроде быстрого шелеста. Крошечный маятник одного из них раскачивался взад-вперед таким образом, что привлекал внимание.

Он вернулся к столу и налил себе почти остывшего кофе. Звук его собственных шагов по полу, дребезжание чашки о блюдце, звяканье фарфорового кофейника о край чашки - все эти звуки были такими же отчетливыми, как тиканье часов. Впервые он осознал, что простая пустота - это положительное качество. Его мысли постепенно сменяли друг друга: “Эта комната абсолютно пуста”, “Я один”, “что с того?”

Пустота этого места подчеркивалась ярким светом. Об одном предмете он умолчал, хотя в тот день догадался об одном секрете и подтвердил его, прочитав книгу в своей библиотеке. Там было что-то веселенькое - для Мэдлин, конечно. Этот дом, каким бы опрятным он ни был, был слишком уединенным. Вокруг него на полмили простиралась стена тьмы.

Мэдлин довольно долго пудрила нос. Еще один мотылек залетел в открытое окно и опустился на стол. Занавески и пламя свечей слегка зашевелились. Лучше закройте окна. Он пересек ярко освещенную комнату, остановился у французского окна, выходящего в сад, и замер неподвижно.

В саду, в темноте, за тонкой полоской света, падающего из окон, сидел автомат из Фарнли Клоуз.

Глава 17

Секунд восемь он стоял, глядя на нее, такой же неподвижный, как и сам автомат.

Из окон лился слабый желтый свет. Он тянулся по траве на десять или двенадцать футов, едва касаясь когда-то раскрашенного основания фигуры. Еще более широкие трещины зияли на ее восковом лице; при падении с лестницы она немного наклонилась вбок, и половина ее механических внутренностей исчезла. Пришлось приложить некоторые усилия, чтобы исправить это, натянув истлевшее платье на раны. Старая, разбитая и полуслепая, она злобно смотрела на него из тени лавров.

Ему пришлось заставить себя сделать то, что он сделал. Он

медленно направился к ней, чувствуя, что уходит от освещенных окон дальше, чем нужно. Она была одна, или казалась одинокой. Он заметил, что колеса у нее были починены. Но земля так запеклась от долгой июльской засухи, что колеса почти не оставляли следов на траве. Недалеко слева была гравийная дорожка, на которой следов не должно было остаться.

Затем он поспешил обратно в дом, потому что услышал, как Мэдлин спускается по лестнице.

Он тщательно закрыл все французские окна. Затем поднял тяжелый дубовый стол и перенес его на середину комнаты. Два подсвечника покачнулись. Мэдлин, появившаяся в дверях, застала его за тем, как он накрывал на стол, придерживая одну из них.

“Внутрь залетают мотыльки”, - объяснил он.

“Но не будет ли здесь ужасно душно? Не лучше ли оставить одну…”

- Я сам это сделаю. - Он приоткрыл среднее окно примерно на фут.

- Брайан! С тобой все в порядке, да?

И снова он с поразительной ясностью ощутил тиканье часов, но больше всего - сочувственное присутствие Мэдлин, излучавшей желание быть защищенной. Беспокойство странным образом овладевает людьми. Теперь она не казалась такой отстраненной или самоуничижительной. Ее аура - другого слова не подберешь - наполнила комнату.

Он сказал:

“Боже мой, нет, конечно, все в порядке. Просто мотыльки доставляют неудобства, вот и все. Вот почему я закрыл окна”.

“Может, пройдем в другую комнату?”

Лучше не терять с ним связи. Лучше не позволять ему свободно ходить, куда ему вздумается.

“О, давай останемся здесь и выкурим еще сигарету”. “Конечно”. Как насчет еще кофе?” - Не беспокойтесь.

- Ничего страшного. Все готово на плите.

Она улыбнулась лучезарной улыбкой человека, у которого нервы на пределе, и направилась на кухню. Пока ее не было, он не выглядывал в окно. Казалось, она пробыла на кухне довольно долго, и он отправился на ее поиски. Он встретил ее в дверях, неся в руках кофейник со свежим кофе. Она тихо заговорила.

“Брайан, что-то не так. Задняя дверь открыта. Я знаю, что оставила его закрытым, а Мария всегда закрывает его, когда уходит домой”.

“Мария забыла его”

“да. Если ты так говоришь. О, я веду себя глупо. Я знаю, что веду. Давай выпьем чего-нибудь веселого.”

Она, казалось, проснулась, виновато и в то же время вызывающе рассмеялась, и цвет ее лица стал ярче. В одном из углов комнаты, незаметном, как и у самой Мэдлин, было радио. Она включила его. Потребовалось несколько секунд, чтобы разогреться; затем последовавший за этим громкий шум заставил их обоих вздрогнуть. ,

Она сделала это тише, но переливы танцевального оркестра заполнили комнату, как прибой на пляже. Мелодии звучали как обычно, но слова были немного хуже, чем обычно. Мэдлин прислушалась к ним на мгновение. Затем она вернулась к столу, села и налила им кофе. Они сидели под прямым углом друг к другу, так близко, что он мог бы коснуться ее руки. Она стояла спиной к окнам. Все это время он чувствовал, что снаружи кто-то чего-то ждет. Он задавался вопросом, что бы он почувствовал, если бы к стеклу прижалось разбитое лицо.

Но в то же время его нервы были задеты, а мозг зашевелился. Ему показалось, что он проснулся. Ему показалось, что он впервые начал рассуждать рационально; что путы распались, и мозг освободился от железных оков.

Итак, каковы были факты об этом манекене? Это было мертвое железо, колеса и воск. Сам по себе он был не опаснее кухонного котла. Они изучили его и поняли. Его единственной целью было вселять ужас, цель, которую преследует человек, управляемый твердой рукой.

Он не встал поперек дороги от Фарнли Клоуз, как злобная старуха в инвалидном кресле. Он был принесен сюда, чтобы наводить ужас, и снова это была твердая цель, управляемая

твердой рукой. И ему показалось, что этот автомат вписывается в схему, которую дело приняло с самого начала, и которую он с самого начала должен был увидеть….

“Да”, - сказала Мэдлин, словно подслушав его мысли, - “Давай поговорим об этом. Так было бы лучше, правда”.

“Об этом?”

“Обо всем этом”, - сказала Мэдлин, сжимая руки. - Я… я, возможно, знаю об этом гораздо больше, чем ты думаешь.

Она снова появилась в поле его зрения. Она снова положила ладони на стол, как будто собиралась оттолкнуться. Слабая, испуганная улыбка все еще блуждала по ее глазам и губам. Но она была спокойна, почти кокетлива, и никогда еще не была так убедительна.

- Интересно, знаете ли вы, - сказал он, - о чем я догадался?

- Интересно.

Он не отрывал взгляда от приоткрытого окна. Ему казалось, что он обращается не столько к Мадлен, сколько к чему-то там, снаружи, к чему-то ждущему, чье присутствие окружало дом.

“Наверное, будет лучше выбросить это из головы”, - продолжил он, не отрывая взгляда от окна. “Позвольте мне спросить вас кое о чем. Вы когда-нибудь слышали о здешнем культе ведьм?”

Нерешительность.

“да. До меня доходили слухи. Почему?”

- Речь идет о Виктории Дейли. Вчера я получил основные факты от доктора Фелла и инспектора Эллиота; у меня даже была информация, чтобы их интерпретировать; но мне не хватило ума связать все это воедино. Уже рассвело. Вы знали, что после убийства Виктории ее тело было найдено измазанным веществом, состоящим из сока водяного пастернака, аконита, лапчатки, паслена обыкновенного и сажи?”

“Но для чего? Какое отношение к этому имеют все эти мерзкие твари?”

“Очень большое. Это одна из формул знаменитой мази - вы

наверняка о ней слышали, - которой сатанисты смазывают себя перед отправлением на шабаш.* В ней отсутствует один из первоначальных ингредиентов: плоть ребенка. Но я полагаю, что даже у попыток убийцы достичь реализма есть пределы.”

“Брайан!”

Потому что ему казалось, что картина, которая вырисовывалась из этих коварных и запутанных событий, была похожа не столько на сатаниста, сколько на убийцу.

“О, да, это правда. Я кое-что знаю об этом предмете и не могу представить, почему я не вспомнил об этом с самого начала. Теперь я хочу, чтобы вы подумали об очевидном выводе, который мы можем сделать из этого факта, о выводах, которые доктор Фелл и инспектор сделали давным-давно. Я не имею в виду потакание Виктории или притворное потакание сатанистским практикам. Это и так ясно без всяких умозаключений.”

Медицинский анализ этих мазей приведен в книге Маргарет Элис Мюррей “Культ ведьм в Западной Европе” (Издательство Оксфордского университета, 1921), Приложение V, с.279-280; и Дж. У. Виквар “Колдовство и черная магия” (Герберт Дженкинс, 1925), 36.40. См. также Монтегю Саммерс, “История колдовства и демонологии” (Киган Пол, 1926).

“почему?”

- Проследи за этим. Она использует мазь в канун праздника Ламмас, в ночь одного из великих собраний сатанистов. Она убита в

11.45, а суббота начинается в полночь. Ясно, что она нанесла: эту мазь за несколько минут до того, как убийца настиг ее: Она убита в своей спальне на первом этаже, окно которой широко распахнуто: по традиции именно так сатанисты уходили, или думали, что уходят, на свои сборища.”

Хотя он и не смотрел прямо на нее, ему показалось, что Мэдлин слегка нахмурилась.

“Кажется, я понимаю, к чему ты клонишь, Брайан. Ты сказал, что думал, будто они ушли, потому что…”

“Я подхожу к этому. Но, во-первых, какие выводы мы можем сделать о ее убийце? Самое важное - это то, что независимо от

того, убил ли Викторию Дейли бродяга или нет, в доме в момент убийства или сразу после него находился третий человек.

Мэдлин вскочила на ноги. Он не смотрел на нее, но чувствовал, что ее большие голубые глаза прикованы к его лицу.

“Как же так, Брайан? Я все еще не понимаю этого”.

“Из-за природы мази. Ты представляешь, что может сделать такое вещество?”

“Да, я думаю, что понимаю… это. Но скажите мне.”

“На протяжении шестисот лет, - продолжал он, - было получено огромное количество свидетельств от тех, кто утверждал, что посещал шабаши ведьм и видел присутствие сатаны. Что поражает вас, когда вы читаете это, так это абсолютная искренность, тщательная проработка деталей, с которыми люди описывают вещи, которые никак не могут быть правдой. Мы не можем отрицать, что, исходя из истории, культ сатанистов действительно существовал и был могущественной силой со средних веков до XVII века. У него была организация, столь же тщательно организованная и управляемая, как и у самой Церкви. Но как насчет этих чудесных путешествий по воздуху, этих чудес и призраков, этих демонов и фамильяров, этих инкубов и суккубов?”

“Они не могут быть приняты как факты (во всяком случае, никаким практичным умом); и все же они твердо представлены как факты огромным количеством людей, которые не были сумасшедшими, не впадали в истерику и не подвергались пыткам. Ну, а что может заставить человека поверить, что это факты?”

Мэдлин тихо произнесла: “Аконит и белладонна, или паслен смертоносный”.

Они посмотрели друг на друга.

- Я полагаю, это все объясняет”, - сказал он ей, все еще не отрывая взгляда от окна. “Утверждалось, и я думаю, обоснованно, что в большинстве случаев “ведьма” никогда не покидала своего дома или даже своей комнаты. Она думала, что присутствовала на шабаше в роще. Она подумала, что с помощью магии перенеслась к осквернённому алтарю и нашла там любовника-демона. Она так подумала, потому что двумя основными ингредиентами мази были аконит и белладонна. Вам что-нибудь известно о действии

подобных ядов, втираемых в кожу снаружи?”

- Мой отец изучал здесь юриспруденцию, - сказала Мэдлин. - Я хотела спросить…

“Белладонна, если ее ввести через поры кожи и под ногти, быстро вызовет возбуждение, затем сильные галлюцинации и бред, и, наконец, потерю сознания. Добавьте к этому симптомы, вызываемые аконитом: спутанность сознания, головокружение, нарушение двигательной активности, нерегулярная сердечная деятельность и потеря сознания. Разум, погруженный в описания сатанистских пирушек (на столике у кровати Виктории Дейли лежала книга, посвященная им), сделал бы все остальное. Да, именно так. Я думаю, теперь мы знаем, как она “посещала шаббат” в канун Ламмаса.

Мэдлин провела пальцами по краю стола. Она изучала их. Затем кивнула.

- Да-а. Но даже если предположить, что это было правдой, Брайан? Как это докажет, что в ночь ее смерти в доме был кто-то еще? Кто-нибудь, я имею в виду, кроме Виктории и бродяги, который ее убил?”

“Вы помните, как она была одета, когда было найдено тело?

“конечно. Ночная рубашка, пеньюар и тапочки.”

- Да, когда было найдено тело. В этом-то все и дело. Новая ночная рубашка, не говоря уже о роскошном халате, поверх липкой, маслянистой мази цвета сажи? Острое недомогание и необычные следы после этого? Халат для шабаша? Костюм для шабаша состоял из самых простых тряпок, которые не стесняли движений и не мешали мази, если он вообще состоял из какого-либо костюма.

“Разве ты не видишь, что произошло? Женщина впадала в беспамятство в темном доме. Бедняга-изгой, увидев темный дом и открытое окно, подумал, что нашел легкую лазейку, которую легко взломать. То, что он увидел, было женщиной, которая проснулась и кричала в бреду: и, должно быть, это было скорее пугающее видение, которое поднялось перед ним из постели или с пола. Он потерял голову и убил ее.

“Тот, кто страдал бредом от этой мази, не мог и не стал бы надевать ночную рубашку, халат и тапочки. Убийца не стал бы

надевать их на нее. Его прервали и погнались за ним, прежде чем он закончил свою работу.

Но там был кто-то еще. в темном доме. Виктория Дейли лежала там мертвая, с мазью на теле и в странном наряде, который вызвал бы настоящий скандал, когда ее тело было найдено. Некоторые умники могли бы даже догадаться, что произошло. Чтобы избежать обнаружения, этот третий человек прокрался в спальню до того, как кто-либо увидел тело. (Помните? Двое мужчин, которые услышали крики, увидели, как убийца выбрался из окна, и бросились в погоню; они вернулись только через некоторое время). Затем этот третий человек снял с Виктории все "ведьмины одежды" и благопристойно одел тело в ночную рубашку, пеньюар и тапочки. Вот и все. Вот и все. Вот что произошло на самом деле.

Его сердце бешено колотилось. Мысленные образы, которые так долго скрывались, были такими четкими, что он понял, что был прав. Он кивнул в сторону Мэдлин.

"Ты знаешь, что это правда, не так ли?"

"Брайан! Откуда я мог это знать?"

"Нет, нет, ты не понимаешь. Я имею в виду, что ты так же уверен, как и я, не так ли? Это предположение, над которым Эллиот работал все это время".

Она долго молчала, прежде чем ответить.

- Да, - призналась она, - я так и думала. По крайней мере, я так думала до сегодняшнего вечера, когда намеки доктора Фелла, казалось, ни в малейшей степени не совпадали с моими идеями, о чем я ему и сказала. К тому же, это, похоже, тоже не вяжется с тем, что они думают. Помните, вчера он сказал, что в округе нет культа ведьм?

"Значит, так оно и есть".

"Но вы только что объяснили..."

"Я объяснил, что сделал один человек. Один человек, и только один. Помните, доктор Фелл сказал нам это вчера. `Все, от психической жестокости до убийства, является делом рук одного человека". И, скажу вам откровенно, сатанизм сам по себе является честным и прямолинейным бизнесом по сравнению с

интеллектуальными удовольствиями, изобретенными определенным человеком". Соедините все эти слова вместе, приведите их в соответствие. Моральная жестокость, плюс интеллектуальные удовольствия, плюс смерть Виктории Дейли, плюс смутные и неопределенные слухи о колдовстве среди - как мне сказал Эллиот - местной знати".

"Интересно, что побудило этого человека заняться этим? Чистая скука? Скука от жизни, абсолютная и простая, проистекающая из неспособности проявлять интерес к обычным вещам? Или это склонность, унаследованная с детства, скрытая, но всегда растущая и питающаяся тайными вещами?

- К чему? - воскликнула Мадлен. - Именно это я и пытаюсь выяснить. Что нужно сделать?

Позади нее кто-то постучал рукой по оконному стеклу со зловещим звуком, похожим на царапанье.

Мэдлин закричала. От этого стука или удара приоткрытое окно почти закрылось, и оно с тихим звоном задребезжало, ударившись о раму. Пейдж заколебался. Звуки танцевального оркестра все еще наполняли комнату. Затем он подошел к окну и распахнул его настежь.

Глава 18

ДОКТОР ФЕЛЛ И инспектор Эллиот не успели на поезд. Они не успели на него, потому что, когда они прибыли в Фарнли Клоуз, им сказали, что Бетти Харботтл проснулась и может поговорить с ними.

По пути через фруктовый сад и лес они почти не разговаривали. То, что они говорили, тоже могло показаться непонятным постороннему слушателю. Но это имело решающее значение для событий, которые должны были произойти всего час или два спустя, когда один из самых коварных убийц, известных доктору Феллу, был пойман в ловушку (возможно, преждевременно).

В лесу было душно и темно. В свете звезд листья казались густым узором; луч фонарика Эллиота падал впереди на голую землю, делая зелень призрачной. Из мрака позади дома доносились два голоса: резкий тенор инспектора и хриплый бас доктора Фелла.

"И все же, сэр, мы приблизились к доказательству этого".

“Я думаю, да. Я надеюсь, что это так. Если я правильно понял характер одного человека, он предоставит нам все необходимые доказательства”.

“А если ваше объяснение сработает?”

- Хм, да. Если получится. Я сделал это из палок, камней, тряпок и костей, но оно должно сослужить свою службу.

- Как вы думаете, есть ли какая-нибудь опасность, - Эллиот, казалось, мотнул головой через плечо в сторону дома Мэдлин, - там, сзади?

Доктор Фелл помолчал, прежде чем ответить, пока их шаги шуршали среди папоротников.

- Черт возьми, хотел бы я знать! Хотя вряд ли я так думаю. Подумайте о характере убийцы. Под этой приятной внешностью скрывается хитрая, как у манекена, голова с трещинами - такая же, как у манекена раньше. Но уж точно не легендарный монстр, собирающийся усеять все вокруг трупами. Совсем не монстр. Умеренный убийца, мой мальчик. Когда я думаю о том, сколько человек, по всем законам прогрессивного расследования убийств, должны были быть убиты в этом случае, у меня мурашки по коже.’

- Нам известны случаи, когда убийца, тщательно подготовившись к своему первоначальному преступлению, впадал в бешенство и начинал уничтожать людей повсюду. Это похоже на то, как доставать оливки из бутылки: с первой у тебя бесконечные проблемы, а остальные рассыпаются по всему столу. На самом деле, кажется, никто не обращает на них особого внимания. Этот убийца - человек, мой мальчик. Я, как вы понимаете, не восхваляю убийцу за его спортивную сдержанность и хорошие манеры воздерживаться от убийства людей. Но, боже мой, Эллиот, люди, которые с самого начала подвергались опасности! Бетти Харботтл, возможно, была убита. Некая дама, о которой мы знаем, возможно, была убита. У меня с самого начала были опасения за безопасность одного человека. И ни один из них не пострадал. Это тщеславие? Или что?

В молчании они вышли из леса и спустились с холма. На Фарнли-Клоуз горело всего несколько огней. Они прошли через часть сада, расположенную на противоположной стороне от места, где было совершено убийство, и подошли к входной двери. Их встретил подавленный Ноулз.

- Леди Фарнли удалилась, сэр, - сказал он. - Но доктор Кинг просил меня передать, что хотел бы, чтобы вы, джентльмены, поднялись к нему наверх, если не возражаете.

- Это Бетти Харботтл?.. Эллиот остановился. - Да, сэр. Я так думаю.

Эллиот насвистывал сквозь зубы, пока они поднимались по лестнице в тускло освещенный коридор между Зеленой комнатой и спальней, где лежала девушка. Доктор Кинг задержал их на мгновение, прежде чем они вошли.

- Послушайте, - сказал Кинг в своей обычной резкой манере. - Пять минут, может быть, десять, не больше. Я хочу вас предупредить. Вы увидите, что она говорит так спокойно и непринужденно, как будто речь идет о поездке на автобусе. Но пусть это вас не обманывает. Это часть реакции, и она приняла дозу морфия. Вы также заметите, что у нее острый взгляд и она довольно сообразительна; любопытство всегда было главной чертой Бетти, так что не начинайте ее слишком увлекать советами и общей болтовней. Это понятно? Тогда ладно. Заходите.

Миссис Эппс, экономка, выскользнула из комнаты, когда они вошли. Это была большая комната, в которой были все глобусы. освещенная старомодной люстрой. Комната не производила впечатления: на стенах висели большие старомодные фотографии Фарнли в рамках, и… на туалетном столике стоял целый зверинец из фарфоровых зверушек. Кровать была черной, квадратной и бескомпромиссной. Оттуда Бетти наблюдала за ними со смутным интересом.

У нее было одно из тех лиц, которые называют “яркими”, с очень прямыми коротко подстриженными волосами. Ее бледность и слегка запавшие глаза были единственными признаками болезни. Казалось, она была рада их видеть, а не наоборот; и единственной вещью или человеком, который, казалось, заставлял ее чувствовать себя неуютно, был доктор Кинг. Ее руки медленно разгладили покрывало.

Доктор Фелл улыбнулся ей. Его присутствие придавало комнате уют.

- Здравствуйте, - сказал он.

- Здравствуйте, сэр, - сказала Бетти, стараясь казаться веселой.

- Вы знаете, кто мы такие, моя дорогая? И почему мы здесь?

- О, да. Вы хотите, чтобы я рассказала вам, что со мной произошло?"

"А вы можете?"

"Я не возражаю", - уступила она.

Она уставилась на изножье кровати. Доктор Кинг достал свои часы и положил их на туалетный столик.

- Ну, я не знаю, как тебе сказать, вряд ли. Я поднялась туда за яблоком, - Бетти, казалось, внезапно передумала. Она поерзала в постели. - Нет, я этого не делала! - добавила она.

- Ты этого не делал?

- Я пошел туда не за яблоком. Когда я поправлюсь, моя сестра заберет меня отсюда (я тоже собираюсь провести отпуск в Гастингсе), поэтому я вам расскажу. Я пошел туда не за яблоком. Я часто поднимался наверх, чтобы посмотреть, нельзя ли мне взглянуть, что там в шкафу, в запертом шкафу.

В ее тоне не было ни капли вызова: она была слишком вялой, чтобы быть вызывающей: она просто говорила правду, как будто находилась под воздействием не столько морфия, сколько скополамина.

Доктор Фелл выглядел крайне озадаченным. "Но почему вас должен интересовать запертый шкаф?"

"О, все о нем знают, сэр. Кто-то им пользовался".

"Пользовался?"

"Сидел там наверху с зажженной лампочкой. В крыше есть маленькое окошко, похожее на слуховой люк. Ночью, если вы стоите немного в стороне от дома и внутри горит свет, вы можете увидеть его на фоне крыши. Все знают об этом, хотя нам не положено об этом знать. Даже мисс Дейн знает об этом. Однажды вечером я был у мисс Дейн дома, передавал ей посылку от сэра Джона и собирался вернуться к Карте.Мисс Дейн спросила меня, не боюсь ли я просматривать Карту после наступления темноты. Я сказал: "О, нет, возможно, я должен увидеть свет на крыше, и это того стоило". Я сказал это в шутку, потому что свет всегда

был на южной стороне, а путь по карте ведет на северную сторону. Мисс Дэйн рассмеялась, обняла меня за плечи и спросила, был ли я единственным, кто это видел. Я ответил, что нет, все видели, потому что видели мы. Кроме того, нас всех интересовала эта машина, похожая на граммофон, эта кукла…

Выражение ее глаз слегка изменилось.

Последовала пауза.

“Но кто “пользовался” комнатой?”

“Ну, в основном они говорили, что это был сэр Джон. Агнес видела, как однажды днем он спускался с чердака, с мокрым от пота лицом и чем-то вроде собачьей плети в руке. Я спросила, ты бы тоже вспотел, если бы сидел в таком же месте, как это, за закрытой дверью. Но Агнес сказала, что он выглядел не совсем так.

“В любом случае, моя дорогая, ты не расскажешь нам, что произошло вчера? Эй?”

Резко вмешался доктор Кинг. “Две минуты, ребята”.

Бетти выглядела удивленной.

“Я не возражаю”, - ответила она. “Я поднялась туда, чтобы взять яблоко. Но на этот раз, когда я проходила мимо двери маленькой комнаты, я увидела, что висячий замок не заперт. Висячий замок был открыт и висел на скобе. Дверь была закрыта, но между дверью и косяком что-то застряло, чтобы она не закрывалась”.

“Что ты сделал?”

“Я пошел и взял яблоко. После этого я вернулся, посмотрел на дверь и начал есть яблоко. Потом я снова пошла в яблочную комнату и, наконец, вернулась, решив, что все-таки посмотрю, что там внутри. Но мне не хотелось этого так сильно, как обычно.”

“почему нет?”

- Потому что там был какой-то шум, или мне так показалось. Какой-то дребезжащий звук, как будто заводят старинные часы, но не очень громкий”.

“Вы помните, который был час, Бетти?”

“Нет, сэр. Не совсем так. Было больше часа ночи, может быть, четверть первого или даже больше”.

“Что вы сделали потом?”

“Я быстро подошел к двери, пока не решил, что лучше этого не делать, и открыл ее. Предмет, который не давал ей закрыться, был перчаткой. Вы знаете, сэр, она застряла в двери”.

“Мужская перчатка или женская?”

“Думаю, мужская. На ней было масло или пахло маслом. Она упала на пол. Я вошел внутрь. Я увидел там старую машину, немного повернутую ко мне боком. Я не хотел смотреть на нее еще раз: не то чтобы там было очень хорошо видно. Но как только я вошел внутрь, дверь очень тихо закрылась, и кто-то накинул на дверь цепочку, и я услышал, как снаружи щелкнул висячий замок, так что, как видите, я был заперт”.

“Спокойно!” - резко сказал врач. Он взял с туалетного столика свои часы.

Бетти теребила бахрому покрывала. Доктор Фелл и инспектор переглянулись; красное лицо доктора Фелла было серьезным.

“Но… с тобой все еще все в порядке, Бетти?- кто там был? Кто был в маленькой комнате?”

“Никого. Никого, кроме старой машины. Совсем никого”.

“Ты в этом уверена?”!

“О, да”.

“Что ты сделал?”

“Я ничего не делал. Я боялся окликнуть и попросить, чтобы меня выпустили. Я боялся, что меня уволят. Было еще не совсем темно. Я стоял там и ничего не делал, наверное, с четверть часа. И никто другой тоже ничего не делал: я имею в виду, что машина ничего не делала. Вскоре я начал отодвигаться от него и отодвинулся как можно дальше, потому что он начал обнимать меня”.

Доктор Фелл клянется, что если бы в этот момент в пепельницу упал хотя бы пепел с сигары, его было бы слышно. Эллиот услышал, как воздух вырвался из его собственных ноздрей.

Эллиот сказал::

“Она двигалась, Бетти? Машина двигалась?”

“Да, сэр. Она двигала своими рычагами. Они двигались медленно, как и тело, оно как бы наклонялось ко мне и издавало шум, когда двигалось. Но это было не то, что меня так сильно беспокоило. Я, казалось, ничего не почувствовал, потому что простоял там с этим уже четверть часа. Что. Я обратил внимание на его глаза. У него не было глаз на нужном месте. В юбке, прямо у колен старого манекена, были глаза, и они смотрели на меня снизу вверх. Я видел, как они двигались. Я не очень против них. Думаю, я к ним привыкну. В тот момент я больше ничего об этом не помню; должно быть, я упала в обморок или что-то в этом роде; но сейчас это за дверью, - продолжала Бетти, абсолютно не меняя выражения лица и тона, кивая на дверь.

“Я бы хотела поспать”, - добавила она жалобным тоном.

Доктор Кинг выругался себе под нос.

“Ну вот и все”, - сказал он. “Теперь уходите”. Нет, с ней все будет в порядке, но вы уходите”.

- Да, - согласился Эллиот, глядя в закрытые глаза Бетти, - я думаю, так будет лучше.

Они вышли с виноватой тишиной, и Кинг изобразил пантомиму, хлопнув за ними дверью. - Надеюсь, - пробормотал он, - вам поможет обычный бред. - По-прежнему не разговаривая, доктор Фелл и инспектор прошли в темно-зеленую комнату. Она была обставлена как рабочий кабинет в тяжелом старинном стиле, а в окна проникали прямоугольники звездного света. Они перешли на другую сторону и остановились у одного из окон.

- Это все, сэр? Даже если оставить в стороне… э-э-э… ответы на запросы?

“да. Это все решает.

- Тогда нам лучше отправиться в город и…

“Нет”, - сказал доктор Фелл после долгой паузы. “Я не думаю, что в этом будет необходимость. Я думаю, нам лучше провести эксперимент сейчас, пока металл горячий. Посмотрите туда!”

Сад внизу четко вырисовывался на фоне темноты. Они увидели лабиринт живых изгородей с белесыми дорожками, расчищенное пространство вокруг бассейна и белые пятна водяных лилий. Но они смотрели не на это. Кто-то, неся в руках предмет, узнаваемый даже при таком освещении, проскользнул под окнами библиотеки и завернул за южный угол дома.

Доктор Фелл перевел дыхание. Неуклюже пройдя через комнату к центральному светильнику, он включил лампу и развернулся, взмахнув широким пологом плаща.

“Психологически, как мы привыкли говорить, - сказал он Эллиоту с сардонической сухостью, - сегодня та самая ночь. Сейчас самое время, чувак. Сейчас, или мы можем потерять все преимущество. Собери их вместе, говорю тебе! Я бы хотел немного объяснить, как можно убить человека, когда он один в круге из песка; а потом мы можем помолиться, чтобы Старина Ник пришел и забрал свое. Эй?”

Их прервало негромкое покашливание, и в комнату вошел Ноулз.

- Прошу прощения, сэр, - обратился он к доктору Феллу. - Здесь мистер Мюррей, и он хочет вас видеть, джентльмены. Он говорит, что уже некоторое время ищет вас.

- Так это он? - осведомился доктор Фелл со свирепой любезностью. Доктор просиял и встряхнул своей накидкой. - Он сказал, что хотел?

Ноулз заколебался. - Нет, сэр. То есть… - Ноулз снова заколебался. - Он говорит, что чем-то обеспокоен, сэр. Он также желает видеть мистера Берроуза. И, что касается этого…

“Говори, парень! Что у тебя на уме?”

“Хорошо, сэр, могу я спросить, получила ли мисс Дейн автомат?”

Инспектор Эллиот резко отвернулся от окна.

- Получила ли мисс Дэйн автомат? Какой автомат? И что с ним?

- Вы знаете, кто это, сэр, - ответил Ноулз с виноватым выражением лица, которое (если бы оно было сделано менее гладко) могло бы сойти за ухмылку. “Мисс Дейн позвонила сегодня днем и спросила, нельзя ли прислать ей домой этот автомат сегодня вечером. Мы… э–э-э… мы подумали, что это

странная просьба, но мисс Дейн сказала, что к ней придет джентльмен, эксперт по таким вещам, и она хотела, чтобы он хорошенько на это посмотрел.

- Итак, - бесстрастно произнес доктор Фелл. - Она пожелала, чтобы он как следует на него посмотрел.

- Да, сэр. Макнил (это садовник) починил колесо, и я велел привезти его на тележке. Макнил и Парсонс сказали, что в то время у мисс Дэйн никого не было дома, поэтому они отнесли его в угольный склад. Затем… э–э… мистер Берроуз приехал сюда и выразил недовольство тем, что оно пропало. Он также знает джентльмена, который является экспертом в таких вещах.

- Какой популярной становится эта ведьма к старости, - проворчал доктор Фелл, и в его голосе послышалось то ли удовольствие, то ли нет. “Как прекрасно проводить свои дни в окружении толпы поклонников. - Клянусь громом, как прекрасно! Идеальная женщина, благородно сложенная, умеющая предупреждать, утешать и повелевать. Холодные веки, скрывающие, как драгоценный камень, твердые глаза, которые на час становятся мягкими - ого!” Он остановился. “А мистер Мюррей тоже интересуется автоматом?”

“Нет, сэр. Насколько я знаю, нет”.

“А жаль. Что ж, проводите его в библиотеку. Он чувствует себя там как дома. Один из нас вот-вот выйдет из строя. И что, - добавил он, обращаясь к Эллиоту, когда Ноулз ушел, - ты думаешь об этом маленьком маневре?

Эллиот потер подбородок. “я не знаю. Но, похоже, это не вяжется с тем, что мы видели. В любом случае, для меня было бы неплохо вернуться в Монплезир как можно скорее”.

“Я согласен. Полностью.”

- Бертон должен быть здесь с машиной. Если он здесь, я смогу добраться по дороге за три минуты. Если его нет…

Его не было. Что за сбой произошел с весами или ночью, Эллиот не знал. Он также не смог забрать машину из гаража, двери которого были (что весьма показательно) заперты. Эллиот отправился в Монплезир по тропинке через лес. Последнее, что он увидел перед тем, как покинуть дом, был доктор Фелл, спускающийся по главной лестнице, ступенька за ступенькой

опираясь на свою трость с набалдашником в виде костыля; и на лице доктора Фелла было выражение, которое очень редко можно увидеть на нем.

Инспектор Эллиот сказал себе, что у него нет причин спешить. Но, когда он поднимался по висящей на стене таблице, он обнаружил, что идет быстро. Да и окружающая обстановка ему не особенно нравилась. Он знал, что они больше не были легковерными жертвами серии хитроумных розыгрышей, которых следовало опасаться не больше, чем черного Януса на чердаке. Розыгрыш в лучшем случае был неприятным, а в худшем - убийственным, но это был не более чем розыгрыш.

И все же, даже ускоряя шаг, он продолжал водить лучом своего электрического фонарика из стороны в сторону. Что-то шевельнулось в нем, что было заложено в его крови и расе. С детства он искал слово, чтобы описать нынешние события, и нашел его. Слово было “языческий”.

Он не ожидал, что что-то произойдет. Он знал, что в нем не будет необходимости.

И только когда он почти выбрался из леса, раздался выстрел.

Глава 19

БРАЙАН ПЕЙДЖ СТОЯЛ у открытого французского окна и смотрел в сад. После этого стука он, как обычно, был готов ко всему, кроме пустоты. И ничего не произошло - или так ему показалось.

Автомат исчез. В тусклом свете, почти лишившем траву ее цвета, едва виднелись следы колес в тех местах, где лежало железо. Но наличие или отсутствие этого мертвого металла ничего не значило; кто-то или что-то постучало в окно. Он перешагнул через подоконник.

“Брайан”, - тихо спросила Мэдлин, - “Куда ты идешь?”

“Просто хотела узнать, кто к нам зашел или только собирался зайти.

“Брайан, не выходи туда. Пожалуйста.” Она подошла ближе, и ее голос был полон настойчивости. - Я никогда раньше не просил тебя что-либо для меня делать, не так ли? Что ж, я прошу тебя сделать что-нибудь сейчас. Не ходи туда. Если ты это сделаешь,

я… ну, я не знаю, что именно я сделаю, за исключением того, что тебе это не понравится. Пожалуйста! Зайди и закрой окно, ладно? Видишь, я знаю".

"Знаю".

Она кивнула в сторону сада. - То, что только что стояло там, а теперь его там нет. Я увидела это через заднюю дверь, когда была на кухне. Я не хотела тебя беспокоить, на случай, если ты этого не заметил, хотя я… я была уверена, что ты это заметил. - Она провела руками по лацканам его пальто. - Не ходи туда. Не лезь за этим. Это то, чего оно от тебя хочет.

Он посмотрел на нее сверху вниз, на умоляющие глаза и вздернутый изгиб короткой шеи. Несмотря на то, что он думал и чувствовал в тот момент, он говорил с какой-то страстной отстраненностью.

- Он сказал:

"Из всех необычных мест для того, чтобы сказать то, что я собираюсь сказать, это самое необычное. Из всех неподходящих моментов для того, чтобы сказать то, что я собираюсь сказать, это самый неподходящий. Я настаиваю на этом, потому что мне нужно как-то использовать превосходную степень, чтобы выразить свои чувства, и я имею в виду, что я люблю тебя".

- Значит, в кануне Рождества есть что-то хорошее, - сказала Мэдлин и приоткрыла рот.

Проблема в том, насколько глубоко в рассказах о насилии может быть выражено то, что он думал и говорил тогда. И все же, без насилия, которое происходило по краям освещенного окна, возможно, он никогда бы не узнал и не услышал того, что узнал и услышал тогда. Его это не волновало. Его волновали другие вопросы: парадокс в том, насколько далеким и загадочным выглядит любимое лицо именно потому, что оно ближе, странная химия поцелуя с Мэдлин, которая изменила его жизнь и в реальность которой он до сих пор не мог поверить. Ему хотелось громко закричать от радости, и после долгих минут, проведенных у окна, он это сделал.

- О боже, Брайан, почему ты никогда не говорил мне об этом раньше? - воскликнула Мэдлин, которая то смеялась, то плакала. "Я не должен ругаться! Мой моральный облик плачевно падает. Но почему ты никогда не говорил мне об этом раньше?"

“Потому что я не понимал, как я могу тебя заинтересовать”. Я не хотел, чтобы ты смеялся”.

- Ты думал, я буду смеяться?

- Честно говоря, да.

Она обняла его за плечи и, запрокинув голову, изучала его. Ее глаза с любопытством блестели.

- Брайан, ты ведь любишь меня, не так ли?

- Я уже несколько минут пытаюсь это прояснить. Но у меня нет ни малейших возражений против того, чтобы начать все сначала. Это…

- Такая старая дева, как я…

- Мэдлин, - сказал он, - что бы ты ни делала, не употребляй это слово “старая дева”. Это одно из самых уродливо звучащих слов в нашем языке. Это означает что-то среднее между `веретеном” и `уксусом”. Чтобы описать вас должным образом, необходимо…

Он снова заметил любопытный блеск в ее глазах.

“Брайан, если ты действительно любишь меня (ты действительно любишь?), тогда… я могу тебе кое-что показать, не так ли”

В саду послышался звук шагов по траве. Ее тон был странным, настолько странным, что заставил его задуматься, но времени размышлять об этом не было. Услышав шорох шагов, они быстро отошли друг от друга. Среди лавров появилась фигура и стала приближаться. Это была худощавая узкоплечая фигура, походка которой была чем-то средним между быстрым шагом и неуклюжей походкой; после чего Пейдж с облегчением увидел, что это всего лишь Натаниэль Берроуз.

Берроуз, казалось, не знал, сохранять ли ему выражение лица, похожее на лицо палтуса, или улыбнуться. Казалось, он с трудом справлялся с этими двумя задачами, но лицо его исказилось от дружелюбия. Его большие очки в стеклянной оправе были серьезными. Его продолговатое лицо, обладавшее неподдельным обаянием, когда он решал проявить его, сейчас демонстрировало лишь часть этого обаяния. Его очень правильный котелок был надет под несколько щегольским углом.

- Тсс! Цок!" - было его единственным комментарием с улыбкой. - Я пришел, - любезно добавил он, - за автоматом.

"Тот самый?.." Мэдлин удивленно посмотрела на него. - Автомат?

- Тебе не следует стоять у окон, - строго сказал Берроуз. - Это нарушает твое душевное равновесие, когда к тебе приходят посетители. Тебе тоже не следует стоять у окон, - добавил он, взглянув на Пейджа. - Пустышка, Мэдлин. Пустышка, которую ты позаимствовала сегодня днем в "Фарнли Клоуз".

Пейдж повернулась, чтобы посмотреть на нее. Она смотрела на Берроуза, заливаясь краской.

- Нэт, о чем, черт возьми, ты говоришь? Пустышка, которую я позаимствовал? Я никогда ничего подобного не делал.

- Моя дорогая Мэдлин, - ответил Берроуз, широко разводя руки в перчатках и снова соединяя их. - Я еще не поблагодарил вас должным образом за всю ту хорошую работу, которую вы проделали для меня на следствии. Но черт возьми!" Тут он искоса взглянул на нее поверх очков. "Ты звонила и просила привезти этот болванчик сегодня днем. Макнил и Парсонс привезли его. Сейчас он в угольной мастерской.

- Ты, должно быть, совсем спятил, - сказала Мэдлин высоким удивленным голосом.

Берроуз, как обычно, был рассудителен. - Ну, это так. Это самый лучший ответ. Я не могла заставить кого-нибудь услышать в передней части дома. Я приехал сюда, но… э–э… так и не смог добиться, чтобы кто-нибудь услышал. Моя машина стоит на главной дороге. Я поехал за автоматом. Не представляю, зачем он вам понадобился, но вы не будете очень возражать, если я возьму его с собой? Я пока не совсем понимаю, как это вписывается в общую картину. Однако, после того, как мой эксперт посмотрит на это, возможно, у меня появится идея".

Угольный шкаф был встроен в стену немного левее кухни. Пейдж подошел и открыл дверь. Там был автомат. Он едва различал его очертания.

- Видишь? - спросил Берроуз.

- Брайан, - в отчаянии воскликнула Мэдлин, - ты поверишь, что я никогда не делала ничего подобного? Я никогда не просил, чтобы

эту вещь присылали сюда, и не думал об этом, ничего подобного. С какой стати я должен это делать?”

“Конечно, я знаю, что ты этого не делала”, - сказал ей Пейдж. “Кажется, кто-то совсем сошел с ума”.

“Почему бы вам не зайти внутрь?” - предложил Берроуз. “Я хотел бы немного поговорить с вами обоими об этом. Просто подождите минутку, пока я включу габаритные огни своей машины”.

Двое других вошли внутрь, где посмотрели друг на друга. Музыка по радио прекратилась, вместо нее кто-то разговаривал, на какую-то тему, Пейдж не помнит, и Мэдлин выключила телевизор. Казалось, Мэдлин была охвачена какой-то реакцией.

“Это нереально”, - сказала она. “Это иллюзия. Нам это снится. По крайней мере, я надеюсь, что все, кроме части этого. - И она улыбнулась ему. “Ты хоть представляешь, что происходит?”

Что касается того, что произошло через несколько секунд после этого, Пейдж все еще в замешательстве. Он помнит, что взял ее за руку и открыл рот, чтобы заверить ее, что ему совершенно наплевать на то, что произошло, при условии, что те минуты у окна не были иллюзией. Они оба услышали взрыв со стороны

сада позади. Это был ровный, рвущийся звук. Он был достаточно громким, чтобы заставить их подпрыгнуть. И все же казалось, что он не имеет к ним никакого отношения, что он где-то далеко от них, несмотря на то, что какой-то резкий звук донесся до их ушей, и один из часов остановился.

Одни из часов остановились. Слух Пейджа уловил это, в то же время его глаза заметили маленькое круглое отверстие в оконном стекле, испещренное тонкой паутинкой трещин. Затем стало ясно, что часы остановились, потому что в них застряла пуля.

Другие часы продолжали тикать.

- Отойди от окна, - сказал Пейдж. - Этого не может быть, я в это не верю, но кто-то стреляет в нас из сада. Куда, черт возьми, запропастился Нат?

Он подошел и выключил свет. Свечи остались на месте, и он задул их как раз в тот момент, когда вспотевший Берроуз, нахлобучив шляпу поглубже на голову, низко пригнулся и выглянул в окно, словно в поисках спасения.

- Там кто-то есть… - начал Берроуз странным голосом.

“да. Мы это заметили”.

Пейдж повел Мэдлин через всю комнату. Он рассчитал, исходя из положения пули в часах, что, если бы она была на два дюйма левее, она попала бы Мэдлин в голову, как раз над этими маленькими кудряшками.

Больше выстрелов не последовало. Он услышал испуганное дыхание Мэдлин и медленное, прерывистое дыхание Берроуза, доносившееся с другого конца комнаты. Берроуз стоял в последнем из окон: был виден только его начищенный ботинок, когда он напрягся там.

- Знаешь, что, по-моему, произошло? Спросил Берроуз:

- Ну? .

- Хочешь, я покажу тебе, что, по-моему, произошло?

- Продолжай!

- Подожди, - прошептала Мэдлин. - Кто бы это ни был, послушай!

Берроуз, вздрогнув, высунул голову, как черепаха, из-за окна. Пейдж услышал оклик в саду и открыл дверь. Это был голос Эллиота. Он выскочил на улицу и встретил инспектора, за которым было легко проследить, как он бежал по траве от фруктового сада. В полумраке лицо Эллиота было непроницаемым, когда он слушал рассказ Пейджа; кроме того, его манеры были предельно официальными.

“Да, сэр”, - сказал он. “Но я думаю, что теперь вы можете включить свет. Я не думаю, что вас снова побеспокоят”.

“Инспектор, вы что, ничего не собираетесь делать?” требовательным голосом спросил Берроуз. - Или вы привыкли к такого рода вещам в Лондоне? Уверяю вас, мы не привыкли. Он вытер лоб тыльной стороной руки в перчатке. - Разве вы не собираетесь обыскать сад? Или фруктовый сад? Или откуда был произведен выстрел?”

“Я сказал, сэр, - повторил Эллиот деревянным голосом, - что не думаю, что вас снова побеспокоят”.

“Но кто это сделал? Какой в этом был смысл?”

- Дело в том, сэр, - сказал Эллиот, - что этой чепухе пора положить конец. На пользу. У нас немного изменились планы. Я думаю, если вы не возражаете, я бы хотел, чтобы вы все вернулись к завершению вместе со мной - на всякий случай, вы понимаете. Боюсь, мне придется оформить просьбу как приказ.”

- О, никто не возражает, - бодро сказал Пейдж, - хотя, казалось бы, для одного вечера у нас и так было достаточно волнений.

Инспектор улыбнулся так, что это немного ободрило его.

- Я думаю, вы ошибаетесь, - сказал он. “Сегодня вечером вы не видели ничего похожего на оживление. Но вы увидите, мистер Пейдж. Я обещаю, что увидите. У кого-нибудь есть машина?”

Это тревожное предположение не покидало их, пока Берроуз вез их всех в Фарнли Клоуз. Все попытки расспросить инспектора были бесполезны. На настойчивые требования Берроу забрать автомат с собой Эллиот ответил только, что на это нет времени и в этом нет необходимости.

Ноулз с обеспокоенным видом допустил их до Конца. Центр напряженности находился в библиотеке. Там, как и две ночи назад, зияющая корона электрических лампочек под потолком отражалась в стене, состоящей из окон. На стуле, который раньше занимал Мюррей, сидел доктор Фелл, а Мюррей - напротив него. Доктор Фелл опирался рукой на трость, а его нижняя губа выпячивалась над подбородком. Эхо эмоций донеслось до них, как только дверь библиотеки открылась. Доктор Фелл только что закончил говорить, и Мюррей дрожащей рукой прикрыл глаза.

- А, - сказал доктор с сомнительной любезностью. - Добрый вечер, добрый вечер, добрый вечер! Мисс Дэйн. мистер Берроуз. Мистер Пейдж. Хорошо. Боюсь, мы завладели этим домом недостойным образом, но что-то сделало это необходимым. Очень важно собраться для небольшой конференции. За мистером Уэлкином и мистером Гором были отправлены курьеры. Ноулз, не пригласите ли вы леди Фарнли присоединиться к нам? - Нет, не уходите сами, пришлите горничную; я бы предпочел, чтобы вы остались здесь. А пока мы могли бы обсудить некоторые вопросы.”

Тон его голоса был таким, что Натаниэль Берроуз заколебался, прежде чем сесть. Берроуз резко поднял руку. Он не смотрел на Мюррея.

- Мы не можем двигаться так быстро, - возразил Берроуз. - Остановитесь! Есть ли в этой дискуссии что-нибудь, что может… э-э… вызвать споры?

“Есть”.

Берроуз снова заколебался. Он даже не взглянул в сторону Мюррея, но Пейдж, изучая их, почувствовал укол жалости к Мюррею, сам не зная почему. Учитель выглядел измученным и старым.

“ой! И что же мы собираемся обсудить, доктор?”

“Характер определенного человека”, - сказал доктор Фелл. “Вы, наверное, догадываетесь, кто это”.

- Да, - согласился Пейдж, едва ли осознавая, что говорит вслух. - Человек, который посвятил Викторию Дейли в тонкости колдовства.

Поразительно, подумал он, какой эффект произвело это название. Достаточно было произнести слова “Виктория Дейли”, как от талисмана, и все шарахались от него; казалось, перед ними открывались новые перспективы, которые никому не нравились. Доктор Фелл, слегка удивленный, но заинтересованный, обернулся и, моргая, посмотрел на него.

- А-а! - сказал доктор, одобрительно пыхтя. - Значит, вы догадались.

- Я пытался разобраться. Этот человек и есть убийца?

- Этот человек и есть убийца. - Доктор Фелл указал тростью. - Знаешь, нам будет полезно, если ты тоже разделишь это мнение. Давай послушаем, что ты думаешь. И выскажись, мой мальчик. В этой комнате будут сказаны вещи и похуже, прежде чем кто-нибудь из нас покинет ее.

С некоторой осторожностью и живостью, которую Пейдж едва ли стремился использовать, он повторил историю, которую уже рассказал Мэдлин. Маленькие проницательные глазки доктора Фелла не отрывались от его лица, и инспектор Эллиот не пропустил ни слова. Тело, намазанное мазью, темный дом с открытым окном, обезумевший от паники бродяга, третий человек в ожидании: эти образы, казалось, разыгрывались в библиотеке, как картинки на экране.

В конце Мэдлин заговорила. “Это правда? Это то, что думаете вы с инспектором?”

Доктор Фелл просто кивнул.

“Тогда я спрошу вас о том, о чем я пытался спросить Брайана. Если культа ведьм нет, как он говорит, если все это было сном, то что же делал или пытался сделать этот “третий человек”? А как насчет доказательств колдовства?”

“Ах, доказательства”, - сказал доктор Фелл.

После паузы он продолжил::

“Я попытаюсь объяснить. Среди вас есть кто-то, чей разум и сердце на протяжении многих лет были пропитаны тайной любовью к этим вещам и к тому, что они означают. Но не верой в них! На что я спешу обратить внимание. Это я подчеркиваю. Никто не может быть более циничным в отношении сил тьмы и повелителей четырех путей. Но безграничная любовь к ним становится еще более сильной и настоятельной из-за (совершенно ханжеской) необходимости никогда не показывать этого. Этот человек, как вы понимаете, предстает перед вами в совершенно ином свете. Этот человек никогда не признается вам даже в том, что интересуется подобными вещами, в том интересе, который мог бы быть у нас с вами. Таким образом, этот тайный интерес - желание поделиться им, желание, прежде всего, экспериментировать на других людях - стал настолько сильным, что ему пришлось каким-то образом разорвать свои узы.

“Каково же было положение этого человека? Что он мог сделать? Основали в Кенте новый культ ведьм, подобный тому, что существовал здесь в прошлые века? Это, должно быть, была захватывающая идея, но этот человек знал, что она безумна, как ветер. Этот человек, по сути, очень практичен.

“Самой маленькой группой в организации по поклонению сатане был (можно так сказать?) шабаш. Шабаш состоял из тринадцати человек, двенадцати членов и лидера в маске. Быть лидером такого котильона в маске Януса, должно быть, казалось нам прекрасной мечтой; но это была не более чем мечта, и дело было не только в том, что практические трудности были слишком велики, чтобы их можно было осуществить.

быть преодоленным. Кроме того, для того, чтобы эта вещь была интересной и чтобы ею можно было поделиться с несколькими

другими, число заинтересованных лиц должно быть очень небольшим. Поскольку интерес был тайным, он должен быть узким, личным и индивидуализированным.”

- Я подчеркиваю, это не было явной связью с силами зла, если предположить, что такие силы существуют. У этого не было таких высоких амбиций, или, выражаясь более корректно, не было такого высокого замысла. Это не было тщательно спланировано. Им не руководил человек сколь-нибудь выдающегося ума. Это не было культом в том смысле, в каком, как мы знаем, серьезно развивались культы. Это была просто праздная и жадная любовь к подобным вещам, своего рода хобби. Господь любит вас, я не думаю, что был бы причинен какой-то большой вред, если бы человек держался подальше от ядовитых препаратов, вызывающих галлюцинации. Если люди предпочитают просто валять дурака, если они не нарушают никаких законов или даже условностей, то это не касается полиции. Но когда женщина недалеко от Танбридж-Уэллса умирает от нанесения белладонны на кожу (именно это и произошло полтора года назад, хотя мы так и не смогли этого доказать), то, ей-богу, это вызывает беспокойство полиции! Как вы думаете, почему Эллиот был направлен сюда с самого начала? Как вы думаете, почему его так сильно заинтересовала история Виктории Дейли? Привет?

“Вы начинаете понимать, что кто-то делал?

“Этот человек выбрал нескольких подходящих и отзывчивых друзей, которым можно было довериться. Их было немного: двое, трое или четверо, возможно. Мы, вероятно, никогда не узнаем, кто они такие. Этот человек много беседовал с ними. Многие книги были подарены или взяты взаймы. Затем, когда разум друга был достаточно насыщен и взбудоражен дикими знаниями, пришло время. Пришло время сообщить другу, что где-то поблизости действительно существует сатанистский культ, в который кандидат теперь может быть принят.”

Раздался резкий звук, когда доктор Фелл ударил набалдашником своей трости по полу. Он был нетерпелив и раздражен.

“Конечно, ничего подобного никогда не было. Конечно, неофит никогда не выходил из дома и не выходил из одной комнаты в ночь проведения собраний. Конечно, все дело было в мази, двумя основными ингредиентами которой были аконит и белладонна.

И, конечно, как правило, человек, который это подстрекал,

никогда не приближался к другу и тем более не присоединялся к какому-либо сборищу в ночь предполагаемой “встречи”. Это могло быть слишком опасно, если бы ядовитое действие мази было слишком сильным. Удовольствие заключалось в распространении этого Евангелия: в том, чтобы делиться рассказами о (мифических) приключениях; в наблюдении за разложением сознания под воздействием наркотика и под воздействием того, что, как им казалось, они видели на шабашах; короче говоря, в сочетании некоторой степени довольно тупой ментальной жестокости с приятно проявить этот интерес в безопасном и узком кругу”.

Доктор Фелл сделал паузу. И в наступившей тишине Кеннет Мюррей задумчиво произнес:

“Это напоминает мне, - сказал он, - о менталитете, который пишет письма ядовитой ручкой”.

“Вы поняли”, - сказал доктор Фелл, кивая. “Это почти то же самое, только в других, более опасных местах”.

“Но если вы не можете доказать, что другая женщина умерла от яда, та, что возле Танбридж-Уэллса, о которой я не слышал, - где вы? Совершило ли это “лицо” что-либо конкретно незаконное? Виктория Дейли умерла не от яда.

“Это зависит от обстоятельств, сэр”, - учтиво заметил инспектор Эллиот. “Вы, кажется, считаете, что яды не являются ядами, если их не принимать внутрь. Я могу сказать вам другое. Но сейчас дело не в этом. Доктор Фелл всего лишь раскрыл вам секрет.

- В чем секрет? -

“Это тайна этого человека”, - сказал доктор Фелл. “Чтобы сохранить эту тайну, два дня назад у бассейна в саду был убит человек”.

Снова воцарилось молчание, на этот раз жутковатое, как будто все немного отступили назад.

Натаниэль Берроуз засунул палец за воротник.

“Это интересно”, - сказал он. “Очень интересно”. Но в то же время я чувствую, что меня привезли сюда под надуманным предлогом: я адвокат, а не специалист по языческим религиям. Я не вижу, чтобы языческие религии имели какое-либо отношение к тому

единственному, что имеет для меня значение. В истории, которую вы описываете, нет никакой связи с надлежащим наследованием поместий Фарнли”

“О да, есть”, - сказал доктор Фелл.

Он продолжал

- На самом деле, это лежит в основе всего дела, и я надеюсь, что вы поймете это примерно за две секунды.

“Но ты, - он вопросительно посмотрел на Пейджа, - ты, мой друг, недавно спрашивал, что заставило этого человека заняться подобными практиками. Была ли это просто скука? Была ли это привычка, унаследованная с детства, которая никогда не пропадала и усиливалась год от года? Я склонен подозревать, что в нем было немного и того, и другого. В данном случае все растет вместе, как ядовитое растение Atropa bella donna в живой изгороди. Они вплетены и неразделимы.

“Кто может быть человеком с такими инстинктами, который всегда вынужден их подавлять? Кто в ком есть. мы можем проследить этот излом, имея перед собой все доказательства? Кто, как можно доказать, является тем единственным человеком, который имеет прямой доступ к таким игрушкам, как колдовство и убийство? Кто, несомненно, страдал от скуки брака без любви и несчастий, и в то же время страдал от избытка жизненных сил, которые

Берроуз вскочил на ноги с громогласной клятвой просветления.

И в то же время из-за открытой двери библиотеки послышался шепот Ноулза, разговаривающего с кем-то снаружи. Лицо Ноулза было белым, когда он заговорил.

- Извините, сэр, но они… они сказали мне, что ее светлости нет в своей комнате. Они сказали, что некоторое время назад она собрала сумку и взяла машину из гаража, и…

Доктор Фелл кивнул.

- Совершенно верно, - сказал он. - Вот почему нам не нужно спешить в Лондон: ее бегство сорвало все планы. И теперь у нас не возникнет трудностей с получением ордера на арест леди Фарнли по обвинению в убийстве.

Глава 20

- ДА ладно вам! - сказал доктор Фелл, постукивая тростью по полу и оглядывая собравшихся с видом доброжелательного увещевания. Он был одновременно удивлен и раздражен. - Только не говорите мне, что это вас удивляет. Только не говорите, что это вас шокирует. Вы, мисс Дэйн! Разве вы не знали о ней с самого начала? Разве вы не знали, как она вас ненавидела?

Мэдлин провела тыльной стороной ладони по лбу. Затем она потянулась и взяла Пейдж за руку.

“Я не знала о ней”, - сказала Мэдлин. “Я догадывалась. Но вряд ли я могла сказать тебе это прямо, не так ли? Боюсь, ты и так считала меня достаточно милой кошечкой”.

Пейдж потребовалось немного переосмыслить свои мысли. Так же, как, по-видимому, это было необходимо и для остальных. И все же, новая мысль засела в мозгу Пейджа, пока он пытался усвоить первую. Мысль была такой::

Это дело не закончено.

Было ли это легким выражением, промелькнувшим в глазах доктора Фелла, движением его руки, сжимавшей трость, или легким трепетом даже в этой горе, он не мог сказать. Но впечатление осталось, и доктор Фелл по-прежнему держал аудиторию в напряжении, как будто не закончил свое откровение. Где-то была засада. Где-то было оружие, из которого можно было выстрелить в мозг.

“Продолжайте”, - тихо сказал Мюррей. “Я не сомневаюсь в вас, но продолжайте”.

- Да, - рассеянно ответил Берроуз и сел.

Громкий голос доктора сонно прозвучал в тишине библиотеки.

- Судя по вещественным доказательствам, - продолжил он, - с самого начала в этом не могло быть особых сомнений. Центр всех беспорядков, психических и прочих, всегда находился здесь. Центром всех беспорядков был тот запертый книжный шкаф на чердаке. Кто-то бродил по нему. Кто-то манипулировал его содержимым, вынимал и ставил на место книги, играл с безделушками. Кто-то, всегда отличавшийся бурной деятельностью, превратил его в подобие логова.

“Так вот, предположение о том, что это сделал кто-то посторонний, что какой-то сосед забрался в гнездо, было настолько фантастичным, что не заслуживало серьезного рассмотрения. Такой образ действий был бы невозможен как с психологической, так и с практической точки зрения. Нельзя устраивать что-то вроде клуба для одиноких людей на чердаке чужого дома, особенно на глазах у любопытных слуг. Вы не будете приходить и уходить по этому дому ночью, незамеченные слугами или кем-либо еще. Вы не будете так небрежно относиться к новому навесному замку, за которым наблюдает хозяин дома. Ибо следует заметить, что, хотя мисс Дэйн, например, - тут лицо доктора Фелла озарилось широкой ангельской улыбкой, - хотя у мисс Дэйн когда-то был ключ от этой маленькой комнаты, это был ключ от замка, которым больше не пользовались.

“Следующий вопрос: что беспокоило сэра Джона Фарнли?”

“Просто подумайте об этом, леди и джентльмены”.

“Почему этот неугомонный пуританин, и без того обремененный собственными проблемами, никогда не находил утешения дома? Что еще было у него на уме? Почему в ту самую ночь, когда его великое наследство должно быть оспорено, он только и делает, что расхаживает по комнате и рассказывает о Виктории Дейли? Почему его так тревожат детективы, задающие “фольклорные” вопросы в окрестностях? Что означают его загадочные намеки мисс Дэйн? В минуты волнения он обычно “смотрел на церковь и говорил, что если бы он был в состоянии…”

“Что бы он сделал? Высказался против клеветников на церковь? Почему он однажды зашел на тот чердак с собачьим хлыстом в руке, но спустился оттуда бледный и вспотевший, не в силах воспользоваться хлыстом против человека, которого там застал?

- В этом деле есть психологические аспекты, столь же показательные, как и физические, с которыми я вскоре разберусь; и я не могу найти ничего лучше, чем проследить их.

Доктор Фелл сделал паузу. Он тяжело и довольно печально уставился в стол. Затем он достал свою трубку.

“Давайте рассмотрим историю этой девушки, Молли Бишоп: решительной женщины и прекрасной актрисы. Патрик Гор сказал о ней одну правдивую вещь два дня назад. Похоже, он шокировал большинство из вас, сказав, что она никогда не влюблялась в того

Фарнли, которого вы знали. Он сказал, что она ухватилась за “спроецированный образ” парня, которого знала много лет назад, и вышла за него замуж. Так оно и было. После чего она обнаружила, с яростью, о которой мы, возможно, никогда не узнаем, что это был не тот мальчик и даже не тот человек”.

“Откуда взялась эта одержимость или извращение, даже в мозгу семилетнего ребенка?”

“Это не сложно. Именно в этом возрасте наши основные вкусы начинают формироваться под влиянием внешних впечатлений. Они никогда не исчезают, даже когда мы думаем, что забыли о них. До конца своих дней я буду любить фотографии старых толстых голландцев, играющих в шахматы и курящих трубки церковных старост, потому что помню, как одна из них висела на стене кабинета моего отца, когда я был маленьким. Возможно, вам нравятся утки, истории о привидениях или моторные механизмы по той же причине.

- Ну, а кто был единственным человеком, который боготворил мальчика Джона Фарнли? Кто был единственным, кто защищал его? Кого Джон Фарнли брал с собой в цыганские лагеря (я обращаю ваше внимание на цыганские лагеря как на что-то значимое) и брал с собой в лес? Какие сатанистские уроки она слышала от него до того, как поняла их, или даже до того, как поняла уроки, которые она выучила в воскресной школе?

- А последующие годы? Мы не знаем, как у нее сформировался этот вкус. За исключением того, что она проводила много времени среди Фарнли, поскольку имела достаточно влияния на старого и молодого сэра Дадли, чтобы Ноулз получил здесь должность дворецкого.Разве это не Ноулз?

Он огляделся.

С того момента, как он сделал это заявление, Ноулз не сдвинулся с места. Ему было семьдесят четыре года? Прозрачный цвет его лица, на котором, казалось, отражались все эмоции, теперь не выражал ничего. Он открыл и закрыл рот и кивнул, изображая ответ, но ничего не сказал. На его лице был только ужас.

- Вполне вероятно, - продолжил доктор Фелл, - что она брала книги из этой закрытой библиотеки давным-давно. Когда она впервые основала свой личный сатанистский культ. Эллиот не смог установить, но это было за несколько лет до ее замужества.

Количество мужчин в округе, которые были ее любовниками, достаточно велико, чтобы удивить вас. Но они не могут или не хотят ничего говорить о сатанистском бизнесе. И это, в конце концов, единственное, что нас интересует. Это то, что волновало ее больше всего, и это привело к трагедии. Что же произошло?

“После долгого и романтического отсутствия предполагаемый “Джон Фарнли” вернулся в предполагаемый дом своих отцов. На короткое время Молли Бишоп преобразилась. Вот ее идеал. Вот ее наставник. За него она твердо решила выйти замуж, невзирая на ад и на него самого. И примерно через год - если быть точным, через год и три месяца - они поженились.”

“О Господи, была ли когда-нибудь партия хуже?”

“Я спрашиваю это совершенно серьезно. Вы знаете, за кого и за что, как она думала, она выходила замуж. Вместо этого вы знаете, за какого человека она вышла замуж. Вы можете себе представить, с каким молчаливым, холодным презрением он относился к ней; и с какой холодной вежливостью он относился к ней, когда узнал об этом. Вы можете себе представить, что она чувствовала к нему, и какую маску заботливой жены ей приходилось надевать, всегда зная, что он все знает. И между ними всегда была вежливая видимость, что ни один из них не подозревает об осведомленности другого. Потому что точно так же, как он знал о ней, так и она, спустя очень короткое время, наверняка поняла, что он не настоящий Джон Фарнли. И вот там, вместе, они поделились секретом друг друга, испытывая непримиримую ненависть”.

“Почему он никогда не выдавал ее? Дело было не только в том, что она была той, кого он в своей пуританской душе первым делом отправил в преисподнюю. И дело было не только в том, что он бы отлупил ее, если бы осмелился. Но она также была преступницей (не сомневайтесь в этом, джентльмены). Она была поставщиком более опасных наркотиков, чем героин или кокаин, и он знал это: она была соучастницей убийства Виктории Дейли, и он знал это. Вы слышали о его вспышках гнева. Вы знаете его мысли. Почему же тогда он никогда не выдавал ее замуж, как ему хотелось?”

“Потому что у него не было такой возможности. Потому что они хранили тайну друг друга. Он не знал, что он не сэр Джон Фарнли, но боялся этого. Он не знал, что она может доказать обратное, и, возможно, сделает это, если он спровоцирует ее, но

он боялся этого. Он не знал, может ли она что-то заподозрить, но он боялся этого. В нем не было той мягкости и света, которыми его наделила мисс Дейн. Нет, он не был сознательным самозванцем. Его память была слепа, и он искал на ощупь. Очень часто он был уверен, что он и есть настоящий Фарнли. Но в глубине человеческой души он не стал бы слишком сильно бросать вызов судьбе, если бы она не загнала его в угол и ему не пришлось столкнуться с этим лицом к лицу. Ведь он тоже мог оказаться преступником".

Натаниэль Берроуз вскочил на ноги.

"Я не могу с этим мириться", - сказал он пронзительным голосом. "Я отказываюсь с этим мириться. Инспектор, я призываю вас остановить этого человека! Он не имеет права вмешиваться в еще не решенный вопрос. Как представитель закона, вы не имеете права так говорить о моем клиенте"

"Лучше сядьте, сэр", - тихо сказал Эллиот.

"Но!"

"Я сказал, сядьте, сэр".

Мэдлин разговаривала с доктором Феллом.

- Что-то в этом роде вы говорили сегодня вечером, - напомнила она ему. - Что-то о том, что он "мучился чувством вины", хотя и не знал, что именно. Его `чувство вины", которое сделало его еще худшим пуританином, похоже, пронизывает все это, и все же, по правде говоря, я не понимаю, какое это имеет отношение ко всему происходящему. Каково объяснение?"

Доктор Фелл сунул пустую трубку в рот и затянулся.

- Объяснение, - ответил он, - заключается в погнутых петлях и белой двери, на которую они опирались. В этом и заключается тайна этого дела. Мы к этому еще вернемся.

"Итак, эти двое, у каждого из которых был секрет, как кинжал в рукаве, вытирали слезы и притворялись перед всем миром, даже перед самими собой. Виктория Дейли умерла, став жертвой тайного культа ведьм, всего через три месяца после того, как они поженились. Мы знаем, что, должно быть, чувствовал Фарнли к тому времени. "Если бы я когда-нибудь был в состоянии..." - стало для него фетишем и припевом. Пока у него не было

возможности высказаться, она была в безопасности. Больше года она была в безопасности".

Но затем как гром среди ясного неба раздался сигнал о том, что появился претендент на наследство. После чего некоторые обстоятельства представились ей такими же ясными и неизбежными, как а, в, с. Таким образом:

"Насколько ей было известно, он не был настоящим наследником".

"Казалось вероятным, что истец окажется настоящим наследником".

"Если бы было доказано, что истец является настоящим наследником, ее муж был бы лишен собственности".

"Если бы его лишили собственности, у него больше не было бы причин не высказываться о ней, и он бы высказался".

"Поэтому он должен был умереть".

"Это так просто и бесспорно, леди и джентльмены". Кеннет Мюррей заерзал на стуле, убирая руку, которой он прикрывал глаза.

- Минутку, доктор. Значит, это было давно спланированное преступление?

- Нет! - сказал доктор Фелл с большой серьезностью. "Нет, нет, нет! Именно это я и хочу подчеркнуть. Это было блестяще спланировано и выполнено в порыве отчаяния две ночи назад. От этого отказались так же быстро, как столкнули с лестницы автомат.

"Позвольте мне объяснить. Как она полагала с того момента, как впервые услышала о заявителе (подозреваю, гораздо раньше, чем она хотела бы признать), ей пока нечего было бояться. Ее муж будет оспаривать иск; она должна заставить его бороться и, по иронии судьбы, бороться за него. Отнюдь не желая отстранения ненавистного человека, она должна была обнять его еще крепче, чем раньше. Вполне возможно, что он выиграет свой иск; закон таков, каков он есть, а суды очень настороженно относятся к претендентам на признанное наследство. В любом случае, судебные проволочки дадут ей передышку для размышлений.

“Чего она не знала, о чем тщательно скрывала другая сторона до вчерашнего дня, так это о существовании отпечатков пальцев. Вот веское доказательство. Вот уверенность. С этим смертоносным отпечатком пальца весь вопрос можно было бы решить за полчаса. Зная образ мыслей своего мужа, она понимала, что он был достаточно честен, чтобы признаться в обмане, как только ему это было доказано: как только он в глубине души осознал, что он не Джон Фарнли.”

“Когда взорвалась эта ручная граната, она увидела неминуемую опасность. Вы помните настроение Фарнли в тот вечер? Если вы правильно его описали, то в каждом его слове и каждом движении чувствуется что-то сильное и безрассудное. “Что ж, вот тест. Если я переживу это, то хорошо. Если же нет, есть одна компенсация, которая почти примиряет меня со всем остальным: я могу высказаться о женщине, на которой женат. Хм, да. Я правильно истолковал настроение?”

- Да, - признал Пейдж.

- Поэтому она пошла на отчаянные меры. Она должна действовать немедленно. Немедленно, немедленно! Она должна действовать до того, как будет завершено сравнение отпечатков пальцев. Она приняла эти меры точно так же, как вчера, на чердаке, нанесла мне ответный удар, прежде чем я успел произнести хоть слово, - она действовала великолепно; и она убила своего мужа.”

Берроуз, бледный и вспотевший, тщетно стучал по столу, призывая к порядку. Теперь в его поведении появился проблеск надежды.

“Кажется, вас невозможно остановить”, - сказал Берроуз. “Если полиция не будет этого делать, я не смогу ничего сделать, кроме как выразить протест, но сейчас, я думаю, вы находитесь в том месте, где эти бойкие теории не годятся. Я ничего не говорю о том, что у вас нет доказательств. Но пока вы не сможете показать, как был убит сэр Джон, - заметьте, в одиночестве, когда рядом с ним никого не было, - пока вы не сможете показать, что… - Слова застряли у него в горле; он только заикался и сделал широкий жест рукой. - И это, доктор, вы не можете показать.

- О, да, я могу, - сказал доктор Фелл.

- Наша первая реальная зацепка появилась вчера на дознании, - задумчиво продолжил он.- Хорошо, что показания есть в

протоколах. После этого нам оставалось только подобрать некоторые улики, которые с самого начала лежали у нас под носом. И вот, чудо само свалилось нам на голову. Мы получаем убедительные доказательства из уст в уста. Мы применяем их. Мы расставляем фрагменты по порядку. Мы передаем их адвокату обвинения. И, - он сделал широкий жест, - мы задвигаем засов ловушки.

- Вы получили свои показания на дознании? - повторил Мюррей, пристально глядя на него. - От кого?

- От Ноулза, - сказал доктор Фелл.

Дворецкий издал что-то вроде хныканья. Он сделал шаг вперед и поднес руку к лицу. Но ничего не сказал.,

Доктор Фелл внимательно посмотрел на него.

“О, я знаю”, - проворчал доктор. “Это кислое лекарство. Но это так. Ирония судьбы. Но это так. Ноулз, мой мальчик, ты любишь эту женщину. Она твое любимое дитя. И, судя по вашим показаниям на следствии, вы, совершенно невиновный, из чистого желания сказать правду, повесили ее так же верно, как если бы сами задвинули засов.

Он по-прежнему не сводил глаз с дворецкого.

- Осмелюсь предположить, - спокойно продолжил он, - что некоторые люди думали, что вы солгали. Я знал, что вы не солгали. Вы сказали, что сэр Джон Фарнли покончил с собой. Вы подкрепили свою версию тем, что сказали - то, что вы запомнили в своем подсознании, - что видели, как он отбросил нож. Вы сказали, что видели нож в воздухе.

- Я знал, что ты не лжешь, потому что у тебя были точно такие же проблемы с этим моментом, когда ты разговаривал со мной и Эллиотом днем ранее. Ты колебался. Ты пытался вспомнить что-то неясное. Когда Эллиот настаивал на этом, ты был озадачен и потрясен. `Это зависит от размера ножа”, - сказали вы. “И в этом саду водятся летучие мыши. И иногда вы не можете разглядеть теннисный мяч, пока он…” Выбор слов важен. Другими словами, примерно в момент совершения преступления вы видели что-то летящее в воздухе. Что озадачило ваше подсознание, так это то, что вы увидели это непосредственно перед убийством, а не сразу после него.

Он развел руками.

- Весьма примечательная бита, - сказал Берроуз с пронзительным сарказмом. - Еще более примечательный теннисный мяч.

- Что-то очень похожее на теннисный мяч, - серьезно согласился доктор Фелл, - хотя, конечно, гораздо меньше. Гораздо меньше.

- Мы вернемся к этому вопросу. Давайте продолжим и рассмотрим природу ран. Мы уже слышали много удивленных и сочувственных комментариев по поводу этих ран. Присутствующий здесь мистер Мюррей утверждал, что они похожи на следы клыков или когтей; он утверждал, что они не могли быть нанесены окровавленным складным ножом, найденным в живой изгороди. Даже Патрик Гор, если вы правильно процитировали его слова, сказал мне нечто похожее. И что же он сказал? “Я никогда не видел ничего подобного с тех пор, как Барни Пул, лучший дрессировщик животных к западу от Миссисипи, был убит леопардом”.

“Мотив следов от когтей пронизывает все дело. Мы обнаруживаем, что в медицинских показаниях доктора Кинга на дознании он проявляется с удивительной осторожностью и поразительно наводящим на размышления образом. У меня здесь есть несколько записей из его показаний. Ха-ха-ха! Ха! Дайте-ка подумать:

“На теле были три довольно неглубокие раны”, - говорит врач. Тут доктор Фелл пристально посмотрел на своих слушателей. “Три довольно неглубокие раны, начинающиеся с левой стороны горла и заканчивающиеся под углом правой челюсти немного вверх. Две раны пересекали друг друга“. А затем последовало еще более убийственное заявление: “Было сильно повреждено тело”.

“Повреждено тело, да? Конечно, это было бы странно, джентльмены, если бы орудием убийства был тот чрезвычайно острый (хотя и зазубренный) нож, который вам сейчас показывает инспектор Эллиот. Рваная рана на горле наводит на мысль

- Что ж, давайте посмотрим. Давайте вернемся к мотиву следов от когтей и рассмотрим его. Каковы характерные признаки ран, нанесенных когтями, и как они отражаются в смерти сэра Джона Фарнли? Характерные признаки следов, оставленных когтями, таковы:

“1. Они неглубокие. -

“2. Они делаются острыми концами, которые рвут и царапают, и скорее раздирают, чем режут.

“3. Это не отдельные надрезы, а все они делаются одновременно.

“Мы считаем, что каждое из этих условий подтверждается описанием ран на горле Фарнли. Я обращаю ваше внимание на несколько странные показания, данные доктором Кингом на дознании. Он не говорит прямой лжи, но очевидно, что он работает изо всех сил и говорит без умолку, чтобы представить смерть Фарнли как самоубийство! Почему? Обратите внимание - у него, как и у Ноулза, есть любимый ребенок в лице Молли Фарнли, дочери его самого старого друга, которая называет его “дядя Нед” и чьи черты характера ему, вероятно, известны. Но, в отличие от Ноулз, он оберегает ее; он не отправляет ее на улицу, чтобы ей свернули шею в

двое на одном конце веревки.

Ноулз вытянул руки, словно в мольбе. Его лоб был покрыт испариной, но он по-прежнему молчал.

Доктор Фелл продолжал:

“Мистер Мюррей изложил нам суть нашего дела некоторое время назад, когда он говорил о чем-то летающем в воздухе и уместно спросил, почему нож не был брошен в бассейн, если это действительно было орудие убийства. Но что мы имеем сейчас? У нас есть что-то, что летало в Фарнли в сумерках, что-то размером меньше теннисного мяча. У нас есть что-то, оснащенное когтями или наконечниками, которые оставляют следы, похожие на когти”

Натаниэль Берроуз издал подобие смешка.

“Эпизод с летающими когтями”, - съязвил он. - “В самом деле, доктор! И не могли бы вы рассказать нам, что это были за летающие когти?”

“Я придумаю что-нибудь получше”, - сказал доктор Фелл. “Я вам их покажу. Вы видели их вчера”.

Из своего вместительного бокового кармана он достал что-то, завернутое в большой красный платок-бандану. Развернув его так, чтобы острые кончики иголок не зацепились за платок, он обнаружил предмет, который. Пейдж с удивлением узнал его, хотя это был шок, вызванный недоумением. Это был один из

предметов, которые доктор Фелл извлек из деревянной шкатулки, стоявшей в книжном шкафу. Это был (если быть точным) маленький, но тяжелый свинцовый шарик, в который через равные промежутки были вделаны четыре очень больших крючка, какими ловят бойцовых глубоководных рыб.

- Вас интересовало назначение этого необычного инструмента? - дружелюбно спросил доктор. - А вы не задумывались, какую пользу это может принести кому-нибудь? Но, повторяю, среди среднеевропейских цыган, среди цыганок, это очень эффективное и опасное средство. Разрешите обратиться к Гроссу, инспектор?

Эллиот открыл свой портфель и достал большую плоскую книгу в сером переплете.

- Вот, - продолжал доктор Фелл, вертя в руках книгу, - у нас самый полный из когда-либо составленных учебников по криминалистике.* Вчера вечером я ездил за ним в город, чтобы проверить справку. Полное описание этого свинцового шара вы найдете на страницах 249-50.

“Он используется цыганами в качестве метательного оружия и служит причиной некоторых их таинственных и почти сверхъестественных краж. К другому концу этого шарика прикреплен длинный моток очень легкой, но очень прочной лески. Шарик брошен, и, куда бы он ни был брошен, крючки легко зацепляются, независимо от того, в каком направлении они падают, как корабельный якорь. Свинцовый шарик придает мячу необходимый вес для броска, а леска притягивает его обратно вместе с добычей. Послушайте, что говорит о нем Гросс.:

Что касается метания, цыгане, особенно дети, удивительно искусны. У представителей всех рас дети развлекаются тем, что бросают камни, но их особая цель при этом - забросить их как можно дальше. Молодой цыган не таков; он собирает груду камней размером с орех, а затем выбирает цель, например, довольно большой камень, маленькую доску или старую

* Уголовное расследование: Практическое пособие для судей, сотрудников полиции и юристов, адаптированное на основе “Системы криминалистики” доктора Ганса Гросса, профессора криминологии Пражского университета, Джоном Адамом, магистром права, и Дж. Коллиером Адамом, адвокатом; под редакцией Нормала Кендала, помощника комиссара отдела уголовных расследований столичной полиции. (Лондон, Sweet &

Maxwell, 1934).

затем он запускает в ход свой запас метательных снарядов. Он тренируется часами и вскоре приобретает такой навык в этом упражнении, что никогда не промахивается мимо цели размером больше ладони. Когда он достигает этой стадии, ему выдают метательный крюк.”

“Молодой цыган заканчивает свое ученичество, когда он способен зацепить и утащить кусок тряпки, наброшенный на ветви дерева, между которыми он должен забросить свой крючок”.

“В дерево, заметьте! Вот так, с поразительным мастерством, он может выносить белье, одежду и так далее через зарешеченные окна или в закрытых дворах. Но как метательное оружие, вы можете себе представить его ужасающую эффективность. Оно может разорвать человеку горло и вернуться обратно”

Мюррей издал что-то вроде стона. Берроуз промолчал.

- Хм, да. Итак, мы слышали о сверхъестественных способностях Молли Фарнли в метании, этому трюку она научилась у цыган. Мисс Дейн рассказала нам об этом. Мы знаем о ее убийственной быстроте суждений и внезапности, с которой она могла нанести удар.

“Где же в таком случае находилась Молли Фарнли в момент убийства? Вряд ли мне нужно объяснять вам: она была на балконе своей спальни с видом на бассейн. На мой взгляд, прямо над бассейном; а ее спальня, как мы знаем, расположена над столовой. Как и Уэлкин в комнате внизу, она находилась менее чем в двадцати футах от бассейна и возвышалась над ним. Очень высоко? Нисколько. Как рассказала Ноулз, которая дала нам бесценные советы о том, как ее повесить, новое крыло дома представляет собой “маленький низкий кукольный домик, балкон возвышается всего на восемь-девять футов над садом”.

- И вот она стоит в сумерках лицом к своему мужу внизу, приподнявшись достаточно высоко, чтобы можно было опереться на руку. Как она и призналась, в комнате за ее спиной темно. Ее горничная была в соседней комнате. Что привело ее к этому смертельному поспешному решению? Она что-то прошептала, чтобы заставить своего мужа поднять глаза? Или это потому, что он уже смотрел на звезду, вытянув шею?”

С выражением растущего ужаса в глазах Мэдлин повторила::

“Смотрел на звезду?”

- Ваша звезда, мисс Дэйн, - мрачно произнес доктор Фелл. - Я много разговаривал с разными фигурантами этого дела и думаю, что это была ваша звезда.

Память снова вернулась к Пейдж. Он и сам думал о “звезде Мадлен”, когда прогуливался по саду у бассейна в ночь убийства: единственная восточная звезда, которой она дала поэтическое название и которая находилась в бассейне. вы могли бы убедиться в этом, просто вытянув шею, чтобы заглянуть за дальние дымоходы в новом крыле.

“Да, она ненавидела вас. Внимание ее мужа к вам привело к этому. Возможно, именно вид того, как он поднял голову, уставившись на вашу звезду и слепо глядя на нее, вызвал у нее волну убийств. С леской в одной руке и свинцовым шариком в другой она подняла руку и ударила.

“Джентльмены, я обращаю ваше внимание на любопытное, странное поведение этого бедняги, когда его что-то застало врасплох. Это смутно беспокоило всех, кто пытался это описать. Шарканье, удушье, рывки тела перед тем, как его швырнули вперед, в бассейн - о чем это вам напомнило? Ах! Понял, не так ли? Это ясно видно, не так ли? О рыбе, попавшей на крючок на леске; так оно и было. Крючки не проникали глубоко: она следила за этим. Было много ударов, которые все комментировали. Раны, очевидно, были нанесены слева направо, вверх, когда он потерял равновесие; и он упал в бассейн (вы помните?), слегка повернув голову в сторону нового крыла. Когда он оказался в бассейне, она отдернула оружие.”

С мрачным выражением лица доктор Фелл поднял свинцовый шар.

“А эта маленькая красавица?”

“Разумеется, когда ее вытаскивали, на ней не осталось ни следов крови, ни каких-либо других следов. Она упала в бассейн и была тщательно вымыта. Вы помните, что вода в бассейне была такой взбаламученной. (естественно, из-за его усилий), что мяч пролетел по песку на несколько футов вокруг. Но один след мяч все же оставил - он зашуршал в кустах.

“Задумайтесь. Кто был единственным человеком, который слышал этот странный шорох? Уэлкин, в столовой внизу:

единственный человек, который был достаточно близко, чтобы услышать это. Этот шорох был интригующим моментом. Очевидно, что он был произведен не кем-то другим. Если вы попробуете проскользнуть сквозь живую изгородь толщиной с широкий экран (как заметил сержант Бертон, когда позже обнаружил "воткнутый" в нее нож с отпечатками пальцев убитого), вы поймете, что я имею в виду.

- Я не буду вдаваться в подробности. Но, по сути, именно так она спланировала и осуществила одно из самых жестоких убийств в моей практике. Это было все из-за внезапности и ненависти, и это удалось. Она ловила мужчин, как делала всегда, и поймала свою жертву. Естественно, ей не удастся скрыться. Ее схватит первый же полицейский, мимо которого она пройдет. Затем ее повесят. И все это, к счастью, во имя справедливости, благодаря вдохновенному рассказу Ноулза о полете теннисного мяча в сумерках."

Ноулз сделал легкое движение рукой, как будто пытался остановить автобус. Его лицо было похоже на промасленную бумагу, и Пейдж испугался, что он упадет в обморок. Но он по-прежнему не мог говорить;

Берроуз, у которого блестели глаза, казался воодушевленным.

"Это гениально", - сказал Берроуз. "Это умно. Но это ложь, и я докажу вам это в суде. Все это ложь, и вы это знаете. Потому что другие люди тоже клянутся. А вот и Уэлкин! Ты не можешь объяснить, что он сказал! Уэлкин видел кого-то в саду! Он сказал, что видел! И что ты можешь на это сказать?"

Пейдж с тревогой отметил, что сам доктор Фелл выглядит несколько бледным. Доктор Фелл очень медленно поднялся на ноги. Возвышаясь над ними, он сделал жест в сторону двери.

"Вот и мистер Уэлкин", - ответил он. - Стою прямо за твоей спиной. Спроси его. Спроси его, так ли уж он уверен в том, что видел в саду.

Они все оглянулись. Как долго Уэлкин стоял в дверях, они не могли сказать. Безупречное, причесанное, как всегда, лицо херувима-переростка выражало беспокойство, и Уэлкин подергал себя за нижнюю губу.

- Э-э... - сказал он, прочищая горло.

- Ну, говорите же! - прогремел доктор Фелл. - Вы слышали, что я сказал. А теперь скажите нам: вы уверены, что видели, как кто-то смотрел на вас? Вы уверены, что там было на что смотреть?

- Я тут поразмыслил, - сказал Уэлкин.

“да?”

- Я… э-э… джентльмены. Он остановился - Я бы хотел, чтобы вы вспомнили о вчерашнем дне. Вы все поднялись на чердак, и, как мне дали понять, вы исследовали некоторые любопытные предметы, которые нашли там. К сожалению, я не пошел с вами. Я не видел ни одной из этих статей до сегодняшнего дня, когда доктор Фелл обратил на них мое внимание. Я… э-э-э… имею в виду черную маску с лицом Януса, которую вы, кажется, нашли в деревянном ящике. Он снова прочистил горло.

“Это заговор”, - сказал Берроуз, быстро оглядываясь по сторонам, как человек, колеблющийся перед интенсивным движением на дороге. “Вам это не сойдет с рук. Это все преднамеренный заговор, и вы все в нем участвуете”.

- Будьте добры, позвольте мне закончить, сэр, - резко возразил Уэлкин. - Я сказал, что увидел лицо, смотревшее на меня через нижнюю панель стеклянной двери. Теперь я знаю, что это было. Это была маска Януса. Я узнал его, как только увидел. Как и предполагает доктор Фелл, мне пришло в голову, что несчастная леди Фарнли, желая доказать мне, что в саду действительно кто-то есть, просто подвесила маску на другой конец лески и, к сожалению, опустила ее слишком низко к окну, так что…

Наконец Ноулз заговорил.

Он подошел к столу и положил на него руки. Он плакал, и на мгновение слезы помешали ему говорить связно. Когда же слова все-таки прозвучали, они потрясли его слушателей, как будто заговорил предмет мебели.

“Это чертова ложь, - сказал Ноулз.

Старый, растерянный и жалкий, он начал колотить рукой по столу.

- Все так, как сказал мистер Берроуз. Это все ложь, и ложь, и ложь, и ложь. Вы все в этом замешаны. - Его голос стал отчаянным, он задрожал, а его рука отчаянно забарабанила по

столу. - Вы все против нее, вот кто вы. Вы, никто из вас, не дадите ей шанса. А что, если она все-таки немного повзрослеет? А что, если она все-таки прочитает те книги и, может быть, порезвится с одним или двумя парнями? Сильно ли это отличается от игр, в которые они играли, когда были детьми? Они все дети. Она не хотела никого обидеть. Она никогда не хотела никого обидеть. И ты не повесишь ее. Клянусь Христом, ты этого не сделаешь. Я прослежу, чтобы никто не причинил вреда моей маленькой леди, вот что я сделаю."

Сквозь слезы его голос сорвался на крик, и он погрозил им пальцем.

- Я одурачу вас, со всеми вашими великими идеями и догадками. Она не убивала того сумасшедшего глупого попрошайку, который пришел сюда, притворяясь мастером Джонни. Мастер Джонни, моя нога! Этот нищий Фарнли? Этот нищий? Он получил по заслугам, и мне жаль, что его нельзя убить снова. Он вышел из свинарника, вот откуда он родом. Но мне на него наплевать. Уверяю вас, вы не причините вреда моей маленькой леди. Она не убивала его, она никогда этого не делала, и я могу это доказать.

В наступившей тишине они услышали стук трости доктора Фелла по полу и его хриплое дыхание, когда он подошел к Ноулзу и положил руку ему на плечо.

- Я знаю, что она этого не делала, - мягко сказал он.

Ноулз уставился на него с затуманенным безумием.

- Вы хотите сказать, - закричал Берроуз, - что сидите здесь и рассказываете нам кучу сказок только потому, что…

- И вы думаете, мне нравится то, что я делаю? - спросил доктор Фелл. - Вы думаете, мне нравится хоть одно слово, которое я сказала, или хоть одно движение, которое мне пришлось совершить? Все, что я рассказала вам об этой женщине, ее личном культе ведьм и ее отношениях с Фарнли, было правдой. Все, она вдохновила убийцу и руководила убийством. Единственная разница в том, что она не убивала своего мужа. Она не заставляла автомат работать, и она не была тем человеком в саду. Но, - его рука крепче сжала плечо Ноулза, - вы знаете закон. Вы знаете, как он действует и как он давит. Я привел это в действие. И леди Фарнли будет висеть выше, чем Аман, если вы не скажете нам правду. Вы знаете, кто совершил убийство?

- Конечно, я это знаю, - прорычал Ноулз. - Ага!

- И кто же был убийцей?

- Это просто, - сказал Ноулз. - И этот глупый попрошайка получил все, что ему причиталось. Убийцей был…

iv

Суббота, 8 августа

ПАДЕНИЕ ПЕТЛИ

Была одна вещь, которую Фламбо, при всем своем мастерстве маскировки, не мог скрыть, и это был его. необыкновенный рост. Если бы зоркий глаз Валентина заметил высокую торговку яблоками, высокого гренадера или даже довольно высокую герцогиню, он мог бы арестовать их на месте. Но в его поезде не было никого, кто мог бы быть замаскированным Фламбо, как кошка не могла быть замаскированным жирафом.

- Г. К. ЧЕСТЕРТОН, “Голубой крест”

Глава 21

Это письмо от Патрика Гора (урожденного Джона Фарнли) доктору Гидеону Феллу.

“Отправлено за границу”,

В определенный день.

Мой дорогой доктор:

Да, я виновник. Я один убил этого самозванца и спровоцировал все те проявления, которые, по-видимому, встревожили вас.

Я пишу вам это письмо по целому ряду причин. Во-первых, я сохраняю (как бы глупо это ни звучало) искреннюю симпатию и уважение к вам. Во-вторых, вы никогда не делали ничего лучше. То, как вы заставляли меня шаг за шагом проходить через каждую комнату, через каждую дверь и убегать из дома, вызывает у меня такое восхищение, что я хотел бы убедиться, правильно ли я следовал вашим выводам. Я хочу сделать вам комплимент, сказав, что вы единственный человек, который когда-либо перехитрил меня, но с другой стороны, я никогда не был в лучшей форме против школьных учителей. В-третьих, я полагаю, что нашел единственную действительно идеальную маскировку, и теперь, когда она больше не нужна to…me - Я бы скорее хотел похвастаться этим.

Я буду ждать ответа на это письмо. К тому времени, как вы его

получите, я и моя обожаемая Молли будем в стране, у которой нет договора об экстрадиции с Великобританией. Это довольно жаркая страна, но, с другой стороны, и Молли, и я любим жаркие страны. Я напишу вам по адресу, когда мы поселимся в нашем новом доме.

Я хотел бы обратиться к вам с одной просьбой. В суматохе ужасных разговоров, которые последуют за нашим бегством, газеты, судьи и другие искажатели общественного мнения, несомненно, представят вас Дьяволом, Чудовищем, оборотнем и так далее. Теперь вы прекрасно понимаете, что я не из таких. Мне не нравятся убийства, и если я не чувствую никакого раскаяния в смерти этой свиньи, то, надеюсь, это потому, что я не лицемер. Некоторые люди устроены определенным образом, как Молли и я. Если мы предпочитаем делать мир более захватывающим с помощью нашей учебы и наших мечтаний наяву, я думаю, что это послужит источником вдохновения для пригородов и намеком на лучшее будущее, поэтому, когда вы услышите, как кто-то произносит сентиментальные речи о Дьяволе и его невесте-ведьме, будьте добры сообщить об этом в человек, с которым вы пили чай вместе с нами обоими и не заметили никаких признаков рогов или стигматов.

Но теперь я должен раскрыть вам свой секрет, который также является секретом дела, которое вы так усердно расследуете. Это очень простой секрет, и его можно выразить четырьмя словами:

У меня нет ног.

У меня нет ног. Они оба были ампутированы в апреле 1912 года, после того как эта свинья раздавила их во время небольшой стычки на борту “Титаника”, о которой я расскажу чуть позже. Боюсь, что замечательные протезы, которые я с тех пор ношу, не смогли полностью скрыть этот недостаток. Я видел, что вы обратили внимание на мою походку, которая не то чтобы хромает, но всегда неуклюжа, а иногда и настолько неловка, что выдает меня, если я пытаюсь двигаться быстро. На самом деле я не могу двигаться быстро; и с этим я тоже разберусь чуть позже.

Задумывались ли вы когда-нибудь о замечательной возможности, которую предоставляют искусственные ноги для маскировки? У нас были маскарады с париками, бородами и гримом; мы меняли лица с помощью глины, а фигуры - с помощью набивки; у нас были тончайшие повороты к тончайшей иллюзии. Но, как ни удивительно, нас никогда не обманывали глаза самым простым

способом, и всегда существовало утверждение: “Человек может делать то-то и то-то, но есть одна вещь, которую он не может скрыть - свой рост”. Я прошу позволения заявить, что я могу изменять свой рост так, как мне заблагорассудится, и что я делаю это уже довольно много лет.

Я невысокий человек. То есть, если быть совсем точным, я считаю, что я не был бы высоким человеком, если бы имел возможность оценить свой рост. Давайте предположим, что без вмешательства моего маленького друга с “Титаника” мой рост был бы около пяти футов пяти дюймов. После удаления подпорки (обратите внимание на мою деликатность) рост моего тела не превышает трех футов. Если вы сомневаетесь в этом, измерьте свой собственный рост по отношению к стене и обратите внимание на пропорции, которые занимают эти таинственные отростки, которые мы называем ногами.

Благодаря нескольким парам конечностей, изготовленным на заказ (впервые это было сделано в цирке), и длительной тренировке в упряжи, я могу выбирать свой рост по своему усмотрению. Интересно наблюдать, как легко обманывается глаз. Представьте, например, что ваш маленький и стройный друг предстает перед вами ростом в шесть футов; ваш мозг откажется это воспринимать, а малейшее умение маскироваться сделает его совершенно неузнаваемым.

Я был на разных высотах. Я был ростом шесть футов один дюйм. И снова, в моей знаменитой роли “Аримана, предсказателя судьбы”, я был почти карликом: с таким успехом, что полностью обманул доброго мистера Гарольда Уэлкина, когда позже я предстал перед ним в роли Патрика Гора.

Возможно, лучше всего было бы начать с событий на борту “Титаника”. На днях, когда я вернулся, чтобы потребовать свое наследство, история, которую я рассказал собравшимся в библиотеке зевакам, была правдой с одним небольшим искажением и одним заметным упущением.

Как я уже сказал, мы сменили личности. Как я уже сказал, этот добросердечный парень на самом деле пытался убить меня. Но он попытался сделать это с помощью удушения, поскольку в то время был сильнее. Эта маленькая трагикомедия разыгрывалась среди столпов высокой трагедии, и вы догадались о ее подоплеке. На заднем плане была изображена одна из огромных стальных дверей, выкрашенных в белый цвет, - дверей-переборок, которые

разделяют лайнер на отсеки и могут удерживать несколько центнеров тяжеловесного металла от надвигающейся воды. Сминание и разрушение его петель, когда корабль накренился, было, я думаю, самым ужасающим зрелищем, какое я когда-либо видел; это было похоже на разрушение всего упорядоченного или падение врат Гата.

Цель моего друга не представляла особой сложности. После того, как он сдавил мне горло, пока я не потерял сознание, он намеревался запереть меня в затопляемом отсеке и сбежать. Я отбивался всем, что было под рукой - в данном случае деревянным молотком, висевшим рядом с дверью. Не помню, сколько раз я его ударил, но сын танцора змей, казалось, даже не обратил на это внимания. К несчастью для себя, я успел отскочить к внешней стороне двери; сын танцора со змеями бросился на нее, и, когда корабль накренился, петли поддались. Едва ли нужно говорить, что я избежал всего, кроме своих ног.

Это было время героизма, доктор: героизм никогда не ложился на музыку и не рассказывался впоследствии иначе, как запинаясь. Кто меня спас - пассажир ли это был или кто-то из экипажа, - я не знаю. Помню, как меня, словно щенка, подняли на руки и отнесли на катер. Я думал, что сына танцора со змеями, с его окровавленной головой и блуждающим взглядом, оставили умирать. То, что я сам не умер, я, наверное, должен приписать соленой воде, но для меня это было не самое приятное время, и я ничего не помню о том, что произошло, до тех пор, пока не прошла неделя.

В своем рассказе для группы в Фарнли Клоуз несколько дней назад я рассказал о том, как старый Борис Йелдрич, ныне покойный владелец цирка, принял меня как Патрика Гора. Я объяснил кое-что о своем душевном состоянии. Если я не объяснил всего, что у меня на уме, то вы знаете причину. Борис легко нашел мне применение в цирке, поскольку я был (не будем заострять на этом внимание) чудаком со способностями к предсказанию судьбы, приобретенными во время учебы дома. Это было болезненное и унизительное время, особенно когда я учился “ходить” с помощью рук. Я не останавливаюсь на этой части, потому что не хочу, чтобы вы подумали, что я напрашиваюсь на жалость или сочувствие: сама мысль об этом приводит меня в ярость. Я чувствую себя героем пьесы. Я добьюсь твоей симпатии, если смогу. Я добьюсь твоего уважения или убью тебя. Но твоя жалость? Будь проклята твоя наглость!

Мне тоже приходит в голову, что я разыгрывал из себя трагика из-за чего-то, о чем, в конце концов, почти забыл. Давайте относиться к происходящему более дружелюбно и радоваться тому, что мы не можем исправить. Вы знаете мою профессию: я был гадалкой, фальшивым спиритуалистом, оккультистом и иллюзионистом. Я несколько неосмотрительно намекнул на это, когда пришел в “Фарнли Клоуз” на днях вечером. Тем не менее, я был таким большим количеством разных людей и служил под таким большим количеством псевдонимов, как “Тот, кто знает все”, что я не очень боялся разоблачения.

Я с радостью заверяю вас, что отсутствие ног было, по сути, благом для меня в моем бизнесе. Я бы не хотел, чтобы это было иначе. Но искусственные руки всегда мешали мне, и, боюсь, я так и не научился правильно с ними обращаться. Я рано научился передвигаться с помощью рук, и, осмелюсь предположить, с невероятной скоростью и ловкостью. Вряд ли мне нужно рассказывать вам, насколько это было полезно для меня в моем бизнесе медиума-спиритиста-мошенника и какие замечательные эффекты я мог оказывать на своих натурщиков. Поразмыслите над этим немного, и вы поймете.

Всякий раз, когда я решаюсь на подобные трюки, у меня есть привычка надевать под протезы и обычные брюки облегающие бриджи, снабженные кожаными накладками, которые служат мне конечностями и не оставляют следов ни на какой поверхности. Поскольку скорость при замене часто была крайне необходима, я научился снимать или надевать искусственную подвеску ровно за тридцать пять секунд.

И в этом, конечно, заключается до боли простой секрет того, как я управлял автоматом.

Несколько слов об этом, поскольку история повторяется. Это не только могло произойти раньше, это действительно произошло раньше. Известно ли вам, доктор, что именно так был запущен шахматист-автомат Кемпелена и Мельцеля?*

* Мистер Гор говорит правду. Впервые я наткнулся на это объяснение в старом издании Британской энциклопедии (девятое издание, вышедшее в 1883 году). Писатель Дж. А. Кларк (J. A. Clarke) говорит: “Первым игроком был польский патриот Воровский, который потерял обе ноги во время военной кампании: поскольку на публике он пользовался протезами, его внешность, а также тот факт, что в компании Кемпелена не было

ни карлика, ни ребенка, развеяли все подозрения. подозрение, что внутри машины может быть задействован любой человек. Этот автомат, совершивший не одно турне по столицам и дворам Европы, непродолжительное время принадлежал Наполеону I, был выставлен Мельцелем после смерти Кемпелена в 1819 году и в конечном итоге погиб во время пожара в Филадельфии в 1854 году". - Том Ii. XV, стр. 210."

С простой помощью такого человека, как я, находившегося внутри ящика, на котором стояла эта фигура, они в течение пятидесяти лет ставили в тупик Европу и Америку. Когда мистификация вводит в заблуждение людей с такими разными темпераментами, как Наполеон Бонапарт и Финеас Барнум, вам не нужно расстраиваться, если она обманула вас. Но на самом деле она вас не обманула; и вы ясно дали мне это понять своими намеками в "Чердаке".

Я не сомневаюсь, что именно в этом заключался первоначальный секрет Золотой ведьмы семнадцатого века. Теперь вы понимаете, почему автомат приобрел такую дурную славу, когда мой уважаемый предок Томас Фарнли, купив его за бешеные деньги, узнал правду? Ему рассказали о внутренней тайне; и, как и многие другие, кто узнал о внутренних тайнах, он был в ярости. Он думал, что совершит чудо. Вместо этого он заплатил за хитроумный трюк, с помощью которого он не смог бы обмануть своих друзей, если бы не держал в помещении специального оператора.

Именно так изначально создавался весь эффект: пространство внутри, как вы могли заметить, достаточно велико для такого человека, как я. Как только вы окажетесь внутри ящика или кушетки и дверь закроется, откроется небольшая панель в верхней части ящика, которая соединяется с изображениями фигуры. - Здесь используются простые механические грузики - дюжина стержней, сообщающихся с руками и телом. Скрытые отверстия на коленях автомата, которые можно открыть изнутри, позволяют оператору видеть. Именно так манекен Мельцеля играл в шахматы, а Золотая ведьма - на цитре более ста лет назад.

Но в случае с ведьмой одной из лучших особенностей иллюзии было устройство, с помощью которого оператор незаметно перемещался внутри коробки. Думаю, в этом изобретатель ведьмы превзошел Кемпелена. В начале представления главный фокусник открыл коробку и позволил всем заглянуть внутрь,

чтобы показать, что она пуста. Как же тогда оператор проник внутрь?

Мне не нужно вам рассказывать. Своими замечаниями на чердаке на следующий день после убийства - осторожными, направленными на меня, о костюме, который был на участнице выставки, - вы продемонстрировали, что знали; и я знал, что с моим гусем покончено.:

Традиционный костюм волшебника, как всем известно, состоит из огромной развевающейся мантии, покрытой иероглифами. А первоначальный изобретатель просто применил принцип, который позже использовали несколько неуклюжие индийские факиры. То есть мантия использовалась для того, чтобы что-то прикрыть: в случае с факиром - ребенка, который незаметно забирается в корзину; в случае с участником выставки “ведьма” - оператора, который скользнул в машину, пока фокусник в своем огромном одеянии возился с ней, приглушая свет. Я успешно использовал этот прием во многих своих развлечениях.

К этой истории моей жизни я должен вернуться.

Моей самой успешной ролью была роль “Аримана” в Лондоне, если вы можете простить зороастрийского дьявола за то, что он назвал египтянина. Бедный Уэлкин, которого вы не должны подозревать в причастности к моим грязным делишкам, до сих пор не знает, что я был бородатым гномом, о котором он так заботился. Он благородно защищал меня в том иске о клевете; он верил в мои экстрасенсорные способности; и когда я вновь объявился в качестве пропавшего наследника, я подумал, что будет справедливо назначить его своим законным представителем.

(Магистр, этот иск о клевете до сих пор будоражит мое воображение. Я горячо надеялся, что смогу в какой-то мере продемонстрировать свои экстрасенсорные способности в суде. Видите ли, мой отец учился в одной школе с судьей, и я был готов впасть в транс на свидетельской скамье и рассказать его светлости несколько правдивых вещей о себе. “Мой отец, действительно, был хорошо известен в Лондоне в девяностые годы, что не так уж важно. дань удивительному пониманию Ариманом сердец своих натурщиков, а не силе информации, из которой ему приходилось черпать. Но слабость к зрелищным эффектам всегда была одной из моих отличительных черт.

Итак, моя история, по сути, начинается с роли Аримана.

Я понятия не имел, что “Джон Фарнли” должен быть жив, не говоря уже о том, что теперь он сэр Джон Фарнли, баронет, пока однажды он не зашел в мой кабинет на Хаф-Мун-стрит и не рассказал мне о своих проблемах. То, что я не рассмеялся этому человеку в лицо, я просто констатирую как факт.

Сам Монте-Кристо никогда не мечтал о такой ситуации. Но я думаю, я говорю, что думаю, что, проливая бальзам на его воспаленный разум, я умудрился доставить ему несколько неприятных дней и ночей.

Однако важно не столько то, что я встретил его, сколько то, что я встретил Молли.

На этот счет мои взгляды слишком пылки, чтобы их можно было изложить в простой прозе. Разве вы не видите, что мы с вами одного поля ягоды? Разве ты не понимаешь, что, однажды найдя друг друга, мы с Молли отправились бы вместе хоть на край света? Это был внезапный, полный и ослепительный роман; в нем была жгучая страсть; это было, выражаясь языком американского развлечения под названием “Ред Дог”, “высоко, низко, джек и чертова игра”. Я должен посмеяться над этим, иначе обнаружу, что превращаю бессвязность в поэзию, а проклятия - в нежность. Когда она узнала, что у меня искалеченное тело, она не сочла его ни смешным, ни отталкивающим. Я не должен был перед ней петь припев из “Квазимодо” или “Того, кто получает пощечины”. Я настоятельно прошу вас не относиться легкомысленно к любовным романам, вдохновением для которых является скорее ад, чем небесная нежность. Плутон был таким же верным любовником, как и владыка Олимпа, и помогал удобрять землю, в то время как Юпитер, бедняга, мог передвигаться только в облике лебедя или золотого дождя; и я благодарю вас за ваше любезное внимание к этому вопросу.

Конечно, мы с Молли все спланировали заранее. (Тебе не показалось, что в конце нашей схватки мы чуть-чуть перегнули палку, вцепившись друг другу в глотки? Что она была слишком поспешна с прямыми оскорблениями, а я - с изощренными колкостями?)

Ирония заключалась в том, что я был настоящим наследником, но мы ничего не могли с этим поделать

кроме того, что сделали мы. Эта свинья узнала о том, что вы называете ее личным культом ведьм; он использовал это против нее как чистый шантаж, чтобы удержаться на своем месте; и если бы его сместили, он сместил бы и ее. Если бы я хотел вернуть себе поместье - как я твердо решил сделать - и если бы я хотел вернуть ее себе в законные жены, чтобы мы могли жить без утайки в наших общих интересах - как я тоже твердо решил сделать, - я должен был убить его и обставить это как самоубийство.

Вот, пожалуйста. Молли не смогла бы довести себя до убийства, в то время как я, при должной концентрации, могу довести себя до чего угодно. Я ни словом не обмолвился о том, что был ему чем-то обязан, и когда я увидел, во что он превратился после своего благочестивого начала, я понял, что такое пуритане и почему они были стерты с лица земли.

Преступление должно было совершиться в определенное время в ту ночь, когда оно произошло: я не мог составить свои планы более тщательно. Это не могло произойти раньше времени, потому что я не должен был появляться на Закрытии или рисковать выдать себя преждевременно, и вряд ли можно было ожидать, что этот парень совершит самоубийство, пока он не узнает о весомости улик против него. Вы знаете, какая замечательная возможность представилась мне, когда он зашел в тот сад во время сравнения отпечатков пальцев.

А теперь, мой друг, я хочу вас поздравить. Вы пошли на невозможное преступление; и, чтобы заставить Ноулза признаться, вы придумали из палок, камней, тряпок и костей совершенно логичное и обоснованное объяснение невозможного. Я рад, что вы сделали это с художественной точки зрения; без этого ваши слушатели почувствовали бы себя обманутыми и оскорбленными.

Однако факт остается фактом, и вы это прекрасно знаете, - невозможных преступлений не бывает.

Я просто подошел к этому парню, повалил его на землю и убил у пруда складным ножом, который вы позже нашли в изгороди, вот и все.

Ноулз, к несчастью или к счастью, видел все это из окна Зеленой комнаты. Даже тогда, если бы я не испортил все дело своей единственной большой ошибкой, план был бы вдвойне надежным.

Ноулз не только поклялся перед всем миром, что это было самоубийство: он из кожи вон лез, чтобы обеспечить мне неопровержимое алиби, которое меня немало удивило. Ибо он, как вы заметили, всегда недолюбливал покойного президента и не доверял ему; он никогда по-настоящему не верил, что этот человек был Фарнли; и он скорее отправился бы на виселицу, чем признал, что настоящий Джон Фарнли убил мошенника, укравшего его наследство. Я, конечно, убил этого парня, но без своих искусственных ног. Это был всего лишь здравый смысл, поскольку я могу передвигаться быстро и легко только на своих кожаных подушечках; а на искусственных ногах я не смог бы наклониться, чтобы меня никто не увидел за этими изгородями высотой по пояс. Живая изгородь служила прекрасным прикрытием, а также бесчисленными проходами для отступления в случае опасности. На случай, если меня кто-нибудь увидит, я прихватил с чердака под пальто зловещего вида маску Януса.

Я наблюдал за ним, на самом деле с северной стороны дома, то есть со стороны нового крыла. Я, должно быть, являл собой достаточно устрашающее зрелище. Это настолько парализовало нашего самозванца, что я повалил его на землю, прежде чем он успел пошевелиться или заговорить. Сила, которую за эти годы приобрели мои руки и плечи, доктор, немаловажна.

Впоследствии, по поводу этой части дела - нападения на него - показания Натаниэля Берроуза вызвали у меня несколько неприятных моментов. Берроуз стоял у двери в сад примерно в тридцати с лишним футах от него; и, как он сам признает, в полумраке у него плохое зрение. Он стал свидетелем необычных событий, которые не мог объяснить даже в своем уме. Он не мог меня видеть, так как вокруг него была живая изгородь высотой по пояс, но поведение жертвы его обеспокоило. Перечитайте его показания еще раз, и вы поймете, что я имею в виду. В заключение он говорит: “Я не могу дать точного описания его движений. Как будто что-то схватило его за ноги.”

И что-то схватило.

Тем не менее, эта опасность была незначительной по сравнению с тем, что Уэлкин едва не увидел из столовой через несколько секунд после убийства. Несомненно, вам было очевидно, что то, что Уэлкин увидел через одну из нижних стеклянных панелей французского окна, было вашим покорным слугой. С моей стороны было безрассудством позволить кому-либо увидеть меня хотя бы мимолетно, но в то время (как ты. посмотрим) Я был

расстроен тем, что мой план провалился, и, к счастью, на мне была маска.

Его взгляд, брошенный на меня, был не столь опасен, как интерпретация оттенка слов - впечатление, которое произвел этот инцидент, когда его стали обсуждать на следующий день. Здесь мой старый наставник Мюррей, этот вечный торговец словами, был преступником. В описании Уэлкином инцидента Мюррей уловил отголосок того, что Уэлкин пытался (на ощупь и неуверенно) передать. И Мюррей сказал мне: “Когда вы возвращаетесь домой, вас встречает в саду что-то ползающее безногое…”

Это была настоящая катастрофа. Это была единственная вещь, о которой никто не должен был подозревать, единственное предположение, которое нельзя было внушать. Я почувствовала, как мое лицо сморщилось, и я знаю, что побледнела, как пролитый кувшин, и я увидела, что ты смотришь на меня. Я был настолько глуп, что набросился на бедного старину Мюррея и обозвал его по причине, которая, должно быть, была необъяснима для всех, кроме вас.

Тем не менее, я боялся, что к этому времени мне в любом случае конец. Я уже упоминал о колоссальной ошибке, которую допустил в самом начале, и которая погубила дело, которое я пытался наладить. Это было так::

Я использовал не тот нож.

Я намеревался использовать обычный складной нож, который я купил специально для этой цели. (Я достал этот нож из кармана и показал вам на следующий день, притворившись, что это мой собственный нож.) Затем я намеревался прижать его к ладони и оставить у бассейна, завершив картину самоубийства.

То, что я на самом деле обнаружил в своей руке, когда отступать было уже слишком поздно, был мой собственный складной нож - нож, которым я владел с детства, - нож, который тысячи людей видели в моей руке в Америке, с именем Мэдлин Дейн, вырезанным на лезвии. Вы помните, что, несмотря на все ваши старания, этот нож не мог принадлежать самозванцу. Но вы бы достаточно быстро вышли на меня.

Все было еще хуже, потому что в ту самую ночь, когда произошло убийство, я зашел так далеко, что упомянул об этом самом ноже

перед группой в библиотеке. Рассказывая свою историю о происшествии на борту “Титаника”, я рассказал, как встретил настоящего Патрика Гора; как мы подрались, едва завидев друг друга, и как мне с трудом удалось удержаться, чтобы не наброситься на него со складным ножом. Более верный признак характера и оружие, с которым было бы трудно справиться. Это произошло из-за того, что вы пытались солгать слишком артистично и говорили всю правду, за исключением той части, которую вы хотели скрыть. Я предостерегаю вас от подобной практики.

И вот я стою у бассейна с этой адской штукой в руке в перчатке, предварительно оставив на ней отпечатки его пальцев, а ко мне бегут люди. Я был вынужден принять поспешное решение. Я не осмеливался оставить нож. Поэтому я завернул его в носовой платок и положил в карман.

Уэлкин заметил меня, когда я пошел забрать свою сбрую с северной стороны дома. Поэтому я решил, что лучше всего сказать, что я был с южной стороны. Я не осмелился носить нож с собой, поэтому мне пришлось спрятать его до тех пор, пока я не найду возможность забрать его незамеченным. И я утверждаю, что теоретически я выбрал незаметное место для тайника. Ваш сержант Бертон признает, что, если бы не один шанс на миллион, он никогда бы не нашел нож в живой изгороди, не выкорчевав систематически каждый фут живой изгороди по всему саду.

Были ли, как вы говорите, Парки, которые доставляли мне особенно неприятные неудобства? О, я не знаю. Это правда, что мне с самого начала пришлось изменить весь свой план и заявить о своей вере в убийство. Однако Ноулз, с благородным чувством самопожертвования, сразу же обеспечил мне алиби; он намекнул на это перед тем, как я вышел из дома в ту ночь; и я был готов встретиться с вами на следующий день.

Остальное просто указано. Молли настояла на том, чтобы попытаться поправить наше дело, похитив фломастер, после того как я в частном порядке дал ей понять, что это, должно быть, убийство: как вы заметили, меня нельзя было обвинить в краже фломастера с доказательствами моей личности. Мы все равно собирались вернуть его, и с удвоенной поспешностью, когда выяснилось, что это пустышка.

Молли все это время вела себя хорошо, вам не кажется? Эта небольшая сцена в саду сразу после обнаружения тела (“Будь он

проклят за то, что оказался прав!") была тщательно отрепетирована заранее. В интерпретации это должно было показать, что я был прав, когда сказал перед всей компанией, что она никогда по-настоящему не была влюблена в своего мужа (еще одна отрепетированная сцена) и что она всегда была влюблена в мой образ. Мы не могли допустить, чтобы вдова была слишком безутешна. Мы не могли допустить, чтобы она была настолько подавлена горем, что от нее можно было бы ожидать, что она навсегда сохранит враждебность ко мне. Это был дальновидный план, направленный на то, чтобы свести нас вместе, когда вражда в будущем уляжется, и все же мы все испортили!

На следующий день произошла последняя неприятная история, когда Бетти Харботтл застукала меня за возней с автоматом на чердаке. Я должен снова пробормотать "моя вина". По правде говоря, я поднялся на чердак за томографом. Но когда я увидел ведьму, мне вдруг пришло в голову, что я могу наконец вернуть ее к жизни. Мальчиком я знал ее секрет, но в то время я был еще слишком мал, чтобы залезть в шкатулку. Так что мне оставалось только возиться с ней, как респектабельному мужу с респектабельными часами на респектабельном чердаке.

Молли, обнаружив, что меня так долго нет, поднялась наверх. Она как раз успела застать Бетти Харботтл, которая осматривала книжный шкаф. И в это время я действительно был внутри автоматов

Молли, я искренне верю, думала, что я поступлю с маленькой девочкой так же, как поступил с другим человеком. Молли увидела, что Бетти была внутри, и заперла дверь. Но у меня не было желания причинять ей боль. Девушка, конечно, не могла меня видеть, но я больше всего боялся, что она увидит мою сбрую, лежащую в углу за тренажером. Думаю, вы знаете, что произошло. К счастью, причинять ей боль не было необходимости; достаточно было нескольких движений, хотя я мог бы поклясться, что она видела мои глаза через смотровые отверстия в автомате. После этого нам с Молли ничто не угрожало. Если бы вы слишком настойчиво расспрашивали нас о нашем местонахождении в то время, мы бы просто предоставили друг другу неохотное алиби. И все же было ошибкой забыть фартук той девочки - когти ведьмы сорвали его во время пантомимы - и оставить его, когда мы уходили.

Что ж, я поступил глупо, и вот, пожалуйста. Уже на следующий день после убийства я понял, что я был прав, если говорить

простым языком. Вы нашли нож. Хотя я отнесся к этому легкомысленно, как к тому, что самозванец отнял у меня много лет назад, и хотя Мюррей неосознанно оказал мне некоторую помощь. Следуя за вами и инспектором, я пришел к

тот подошел ближе и увидел Молли. Я сказал ей, что наш единственный выход - это сбежать. Помните, мы полагали, что у нас было достаточно времени; вы с инспектором намеревались отправиться в Лондон той ночью, и мы не боялись разоблачения в течение нескольких часов. Молли согласилась, что это было единственное, что можно было сделать - мне дали понять, что вы видели, как она выходила из “Клоуз” с чемоданом в руке, когда смотрели вниз из окон “Зеленой комнаты кей”. Однако я думаю, что это было неразумно - намеренно позволить нам уйти, чтобы мы обрекли себя на быстрое бегство, - такой ход мудр, доктор, только в том случае, если вы уверены, что схватите добычу, когда она вам понадобится.

В заключение этого рассказа скажу, что у меня были трудности с Молли. Ей было нелегко уйти, не сказав Мэдлин последнего слова. Когда мы уезжали на машине, она была полна фантастических мыслей (я могу сказать это, потому что леди знает, что я люблю ее) о том, как отомстить “кошке” в “Монплезире”.

Я не смог ей помешать. Мы добрались туда всего за несколько минут, оставив машину в переулке у старого дома полковника Мардейла. Короче говоря, мы доехали и остановились послушать. Потому что через полуоткрытое окно столовой мы услышали очень доходчивый рассказ о смерти Виктории Дейли и о вероятной личности колдуньи-любовницы, ответственной за это: его излагал мистер Пейдж.. Автомат все еще был там, и я затолкал его обратно в угольный склад только потому, что Молли хотела разбить им окна в доме Мэдлин. Такое поведение, без сомнения, ребячество; однако ссора миледи с Мадлен носит личный характер, как и моя ссора с покойным Патриком Гором; и я говорю вам, что ничто из того, что произошло до сих пор в этом деле, не привело ее в такую ярость, как тот разговор в столовой.

В то время я не знал, что она привезла с собой пистолет из Фарнли Клоуз. Я понял это только тогда, когда она достала его из сумочки и постучала им по стеклу. После чего я понял, доктор, что немедленные действия необходимы по двум причинам: во-первых, мы не хотели, чтобы в этот момент вспыхнула женская ссора, и, во-вторых, перед домом только что остановилась

машина (Берроуза). Я взял Молли под мышку и поспешил увести ее прочь. К счастью, внутри работала радиосвязь, и мы избежали обнаружения. Я убежден, что только последовавшая за этим любовная сцена, отличавшаяся невероятной непоследовательностью, - сцена, происходившая у окна, - заставила ее ускользнуть от моей бдительности и выстрелить в столовую, когда мы уже собирались уходить. Миледи - хороший стрелок, и у нее не было ни малейшего намерения в кого-либо попасть; она хотела, чтобы я сказал, что это было всего лишь замечание по поводу нравственности бедной Мадлен и что она с удовольствием сделала бы это снова.

В заключение я подчеркиваю эти незначительные и даже нелепые события по одной очень веской причине: по той причине, с которой я начал.. Я не хочу, чтобы вы думали, что мы уходили в атмосфере высокой трагедии под мрачное бормотание богов. Я не хочу, чтобы вы думали, что природа затаила дыхание при виде зла или нашей кончины. Потому что я думаю, доктор, я скорее думаю, что для того, чтобы заставить Ноулз признаться, вы, должно быть, намеренно изобразили характер Молли гораздо более жестким и порочным, чем он есть на самом деле.

Она не хитрая, она - полная противоположность хитрости. Ее личный культ ведьмы был не холодным интеллектуальным усилием женщины, заинтересованной в том, чтобы наблюдать за тем, как корчатся умы, она - полная противоположность холодной интеллектуальности, и вы это прекрасно знаете. Она делала то, что делала, потому что ей это нравилось. Я надеюсь, ей это и дальше будет нравиться; Говорить о ней так, будто она убила Викторию Дейли, - полная чушь; а все, что касается женщины возле Танбридж-Уэллса, настолько туманно, что не поддается доказательствам или даже обвинению. Я допускаю, что в ее натуре много Низменного, как и в моей; но что еще? Наш отъезд из Кента и из Англии не был, как я пытался

указать, занавесом для постановки нравоучительной пьесы. Это было очень похоже на беспорядочную поездку обычной семьи на море, когда отец не может вспомнить, что он сделал с билетами, а мать уверена, что оставила включенным свет в ванной. Я подозреваю, что такая же поспешность и смятение сопровождали отъезд мистера и миссис Адам из более просторного сада; и это, как может сказать король, не опровергая Алису, является самым старым правилом в книге.

искренне ваш,

Джон Фарнли (бывший Патрик Гор).